

ВЕСТНИК Тамбовского университета

ЖУРНАЛ ТАМБОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Научно-теоретический
и прикладной
журнал
широкого профиля

Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ

Издается с 15 мая 1996 года
Выходит 12 раз в год

Т. 21,
вып. 1
(153)

2016

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

3 CONTENTS

ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

- 5 *Н.В. Молоткова,
П.В. Монастырев,
И.И. Мамаев,
У Чэнь* Разработка программ прикладного бакалавриата и этапы формирования многоуровневого образования
- 11 *У Чэнь,
И.И. Мамаев,
Н.В. Молоткова,
П.В. Монастырев* Перспективы взаимодействия вузов России и Китая при проектировании образовательных программ в сфере архитектуры и дизайна в рамках межвузовских ассоциаций

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

- 17 *И.Е. Брыксина* Лингвометодические основы профессионально ориентированного обучения иностранному языку в неязыковом вузе (билингвальный / бикультурный аспект)
- 27 *Ю.Д. Сергин* Импровизация как взаимодействие исполнителя и слушателя
- 33 *Н.А. Котова* Трансформация представлений об образовательной среде вуза в контексте разных методологических подходов
- 46 *Е.А. Уваров,
Моджахед Белаид* Научно-методическое основание построения тренировочного процесса юных футболистов на этапе спортивного совершенствования

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- 53 *Н.С. Цинцадзе* Советская власть и социоестественные проблемы сельского хозяйства РСФСР в 1910–1920-е гг.: опыт нормативно-правового регулирования
- 68 *Ю.В. Щербинина* Отражение революционных событий музейными средствами как один из аспектов политизации деятельности музея в 1920–1930-х гг.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН: ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

- 75 А.Г. Шестакова** Российские дореволюционные исследования Римско-католической церкви XIX столетия в контексте истории и политики
- 80 Цао Байин, Нин Яньхун** Китайские рабочие в России как значимая сила в распространении марксизма
- 89 Л.А. Черешнева** У истоков индо-советского сближения: документы трех московских встреч 1950 г.

ПЕРСОНАЛИИ

- 96 А.Г. Айрапетов, Ю.А. Мизис** Лев Григорьевич Протасов (1938–2015)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР к. юрид. н. В.Ю. Стромов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА: д. пед. н., проф. П.В. Сысоев (научный редактор серии), И.В. Ильина (отв. секретарь), д. эконом. н., проф. В.И. Абдукаримов, д. ист. н., проф. А.Г. Айрапетов, д. эконом. н., проф. Н.Г. Багаутдинова (г. Казань), д. истории, проф. Тьерри Гробуа (Люксембург), д. эконом. н., проф. Г.П. Журавлева (г. Москва), д. пед. н., проф. И.Ф. Исаев (г. Белгород), д. ист. н., проф. В.В. Канищев, д. ист. н., проф. С.Г. Кашенко (г. Санкт-Петербург), д. пед. н., проф. Р.М. Куличенко, д. эконом. н., проф. Л.В. Лысяк (г. Днепропетровск, Украина), д. пед. н., проф. Л.Н. Макарова, д. эконом. н., проф. В.Д. Мамонтов, д. ист. н., проф. Ю.А. Мизис, д. ист. н., проф. С.А. Нефедов (г. Екатеринбург), д. пед. н., проф. А.Г. Пашков (г. Курск), д. пед. н., проф. Л.С. Подымова (г. Москва), д. ист. н., проф. В.В. Романов, д. эконом. н., проф. О.А. Степичева, д. ист. н., проф. А.С. Туманова (г. Москва), д. эконом. н., проф. Е.В. Харченко (г. Курск), доктор наук, проф. Хок Стивен Л. (г. Три-Ситис, США), д. пед. н., проф. И.А. Шаршов.

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440. Факс (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru. Интернет: <http://vestnik.tsutmb.ru/rus/>; <http://vestnik.tsutmb.ru/eng/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-50435 от 3 июля 2012 г.

Подписной индекс 83371 в каталоге агентства «Роспечать».

Редакторы: Э.Ю. Закомолдина, Т.А. Ковалева, М.И. Филатова.

Редактор английских текстов Е.А. Финаева.

Компьютерное макетирование Т.Ю. Молчанова.

Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2016. – Т. 21, вып. 1 (153). – 108 с. – ISSN 1810-0201. – DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)

Подписано в печать 29.01.2016. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 13,10. Тираж 1000 экз. Заказ № 1067. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. 392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2016

© Журнал «Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки», 2016.

При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за содержание публикаций несет автор.

The journal is on the official list of scientific reviewed periodicals
recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific
researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science

CONTENTS

PEDAGOGY OF HIGHER SCHOOL

- 5 *N.V. Molotkova,
P.V. Monastyrev,
I.I. Mamaev,
Wu Chen* The development of applied bachelor programs and stages of multilevel education
- 11 *Wu Chen,
I.I. Mamaev,
N.V. Molotkova,
P.V. Monastyrev* Prospects for interaction of Russian and Chinese universities in the design of educational programs in the sphere of architecture and design within the framework of inter-university associations

EXPERIENCE OF ORGANIZATION OF MODERN EDUCATION

- 17 *I.E. Bryksina* Linguistic and methodic basements of professionally-oriented foreign language teaching in non-linguistic institute of higher education (bilingual / bicultural aspect)
- 27 *Y.D. Sergin* Improvisation as an interaction of performer and listener
- 33 *N.A. Kotova* Transformation of educational sphere of higher education institution presentation in the context of different methodological approaches
- 46 *E.A. Uvarov,
Modjahed Belaid* Scientific-methodological basis of training process creation of young football players at the stage of sports development

SOCIAL HISTORY OF RUSSIA

- 53 *N.S. Tsintsadze* Soviet power and social and natural problems of agriculture of the RSFSR in 1910–1920s: experience of legal regulation
- 69 *Y.V. Scherbinina* Reflection of revolutionary events by museum means as one of aspects of museum's activity politicization in 1920–1930-s of XX century

LINK OF TIME: HISTORY OF SOCIETIES AND CIVILIZATIONS

- 75 *A.G. Shestakova* Russian pre-revolutionary researches of Roman Catholic Church in the context of history and politics in XIX century
- 80 *Cao Baiying, Ning Yanhong* Chinese workers in Russia as significant force in Marxism spread
- 89 *L.A. Cheresheva* In the origins of Indo-Soviet approach: documents of three Moscow meetings in 1950

PERSONALIA

- 96 *A.G. Ayrapetov, Y.A. Mizis* Lev Grigoryevich Protasov (1938–2015)

Founder: Federal State Budget Educational Institution of High Professional Education
“Tambov State University named after G.R. Derzhavin” (392000, Tambov, 33 Internatsionalnaya street)

EDITOR-IN-CHIEF Candidate of Law V.Y. Stromov

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL: Doctor of Pedagogy, Professor P.V. Sysoev (Series Managing Editor), I.V. Ilyina (Executive Editor), Doctor of Economics, Professor V.I. Abdugarimov, Doctor of History, Professor A.G. Airapetov, Doctor of Economics, Professor N.G. Bagautdinova (Kazan), Professor Thierry Grosbois (Luxembourg), Doctor of Economics, Professor G.P. Zhuravleva (Moscow), Doctor of Pedagogy, Professor I.F. Isayev (Belgorod), Doctor of History, Professor V.V. Kanishev, Doctor of History, Professor S.G. Kashenko (Saint-Petersburg), Doctor of Pedagogy, Professor R.M. Kulichenko, Doctor of Economics, Professor L.V. Lyusyak (Dnepropetrovsk, Ukraine), Doctor of Pedagogy, Professor L.N. Makarova, Doctor of Economics, Professor V.D. Mamontov, Doctor of History, Professor Y.A. Mizis, Doctor of History, Professor S.A. Nefedov (Ekaterinburg), Doctor of Pedagogy, Professor A.G. Pashkov (Kursk), Doctor of Pedagogy, Professor L.S. Podyumova (Moscow), Doctor of History, Professor V.V. Romanov, Doctor of Economics, Professor O.A. Stepicheva, Doctor of History, Professor A.S. Tumanova (Moscow), Doctor of History, Doctor of Economics, Professor E.V. Kharchenko (Kursk), Doctor of Sciences, Professor Hoch Steven L. (Tri-Cities, USA), Doctor of Pedagogy, Professor I.A. Sharshov.

Editors address: 33 Internatsionalnaya street, Tambov, 392000, Russia.

Tel. number: (4752)-72-34-34 extension 0440. Fax: (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru. Интернет: <http://vestnik.tsutmb.ru/rus/>; <http://vestnik.tsutmb.ru/eng/>

The journal is registered by Federal service for supervision in communication, information technologies and mass communications sphere (Roskomnadzor). Certificate of registration of mass information mean ПИ № ФС77-50435 from 3 July, 2012.

Subscription index in the catalogue of the Rospechat agency is 83371.

Editors: E.Y. Zakomoldina, T.A. Kovaleva, M.I. Filatova.

English texts editor E.A. Finaeva.

Computer layout T.Y. Molchanova.

Tambov University Review. Series: Humanities. – Tambov, 2016. – Vol. 21, Issue 1 (153). – 108 p. – ISSN 1810-0201. – DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)

Подписано в печать 29.01.2016. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 13,10. Тираж 1000 экз. Заказ № 1067. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© FSBEI of HPE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”, 2016

© The journal “Tambov University Review. Series: Humanities”, 2016.

All rights of reproduction in any form reserved.

The author is responsible for the contents of publications.

ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

УДК 378

РАЗРАБОТКА ПРОГРАММ ПРИКЛАДНОГО БАКАЛАВРИАТА И ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОУРОВНЕВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© **Наталья Вячеславовна МОЛОТКОВА**

Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор педагогических наук,
профессор, первый проректор, научный руководитель кафедры
«Коммерция и бизнес-информатика», e-mail: nmolotkova@list.ru

© **Павел Владиславович МОНАСТЫРЕВ**

Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор технических наук,
профессор, директор Института архитектуры, строительства
и транспорта, e-mail: monastyrev68@mail.ru

© **Иван Ильич МАМАЕВ**

Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра «Архитектура
и строительство зданий», e-mail: mamaeivan@yandex.ru

© **У Чэнь**

Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра «Архитектура
и строительство зданий», e-mail: 515603245@qq.com

Ни для кого не секрет, что сейчас большинство российских школьников ориентированы на получение только высшего образования и никакого другого. В последнее десятилетие двадцатого столетия отечественная система высшего образования стала принимать четкие очертания, ориентированные на требования постиндустриального общества: высокий уровень профессионализма, академическая и социальная мобильность, готовность к самообразованию и самосовершенствованию обеспечивают востребованность выпускника высшей школы на рынке труда. И поскольку именно знания являются неизменным стратегическим ресурсом общества, постольку формирование ключевых компетенций специалиста, последовательно интегрирующихся и определяющих профессиональную компетентность, должно начинаться с первых дней обучения в вузе. При этом в малых городах зачастую нет вузов. Программы прикладного бакалавриата – выход для всех. Рассмотрена разработка программ прикладного бакалавриата, определены их структура и этапы формирования. Задача программ прикладного бакалавриата в ситуации инновационной экономики двояка. С одной стороны, они должны давать фундаментальное образование, хорошую базу. С другой стороны, выпускник должен получить актуальные в настоящий момент практические навыки. Учебно-исследовательская компетентность в этой связи – это такая форма существования знаний, умений, образованности в целом, которые приводят к личностной самореализации, к нахождению выпускниками бакалавриата и магистратуры своего места в мире, вследствие чего такое образование становится высокомотивированным, индивидуализированным, обеспечивающим максимальную востребованность личностного потенциала, признание личности окружающими и осознание ею самой собственной значимости. Проанализирована направленность содержания многоуровневого образования на развитие компетентности.

Ключевые слова: бакалавриат; развитие; образование; программы; разработка.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-5-10

«Несоответствие структуры образования
запросам рынка труда – в числе самых

«больных» для сегодняшней России про-
блем. Разработка программ прикладного ба-

калавриата – один из возможных способов ее решить. Однако вопрос до сих пор в стадии дискуссий» [1].

Российское образование сегодня требует серьезных институциональных изменений. Вариант прикладного бакалавриата, разработанный Министерством образования и науки Российской Федерации, рассчитан на то, чтобы встроить эти программы в существующую систему, ничего в ней не меняя. Начатый в 2010 г. эксперимент, непосредственным его исполнением занимаются Федеральный институт развития образования и Национальный фонд подготовки кадров, основан на четырехлетней программе прикладного бакалавриата, которая представляет собой обычную бакалаврскую подготовку с акцентом на прикладные дисциплины. Реализуются программы либо самими вузами, либо консорциумами: вуз, колледж, техникум. Консорциумы считаются наиболее перспективными для прикладного бакалавриата: вузы должны дать студентам теоретическую подготовку, колледжи или техникумы – практическую.

Эксперимент изначально не решал проблем студентов и школьников. Он скорее был призван решить проблемы вузов, техникумов и колледжей.

Для вузов назвать часть своих программ «прикладными» – способ диверсифицировать предлагаемые варианты обучения и привлечь дополнительный контингент.

Для техникумов и колледжей подобные программы – также возможность привлечь студентов [2].

Ни для кого не секрет, что сейчас большинство российских школьников ориентированы на получение только высшего образования и никакого другого. При этом в малых городах зачастую нет вузов. Программы прикладного бакалавриата – выход для всех. Абитуриенты могут не ехать учиться в другой город, чтобы получить диплом о высшем образовании, а местные техникумы, объединившись в консорциум с вузами и дополнив свои учебные планы некоторыми теоретическими дисциплинами, получают студентов и выживают. При этом очевидно, что полноценной фундаментальной подготовки в таких консорциумах не будет.

Еще до начала эксперимента специалисты по авиастроению, автотранспорту выра-

жали сомнения относительно успеха такого смешения техникумов с вузами. Ведь подготовка инженера предполагает, что первые два года он изучает высшую математику, физику и сопромат, а для этого в техникумах просто нет ресурсов: квалифицированный техник – это совсем другое...

«Задача программ прикладного бакалавриата в ситуации инновационной экономики двойка. С одной стороны, они должны давать фундаментальное образование, хорошую базу. С другой стороны, выпускник должен получить актуальные в настоящий момент практические навыки. С последним у нас в стране самые большие проблемы. Когда к нам приезжают коллеги из Германии, они всегда удивляются: как можно учить практических специалистов пять, а то и шесть лет, не дав им ни разу поработать?.. Они же все равно все забудут» [3].

Прикладной бакалавриат должен быть прерогативой вузов: только там можно получить фундаментальную подготовку. По окончании второго курса студентам нужно предоставить выбор: более «академическая» четырехлетняя бакалаврская программа, рассчитанная в первую очередь на академическую карьеру, или короткая годичная практическая подготовка – и выход на работу. В магистратуру в такой ситуации, на наш взгляд, предпочтительно принимать после академического бакалавриата, т. к. магистерское образование рассчитано в первую очередь на будущих исследователей или руководителей.

Такой вариант обеспечит непрерывность образования. Человек получает диплом бакалавра, работает, реализуя практические навыки, но на этом его образование не заканчивается. Он может продолжать его самым различным образом. Например, вернуться в академический бакалавриат на третий курс и получить более глубокую подготовку, чтобы в дальнейшем идти в магистратуру. Или выбрать другое направление прикладной подготовки, или курсы повышения квалификации.

«Когда система «4 + 2» только внедрялась, было много опасений, что по окончании бакалавриата все сразу механически пойдут в магистратуру. Но прошло несколько лет, и сейчас все больше студентов, не делающих ставки на академическую карьеру, предпочитают выходить на рынок труда по-

сле четырех лет бакалаврского обучения и сразу начинать зарабатывать. Возможно, прикладная подготовка быстро станет популярной – сейчас большинство студентов начинает работать уже на третьем курсе. И вряд ли они откажутся получить завершенное образование быстрее и не «разрываться», совмещая учебу с работой» [4].

Этапы перехода к прикладному бакалавриату.

«Федеральный институт развития образования» (ФИРО) является головной научной организацией в структуре Министерства образования и науки РФ, которая проводит комплексные исследования по проблеме прикладного бакалавриата.

На первом этапе (2011) определены базовые региональные и федеральные колледжи, где отрабатываются различные аспекты данной проблемы. Результаты промежуточных исследований позволяют констатировать, что дальнейшие перспективы должны быть связаны с созданием крупных федеральных (региональных) колледжей, имеющих правовой статус автономного учреждения. Такие колледжи должны быть зарегистрированы как экспериментальная площадка Федерального института развития образования, который будет осуществлять научное сопровождение проводимого ими эксперимента.

На втором этапе (2012–2013) при участии работодателей различных отраслей необходимо завершить работу над общероссийским классификатором образовательных программ (ОКОП) и перечнем образовательных программ, который будет единым для всех уровней профессионального образования, в т. ч. для прикладного бакалавриата. Представляется целесообразным создать при Федеральном институте развития образования федеральный научно-внедренческий центр прикладного бакалавриата как коллегиальный орган, включающий представителей работодателей различных отраслей и именно в институте сосредоточить повышение квалификации педагогических работников довузовского профессионального образования, которые получают право работать по программам прикладного бакалавриата.

На третьем этапе (2013–2014) необходимо осуществить массовое повышение квалификации и профессиональную переподготов-

ку практических работников колледжей и корпоративных вузов по обучению работе по программам прикладного (трехгодичного) бакалавриата. В настоящее время руководство ФИРО готовит проведение ряда мероприятий по развитию новой формы довузовского профессионального образования» [5].

Направленность содержания многоуровневого образования на развитие компетентности.

«Концептуальную основу проектирования содержания компетентностного образования составляет система таких принципов, как принцип использования международных стандартов многоуровневого образования с учетом российских образовательных традиций и национального менталитета; принцип акмеологической ориентации (на наивысшие достижения и наиболее результативные способы деятельности занятых в данной сфере людей); принцип технологического обеспечения уровня компетентности в соответствии со стандартами данной ступени образования; принцип задания обучаемым ориентировочной основы выполнения профессиональной деятельности на уровне базовых компетенций для каждого уровня (ступени) образования; принцип сочетания образовательного стандарта с вариативными образовательными маршрутами студентов; принцип единства обучения и саморазвития специалиста как условия становления профессиональной индивидуальности» [6].

Содержание образования в условиях реализации компетентностного подхода задается в виде описания системы компетенций выпускника для каждого уровня образования (бакалавриат и магистратура), снабженного диагностическим (контрольно-измерительным) инструментарием. Структура содержания образования (для каждой базовой компетенции) включает: ориентировочную основу компетентного исполнения деятельности на основе образа создаваемого продукта и логики его создания; концептуального знания о сущности процесса и продукта деятельности; набора апробированных в собственном опыте способов деятельности (мыслительных, организационных, коммуникативных, информационных и др.); опыта выполнения этой деятельности в проблемных условиях (при неполноте задания условий задачи, дефиците информации и време-

ни, невыявленности причинно-следственных связей, непригодности известных вариантов решения); опыта рефлексии и самоконтроля своих действий на основе знания образцов и критериев эффективности.

Рассмотрим особенности формирующейся в российском высшем образовании многоуровневой системы подготовки с учетом влияния ее требований на возможность и необходимость развития учебно-исследовательской компетентности бакалавров и магистров. Существенно, что эта новая составляющая образовательной системы, включающая четырехлетний бакалавриат как часть шестилетней образовательной программы подготовки магистров, ориентирована на фундаментальное междисциплинарное образование. При таком подходе появляется возможность поднять на новый уровень качество образования. Речь идет не только о необходимости профессиональных знаний и практического опыта, требующихся для выполнения тех или иных профессиональных обязанностей, но и о развитии творческих возможностей личности, активизации глубинных источников ее интеллектуального потенциала.

«Формирование базовых профессиональных компетенций выступает в качестве приоритетной миссии, находящейся на стадии становления многоуровневого высшего образования в России. Его развитие не должно обязательно идти по общей для всех вузов схеме, необходима свобода выбора, при этом главным ориентиром должно быть повышение качества образования путем обновления его содержания, диверсификации учебных планов, широкого развития современных образовательных технологий» [7]. В этих условиях совершенствование учебного процесса будет способствовать развитию индивидуального стиля учебной деятельности студентов, повышению учебно-исследовательской компетентности, профессиональному и личностному развитию.

Компетентностный подход выдвигает на первое место не информированность студента, а умения решать проблемы, возникающие: в познании и объяснении явлений действительности; при освоении современной техники и технологии; во взаимоотношениях людей, в этических нормах, оценке собственных поступков; в практической жизни

при выполнении социальных ролей; в правовых нормах и административных структурах, в потребительских и эстетических ценностях; в овладении профессией в высшем учебном заведении, умении ориентироваться на рынке труда; при рефлексии собственных жизненных проблем, самоорганизации себя, выбора стиля и образа жизни, разрешения конфликтов.

Учебно-исследовательская компетентность как свойство индивида существует в различных формах – как высокая степень умений, как способ личностной самореализации (привычка, способ жизнедеятельности, увлечение); как некий итог саморазвития индивида, как форма проявления способности и индивидуального стиля учебной деятельности и др. [8]. «Учебно-исследовательская компетентность студентов складывается из:

- познавательных интересов;
- особенностей учебной деятельности;
- видов учебных занятий (лекции, семинары, практические занятия и т. д.);
- предпочитаемых способов работы с учебным материалом (самостоятельное изучение, экспериментирование, практическая деятельность, задания творческого характера и т. д.);
- предпочитаемых видов учебной деятельности (обсуждения, творческие задания, индивидуальные самостоятельные работы и т. д.);
- особенностей усвоения учебного материала (в ходе самостоятельной или коллективной учебной деятельности, с помощью преподавателя, в ходе ответов на конкретные вопросы, при работе в парах, тестировании, модульно-рейтинговом контроле и т. д.);
- особенностей взаимодействия с преподавателями в процессе учебно-исследовательской деятельности, в учебной группе» [9].

Природа учебно-исследовательской компетентности такова, что она хотя и является продуктом обучения, но не прямо вытекает из него, а является, скорее, следствием саморазвития бакалавра и магистра, причем не столько «технологического», сколько личностного роста, целостной самоорганизации и синтеза своего деятельностного и личностного опыта. «Учебно-исследовательская компетентность в этой связи – это такая форма существования знаний, умений, образованности в целом, которые приводят к личностной

самореализации, к нахождению выпускниками бакалавриата и магистратуры своего места в мире, вследствие чего такое образование становится высокомотивированным, индивидуализированным, обеспечивающим максимальную востребованность личностного потенциала, признание личности окружающими и осознание ею самой собственной значимости» [10].

Список литературы

1. Блинов В.И. Прикладной бакалавриат: самое практичное образование. URL: <http://www.opec.ru> (дата обращения: 20.10.2015).
2. Еременко Ю.И. Практико-ориентированный бакалавриат в многоуровневой профессиональной подготовке специалистов // Непрерывное многоуровневое профессиональное образование: традиции и инновации: сборник материалов 7 региональной научно-методической конференции. Воронеж, 2012. Ч. 2. С. 62-64.
3. Еременко Ю.И. Прикладной бакалавриат как инновационная образовательная траектория в системе «колледж – вуз» // Современное образование: содержание, технологии, качество: сборник материалов 18 Международной научно-методической конференции. СПб., 2012. Т. 1. С. 33-34.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. М., 2013.
5. Анисимов П.Ф. Профессиональное образование – естественная потребность экономики // Национальные проекты. 2012. № 1-2. С. 80-83.
6. Волохин А.В., Никитин М.В. Довузовское профессиональное образование как механизм государственно-частного партнерства // Образовательная политика. 2011. № 5. С. 26-30.
7. Девислов В.А. Стандарты высшего профессионального образования компетентностного формата: вопросы структуры и содержания // Высшее образование сегодня. 2012. № 9. С. 16-21.
8. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Эйдос: сетевой журнал. 2012. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2012/0505.htm>. (дата обращения: 15.05.2014).
9. Концепция создания программ прикладного бакалавриата в системе профессионального образования Российской Федерации / авт.-сост. В.И. Блинов, Ф.Ф. Дудырев, Е.Ю. Есенина, А.Н. Лейбович, А.А. Факторович. М., 2010.
10. Митяева А.М. Развитие системы многоуровневого высшего образования в России и за рубежом // Образование и общество. 2012. № 2. URL: <http://www.education.rekom.ru>. (дата обращения: 15.05.2014).

бежом // Образование и общество. 2012. № 2. URL: <http://www.education.rekom.ru>. (дата обращения: 15.05.2014).

References

1. Blinov V.I. Prikladnoy bakalavriat: samoe praktichnoe obrazovanie. Available at: <http://www.opec.ru> (accessed 20.10.2015).
2. Eremenko Yu.I. Praktiko-orientirovanny bakalavriat v mnogourovnevoy professional'noy podgotovke spetsialistov. *Sbornik materialov 7 regional'noy nauchno-metodicheskoy konferentsii "Neprevyaynoe mnogourovnevnoe professional'noe obrazovanie: traditsii i innovatsii"*. Voronezh, 2012, ch. 2, pp. 62-64.
3. Eremenko Yu.I. Prikladnoy bakalavriat kak innovatsionnaya obrazovatel'naya traektoriya v sisteme "kolledzh – vuz". *Sbornik materialov 18 Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii "Sovremennoe obrazovanie: sodержanie, tekhnologii, kachestvo"*. St. Petersburg, 2012, vol. 1, pp. 33-34.
4. *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya*. Moscow, 2013.
5. Anisimov P.F. Professional'noe obrazovanie – estestvennaya potrebnost' ekonomiki. *Natsional'nye proekty*, 2012, no. 1-2, pp. 80-83.
6. Volokhin A.V., Nikitin M.V. Dovuzovskoe professional'noe obrazovanie kak mekhanizm gosudarstvenno-chastnogo partnerstva. *Obrazovatel'naya politika*, 2011, no. 5, pp. 26-30.
7. Devislov V.A. Standarty vysshego professional'nogo obrazovaniya kompetentnostnogo formata: voprosy struktury i sodержaniya. *Vysshee obrazovanie segodnya*, 2012, no. 9, pp. 16-21.
8. Zimnyaya I.A. Klyuchevye kompetentsii – novaya paradigma rezul'tata sovremennogo obrazovaniya. *Eydos: setevoy zhurnal*, 2012. Available at: <http://www.eidos.ru/journal/2012/0505.htm> (accessed 15.05.2014).
9. Blinov V.I., Dudyrev F.F., Eсенина Е.Ю., Лейбович А.Н., Факторович А.А. *Kontseptsiya sozdaniya programm prikladnogo bakalavriata v sisteme professional'nogo obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii*. Moscow, 2010.
10. Mityaeva A.M. Razvitie sistemy mnogourovnevogo vysshego obrazovanie v Rossii i za rubezhom. *Obrazovanie i obshchestvo*, 2012, no. 2. Available at: <http://www.education.rekom.ru> (accessed 15.05.2014).

Поступила в редакцию 11.11.2015 г.
Received 11 November 2015

UDC 378

THE DEVELOPMENT OF APPLIED BACHELOR PROGRAMS AND STAGES OF MULTILEVEL EDUCATION

Natalya Vyacheslavovna MOLOTKOVA, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Doctor of Pedagogy, Professor, First Provost, Scientific Adviser of "Commerce and Business-Informatics" Department, e-mail: nmolotkova@list.ru

Pavel Vladislavovich MONASTYREV, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Doctor of Technics, Professor, Head of Architecture, Building and Transport Institute, e-mail: monastyrev68@mail.ru

Ivan Ilyich MAMAEV, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, "Architecture and Building" Department, e-mail: mamaeivan@yandex.ru

Wu Chen, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, "Architecture and Building" Department, e-mail: 515603245@qq.com

There is no secret that the majority of Russian students are focused on only getting higher education but not any other kind of education. In the last decade of the twentieth century, the national system of higher education began to take clear shape oriented on the demands of the post-industrial society: the high level of professionalism, academic and social mobility, readiness for self-education and self-improvement provide the demand of graduates in the labor market. And since the same knowledge is a strategic resource company, to the extent formation of key competencies specialist consistently integrating and defining professional competence, should start from the first day of training at the university. In the small towns there are often no institutes of higher education. Applied bachelor programs – are a good way out. The development of applied bachelor programs, defined by their structure and stages of formation are described. The task of applied bachelor programs in the situation of the innovation economy is twofold. On the one hand, they should provide fundamental knowledge, good base. On the other hand, the graduate should receive topical skills which are practical at the moment. Teaching and research competence in this regard is a form of knowledge existence, skills, education in general, which lead to personal self-realization, to finding graduates of bachelor and master's place in the world due to what kind of education becomes a highly motivated, individualized for maximum demand for personal potential, recognition and awareness of personality surrounding her own self-worth. The direction of content multilevel education on the development of competence is analyzed.

Key words: bachelor; development; education; programs; development.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-5-10

УДК 378

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВУЗОВ РОССИИ И КИТАЯ ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В СФЕРЕ АРХИТЕКТУРЫ И ДИЗАЙНА В РАМКАХ МЕЖВУЗОВСКИХ АССОЦИАЦИЙ

© У Чэнь

Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра «Архитектура
и строительство зданий», e-mail: 515603245@qq.com

© Иван Ильич МАМАЕВ

Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра «Архитектура
и строительство зданий», e-mail: mamaeivan@yandex.ru

© Наталья Вячеславовна МОЛОТКОВА

Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор педагогических наук,
профессор, первый проректор, научный руководитель кафедры
«Коммерция и бизнес-информатика», e-mail: nmolotkova@list.ru

© Павел Владиславович МОНАСТЫРЕВ

Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор технических наук, профессор,
директор Института архитектуры, строительства и транспорта,
e-mail: monastyrev68@mail.ru

Рассмотрены перспективы взаимодействия вузов России и Китая при проектировании образовательных программ в сфере архитектуры и дизайна в рамках межвузовских ассоциаций. Отношения России и КНР, несмотря на конкуренцию в ряде областей, в целом можно охарактеризовать как перспективные и значимые для обеих сторон. В сфере образования у наших стран много общих проблем и точек соприкосновения. Необходимо обобщить накопленный положительный и негативный опыт образовательного сотрудничества двух стран и придать ему новые стимулы. Сотрудничество университетов России при проектировании образовательных программ в сфере архитектуры и дизайна, имеющих в своей структуре Институты Конфуция, строится в основном по двусторонней вертикали. Существенный потенциал в создании и развитии совместных и / или международных ресурсных и экспертных центров при проектировании образовательных программ в сфере архитектуры и дизайна кроется в деятельности рабочих групп АТЭС, однако механизм инициирования проектов в них предусматривает наличие «ко-спонсоров». Взаимодействие отдельных университетов в рамках БРИКС в ближайшие годы представляется реальным лишь по отдельным группам стран, хотя пока образовательное сотрудничество при проектировании образовательных программ в сфере архитектуры и дизайна даже в рамках РИК пробуксовывает.

Ключевые слова: архитектура; взаимодействие; дизайн; проектирование; межвузовские ассоциации.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-11-16

«Мировой экономический кризис внес существенные изменения в ландшафт мировой экономики. Огромную роль в процессе трансформации играет Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР): доля этого региона в мировом ВВП – 62 %, или около 62100 млрд долл. США» [1].

Основные игроки в регионе – это еще пытающиеся доминировать США, все увереннее заявляющий о себе Китай, а также Япония, Республика Корея и КНДР. Россия

до последнего времени оставалась не таким привлекательным партнером для стран АТР, как и они для нее. Китай позиционирует себя как локомотив экономического роста в АТР и через 20–30 лет рассчитывает стать региональным лидером, при этом он ищет равноправного сотрудничества с мировым сообществом в поддержании глобальной и региональной стабильности.

Отношения России и КНР, несмотря на конкуренцию в ряде областей, в целом мож-

но охарактеризовать как перспективные и значимые для обеих сторон. Обе страны нуждаются друг в друге как в партнерах, готовых к конструктивному диалогу, что создает благоприятную ситуацию для укрепления позиций России в регионе. С другой стороны, для развития Сибири и Дальнего Востока России не обойтись без привлечения инвестиций стран АТР и без делового сотрудничества с КНР в различных областях.

В сфере образования у наших стран много общих проблем и точек соприкосновения. Необходимо обобщить накопленный положительный и негативный опыт образовательного сотрудничества двух стран и придать ему новые стимулы [2].

В настоящее время сотрудничество реализуется как в формате двустороннего взаимодействия, так и в рамках международных организаций, в частности – через Образовательный фонд Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). В Соглашении правительств государств – членов ШОС «О сотрудничестве в области образования» сказано: «Концепция создания евразийского образовательного поля как составной части мирового образовательного пространства приобретает особую актуальность в академическом, социальном и геополитическом плане» (Шанхай, 2006) [3]. Используя опыт стран – участниц Болонского процесса, страны ШОС имеют уникальную возможность обогатить формальный набор требований Болонской системы содержанием, более соответствующим национальным традициям своих образовательных моделей. Конечная цель – присоединиться к Болонскому процессу, обогатив его новыми идеями.

В АТР инициаторами и движущими силами интеграции образования выступают межправительственные и неправительственные организации: ЮНЕСКО, Университетская сеть Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) (AUN), организация «Университетская мобильность в АТР» (UMAP), Ассоциация тихоокеанских университетов (АПРУ) (APRU) и др. Ведущие университеты мира, прежде всего США, также тщательно разрабатывают стратегию конкурентной борьбы за образовательный рынок КНР.

«В рамках направлений деятельности, намеченных российским руководством и обсуждавшихся на саммитах АТЭС, ставится задача подготовить комплекс рекомендаций и пошаговый план совершенствования образовательного сотрудничества в АТР в ближайшей (1 год) и среднесрочной (2–4 года) перспективах» [3]. На Втором Азиатско-Тихоокеанском форуме, организованном Российским советом по международным делам (РСМД) в октябре 2012 г. в Москве, было принято решение разработать проект «Интернационализация российских вузов: китайский вектор» и учесть в нем опыт России и КНР, накопленный за последние два десятилетия [4; 5, с. 29].

Сегодня во всем мире наблюдается тенденция к переходу от двустороннего сотрудничества отдельных вузов в рамках специфических образовательных или исследовательских программ к многостороннему взаимодействию консорциумов университетов по широко формулируемым проблемам и вопросам. «Возникновение этого тренда связано как с тем фактом, что все больше научных проблем при проектировании образовательных программ в сфере архитектуры и дизайна требуют сотрудничества ученых различных стран, так и с тем, что целью современных образовательных программ становится подготовка специалиста, обладающего навыками и опытом взаимодействия с носителями максимального количества культур и потому востребованного на глобальном рынке» [6].

В последние несколько лет эта тенденция начинает затрагивать и сферу сотрудничества России с образовательными и научными центрами КНР при проектировании образовательных программ в сфере архитектуры и дизайна (табл. 1).

Субъектами этого процесса с российской стороны потенциально выступают:

- Ассоциация ведущих университетов России (АВУР), основана в 2010 г., объединяет 40 университетов;
- Ассоциация ведущих вузов в области экономики и менеджмента (АВВЭМ), 2012 г., объединяет 18 университетов;
- консорциум вузов, в состав которых входят Институты Конфуция (ИК) (17 университетов).

Двусторонние ассоциации:

– Ассоциация технических университетов России и Китая – АТУРК (Association of Sino-Russian Technical Universities – ASRTU), основана в 2011 г. на базе МГТУ им. Н.Э. Баумана и Харбинского политехнического университетов, объединяет по 15 университетов каждой страны;

– Ассоциация университетов Дальнего Востока и Сибири России и северо-восточных регионов Китая, создана в 2012 г. по инициативе китайской стороны и по поручению профильных министерств двух стран. Вузы-учредители: Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск) и Северо-Восточный сельскохозяйственный университет (Харбин).

Многосторонние консорциумы, в которые входят российские университеты:

– консорциум 53 университетов – членов Университета Шанхайской организации сотрудничества (УШОС);

– АПРУ (Association of Pacific Rim Universities, APRU): 42 ведущих исследовательских университета из 16 стран;

– инициатива по созданию Лиги университетов стран БРИКС (2013 г., с российской стороны в нее входят НИУ ВШЭ, МГИМО (У) МИД России, УрФУ и ДВФУ, с китайской – университеты Фудань, Цинхуа, Сычуаньский, Восточно-Китайский и Чжэцзянский педагогические университеты) [7]. При оформлении Лиги ожидается вступление других университетов стран БРИКС. Задача вузов Лиги – наметить ключевые сферы совместных образовательных и научных проектов, стать лидерами по их отдельным направлениям. Пока в УрФУ и НИУ ВШЭ создаются Центры исследований ШОС и БРИКС.

Таблица 1
Сотрудничество ассоциаций вузов России и КНР на 2012/2013 учебный год [8]

Ассоциация России или с ее участием	Ассоциация КНР или с ее участием	Форма сотрудничества (год)	Результат
АВУР	СЕАИЕ	«Круглый стол» ведущих университетов России и КНР в рамках «Экспо-Образование» (2012)	Договоренность об организации регионального сотрудничества, в т. ч. в рамках ассоциаций
АВВЭМ	Инициатива КНР по созданию Союза экономических вузов двух стран		
АВРИК	АВРИК	Заседание Исполкома (2013)	Инициативы по освобождению студентов всех уровней от оплаты за обучение в вузе-партнере и по созданию института аспирантуры и магистратуры
АТУРК	Инициатива вузов КНР по сотрудничеству	Ежегодные саммиты; I российско-китайский форум «Синей силиконовой долины» (2013); «Поезда дружбы» студенческой самодеятельности (2012/2013 учебный год)	
ДВФУ	АПРУ	Встреча лидеров студенческих организаций на базе ДВФУ (2013); ежегодная встреча президентов университетов АПРУ (2013); ежегодная конференция деканов юридических школ университетов – членов АПРУ (2013)	Потенциал формирования ресурсных центров. Совместные программы дополнительного образования и повышения квалификации по интернационализации высшего образования; совместные проекты по предпринимательскому образованию
ДВФУ	АТЭС	Конференция «Формирование образовательного пространства АТЭС» (2012)	

Со стороны КНР взаимодействие должно выстраиваться на базе следующих объединений:

- Китайской ассоциации высшего образования (China Association of Higher Education);
- Китайской ассоциации международных обменов в образовании (China Education Association for International Exchange, CEAIE);
- Китайского центра услуг по научно-му обмену (Chinese Service Center for Scholarly Exchange, CSCSE);
- Китайского национального офиса преподавания китайского языка как иностранного «Ханбань» (Hanban) и университетов – партнеров российских Институтов Конфуция.

По ряду направлений (мониторинг качества и совершенствование стандартов образовательных программ, содействие подбору кадров на межвузовском рынке специалистов) перспективы сотрудничества с КНР есть у АВВЭМ.

В рамках АТУРК накоплен значительный потенциал сотрудничества при проектировании образовательных программ в сфере архитектуры и дизайна российских вузов с инновационными предприятиями Китая, обмена опытом инженерного образования, взаимного признания и эквивалентности дипломов вузов – членов ассоциации [8].

«Сотрудничество университетов России при проектировании образовательных программ в сфере архитектуры и дизайна, имеющих в своей структуре Институты Конфуция, строится в основном по двусторонней вертикали: «Ханбань» – китайский партнер – российский вуз. Однако, как показывает опыт УрФУ, сотрудничество через Институты Конфуция может выйти за рамки распространения китайского языка и культуры и быть расширено до академических обменов» [9; 10].

В рамках ШОС с 2006 г. проводятся регулярные совещания министров образования, а с 2008 г. – ежегодные Недели образования. Их участники ставят в т. ч. задачи перехода к системному взаимодействию, внедрения собственной системы рейтингов вузов, разработки совместных критериев и процедур аккредитации вузов.

С 2010 г. функционирует УШОС – самый масштабный образовательный проект на территории Евразии, сформированный как

единое сетевое образовательное пространство, объединяющее 75 университетов России, КНР, Казахстана, Киргизии и Таджикистана [11]. УШОС задуман как экспериментальный полигон для совместных научных исследований, отработки инновационных подходов в подготовке кадров по ряду ведущих направлений (экология, нанотехнологии, IT-технологии, энергетика, регионоведение), он является собой новую инфраструктуру третичного обучения. Однако, несмотря на перспективы, УШОС до сих пор работает лишь в сторону приема студентов из стран Центральной Азии в российские университеты. Участие же университетов КНР в этом процессе является формальным, хотя ее представители ежегодно декларируют возможность выделения квот для студентов этих стран и России.

Участие Российской Федерации в АПРУ перспективно, но недостаточно. В ассоциации представлен только ДВФУ, а от КНР – семь университетов, хотя, участвуя во многих приоритетных научно-исследовательских программах при проектировании образовательных программ в сфере архитектуры и дизайна, ни один из них пока не стал головным в их реализации.

«Существенный потенциал в создании и развитии совместных и / или международных ресурсных и экспертных центров при проектировании образовательных программ в сфере архитектуры и дизайна кроется в деятельности рабочих групп АТЭС, однако механизм инициирования проектов в них предусматривает наличие «ко-спонсоров». Главная образовательная инициатива России (ДВФУ) в рамках АТЭС – создание университетской сети региона на базе АПРУ» [12].

Список литературы

1. Борликов Г.М. Поликультурная миссия университетов в образовательном пространстве России // Интеграция образования. 2012. № 1.
2. Боровская Н.Е. [и др.]. Интернационализация российских вузов: китайский вектор / гл. ред. И.С. Иванов. М., 2013.
3. Китай лидирует по числу студентов, обучающихся в США – отчет // CNTV. 2012. 14 ноября. URL: <http://www.cntv.ru/2012/11/14/ARTI1352876332265626.shtml> (дата обращения: 20.10.2015).
4. Кияненко К.В. Высшие архитектурные школы России: попытка инвентаризации // Вологодский государственный технический универ-

- ситет, Россия, Вологда. URL: <http://uar.ru/pdf/kiyanenko.pdf> (дата обращения: 20.10.2015).
5. Арефьев А.Л. Состояние и перспективы экспорта российского образования. М., 2010.
 6. Количество иностранных студентов в мире удвоилось // Oncampus. 2012. 17 сентября. URL: <http://www.oncampus.ru/publicacii/kolichestvo-inostrannyh-studentov-v-mire-vyroslo-v-dva-raza> (дата обращения: 20.10.2015).
 7. Отчет EOL. China о тенденциях отправки на учебу за рубеж в 2013 г. URL: <http://www.eol.cn/html/lx/baogao2013/page1.shtml> (дата обращения: 20.10.2015).
 8. Переверзев Е.В. Сотрудничество вузов центральной части России с образовательными учреждениями КНР: проблемы, решения, перспективы. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/6722/1/Pereverzev_Sotrudnichestvo.pdf (дата обращения: 20.10.2015).
 9. Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области образования: принято в Шанхае 15 июня 2006 г. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1497 (дата обращения: 20.10.2015).
 10. 2 International Briefs for Higher Education Leaders. 2012. № 1. URL: <http://www.acenet.edu/newsroom/Documents/International-Briefs-2012-April-China.pdf> (accessed: 20.10.2015).
 11. Цветкова Н.А. Российское образование в АТР: забытые уроки СССР, актуальный опыт США: Университеты как платформа продвижения интересов России в АТР // Российский совет по международным делам. 2012. 31 октября. URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=986 (дата обращения: 20.10.2015).
 12. Чоудаха Р. Мобильность китайских и индийских студентов-бакалавров: преимущества и недостатки // Journal of International Higher Education. 2012. Issue 68. URL: <http://www.ihe.nkaoko.kz/archive/282/2483> (дата обращения: 20.10.2015).
 - 2012/11/14/ARTI1352876332265626.shtml (accessed 20.10.2015).
 4. Kiyanenko K.V. Vysshie arkhitekturnye shkoly Rossii: popytka inventarizatsii. *Vologodskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiiy universitet, Rossiya, Vologda*. Available at: <http://uar.ru/pdf/kiyanenko.pdf> (accessed 20.10.2015).
 5. Arefev A.L. Sostoyanie i perspektivy eksporta rossiyskogo obrazovaniya. Moscow, 2010.
 6. Kolichestvo inostrannykh studentov v mire udvoilos. Oncampus. 2012. 17 September. Available at: <http://www.oncampus.ru/publicacii/kolichestvo-inostrannyh-studentov-v-mire-vyroslo-v-dva-raza> (accessed 20.10.2015).
 7. Otchet EOL. China o tendentsiyakh otpravki na uchebu za rubezh v 2013 g. Available at: <http://www.eol.cn/html/lx/baogao2013/page1.shtml> (accessed 20.10.2015).
 8. Pereverzev E.V. *Sotrudnichestvo vuzov tsentralnoy chasti Rossii s obrazovatelnyimi uchrezhdeniyami KNR: problemy, resheniya, perspektivy*. Available at: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/6722/1/Pereverzev_Sotrudnichestvo.pdf (accessed 20.10.2015).
 9. Soglasenie mezhdunarodnykh gosudarstv – chlenov Shangkhayskoy organizatsii sotrudnichestva o sotrudnichestve v oblasti obrazovaniya: prinyato v Shangkhae 15 iyunya 2006 g. Available at: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1497 (accessed 20.10.2015).
 10. 2 International Briefs for Higher Education Leaders. 2012. № 1. Available at: <http://www.acenet.edu/newsroom/Documents/International-Briefs-2012-April-China.pdf> (accessed 20.10.2015).
 11. Tsvetkova N.A. Rossiyskoe obrazovanie v ATR: zabytye uroki SSSR, aktualnyy opyt SShA: Universitety kak platforma prodvizheniya interesov Rossii v ATR. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam*, 2012, 31 oktyabrya. Available at: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=986 (accessed 20.10.2015).
 12. Choudakha R. Mobilnostkitayskikh i indiyiskikh studentov-bakalavrov: preimushchestva i nedostatki. *Journal of International Higher Education*, 2012, Issue 68. Available at: <http://www.ihe.nkaoko.kz/archive/282/2483> (accessed 20.10.2015).

References

1. Borlikov G.M. Polikulturnaya missiya universitetov v obrazovatelnom prostranstve Rossii. *Integratsiya obrazovaniya*, 2012, no. 1.
2. Borevskaya N.E. [i dr.]. *Internatsionalizatsiya rossiyskikh vuzov: kitayskiy vektor* / gl. red. I.S. Ivanov. Moscow, 2013.
3. Kitay lidiruet po chislu studentov, obuchayushchikhsya v SShA – otchet. *CNTV*, 2012, 14 November. Available at: <http://www.cntv.ru/>

Поступила в редакцию 11.01.2016 г.

Received 11 January 2016

UDC 378

PROSPECTS FOR INTERACTION OF RUSSIAN AND CHINESE UNIVERSITIES IN THE DESIGN OF EDUCATIONAL PROGRAMS IN THE SPHERE OF ARCHITECTURE AND DESIGN WITHIN THE FRAMEWORK OF INTER-UNIVERSITY ASSOCIATIONS

Wu Chen, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, "Architecture and Building" Department, e-mail: 515603245@qq.com

Ivan Ilyich MAMAEV, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, "Architecture and Building" Department, e-mail: mamaeivan@yandex.ru

Natalya Vyacheslavovna MOLOTKOVA, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Doctor of Pedagogy, Professor, First Provost, Scientific Adviser of "Commerce and Business-Informatics" Department, e-mail: nmo-lotkova@list.ru

Pavel Vladislavovich MONASTYREV, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Doctor of Technics, Professor, Head of Architecture, Building and Transport Institute, e-mail: monastyrev68@mail.ru

The theme is the prospects of interaction of Russian and Chinese universities in the design of educational programs in the sphere of architecture and design within the framework of inter-university associations. Relations between Russia and China, despite competition in some areas, in general can be described as promising and important for both sides. In education our countries have many common concerns and points of contact. It is necessary to take stock of the positive and negative experience of educational cooperation between the two countries and give it a new impetus. Russian university cooperation in the design of educational programs in the field of architecture and design is home to the Confucius Institute, based mainly on bilateral vertical. Significant potential in the creation and development of joint and / or international resource and expertise centers in the design of educational programs in the field of architecture and design lies in the working groups of Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), but the mechanism of initiation of projects in them provides for "co-sponsors". The interaction of individual universities within the framework of the Brazil, Russia, India, China, South Africa (BRICS) in the coming years seems real only on certain groups of countries, although it is educational cooperation in the design of educational programs in the field of architecture and design, even under the Russia, India, China (RIC) have some problems.

Key words: architecture; interaction; design; development; inter-institutional association.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-11-16

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 371.3

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ (БИЛИНГВАЛЬНЫЙ / БИКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)

© Ираида Евгеньевна БРЫКСИНА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры методики преподавания гуманитарных дисциплин
и лингводидактики, e-mail: bryxina68@mail.ru

Предложены новые подходы к профессионально ориентированному обучению иностранному языку в условиях неязыкового вуза. Лингвометодические основы обучения включают изложение методических основ обучения (целей, задач, закономерностей, содержания, методов, средств и т. д.) в их неразрывной связи с языком / культурой и природой общения как социального феномена. Рассмотрен билингвальный / бикультурный аспект профессионально ориентированного обучения иностранному языку, целью которого является формирование у студентов искусственного субординативного типа билингвизма. Обосновано, что искусственный билингвизм подразумевает паритетное владение двумя кодами – кодом родной лингвокультуры и кодом, сформированным в искусственно созданной образовательной среде, приближенной к условиям реального общения, отличается асимметричностью коммуникативной компетенции в отношении родного и изучаемого языка и соответствующих культур. Предлагается технология профессионально ориентированного обучения, обеспечивающая формирование профессиональной компетенции искусственного билингва и коммуникативной компетенции обучаемых, их актуализацию в условиях неязыкового вуза. Доказано, что профессиональная компетенция искусственного билингва состоит из частных компетенций, включает в себя знания (представления), отношения, поведение, языковые / культурные варианты и дискурсивные стратегии. Рассмотрены уровни реализации профессиональной компетенции искусственного билингва: языковой, культурологический и предметный и – ее структурные компоненты; проанализированы лингвистические и культурологические закономерности осуществления переноса в область иностранного языка и снятия интерференции. Взаимосвязанное обучение различным видам речевой деятельности проведено на всех этапах билингвального / бикультурного обучения иностранному языку.

Ключевые слова: лингвометодические основы; билингвальное / бикультурное обучение; профессиональная компетенция искусственного билингва; бикультурная языковая личность; билингвальные / бикультурные знания, навыки, умения.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-17-26

Актуальность темы обусловлена явными противоречиями между существующей системой вузовской подготовки студентов неязыковых специальностей по иностранному языку и потребностями, диктуемыми основными направлениями реформирования высшего образования (приведением его в соответствие с требованиями современности, интернационализацией, качественным преобразованием и обновлением), обязательным компонентом которого является иностран-

ный язык; между осознанием необходимости развития у будущих специалистов способности формировать знания по специальности на иностранном языке, аккумулировать и синтезировать их с имеющимися у них знаниями и на этой основе генерировать новые знания по специальности, которые способствовали бы научно-экономическому прогрессу.

Описание языка в учебных целях, считавшееся лингводидактическим, включает в себя исследование сходства и различия язы-

ков, анализ содержания и структуры изучаемого языка, составление языковых минимумов в целях обучения и ряд других проблем, возникающих на стыке лингвистики и дидактики. Однако среди специалистов нет единого мнения о содержании этого термина и о необходимости его существования. Одни придерживаются расширительного толкования понятия как обозначающего совокупность теоретических и практических вопросов преподавания языка и фактически заменяющего термин «методика» [1]. Другие специалисты понятия «лингводидактика» и «методика» рассматривают как синонимичные, что, по замечанию А.А. Миролюбова, является антинаучным [2, с. 36]. По утверждению И.И. Халеевой, «лингводидактика является такой отраслью методической науки, которая обосновывает содержательные компоненты образования, обучения, научения в их неразрывной связи с природой языка и природой общения как социального феномена, детерминирующего деятельность сущность речевых произведений, в основе которых лежат механизмы социального воздействия индивидов» [3, с. 199]. Право лингводидактики и методики на самостоятельное существование нашло обоснование и ряда других авторов [4, с. 5].

Таким образом, если лингводидактика – это теория обучения языку, разрабатывающая ее теоретические основы, то методика характеризует сам процесс обучения либо конкретному языку в конкретных условиях его изучения (частная методика), либо раскрывает закономерности и способы обучения языку вне конкретных условий его изучения (общая методика), либо предлагает рекомендации по обучению какой-либо стороне языка или виду речевой деятельности (специальная методика).

В последних государственных стандартах и образовательных программах иностранный язык рассматривается как средство ознакомления с культурой страны изучаемого языка непосредственно через коммуникацию с его носителями, поэтому на передний план выходят следующие, совершенно новые приоритеты.

1. Знание иностранного языка должно выступать своеобразным механизмом превращения лингвоэтнокультурного материала

в инструмент взаимопонимания между коммуникантами.

2. Изучение иностранного языка представляет личности уникальную возможность культурного самоопределения и определение своего места в глобальном поликультурном пространстве, а также обеспечивает формирование у обучающихся толерантного отношения к представителям и феноменам иной лингвокультуры [5].

Для реализации концепции билингвального / бикультурного обучения иностранному языку, предлагаемой в данной статье, необходимо учитывать лингвистические и культурологические закономерности осуществления переноса в область иностранного языка и снятия интерференции. С лингвистической точки зрения проблема билингвизма заключается в том, чтобы описать языковые системы родного и иностранного языков, проанализировать структуры и структурные элементы двух языков, их взаимодействие, взаимовлияние на разных уровнях языка: фонологическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом. Психологический аспект билингвизма отражает специфику речевых психофизиологических механизмов человека, использующего в общении две языковые системы, что помогает дать соответствующую характеристику лингвистических категорий, понятий, отложившихся в языковом сознании искусственных билингвов, своеобразие закрепления, осознания и т. д. В психолингвистике значительное внимание уделяется изучению воздействия билингвизма на мышление индивида, изучаются механизмы как производства, так и восприятия речи.

В рамках билингвального / бикультурного обучения иностранному языку в неязыковом вузе речь идет о формировании у студентов в процессе обучения искусственного субординативного типа билингвизма, о согласовании в пределах его индивидуального сознания двух смысловых контекстов, родного и иностранного языков, т. е. о развитии его билингвального сознания, в котором существуют в определенных взаимоотношениях две языковые картины мира. Особенности искусственного билингва как языковой личности прослеживаются в особом характере его коммуникативной компетенции, связанной одновременно с родным и иностранным

языками и позволяющей проявлять гибкость при переключении с одного лингвокультурного кода на другой, в широте диапазона и свободе выбора средств коммуникации. Искусственный билингвизм подразумевает паритетное владение двумя кодами – кодом родной лингвокультуры и кодом, сформированным в искусственно созданной образовательной среде, приближенной к условиям реального общения, и отличается такими признаками, как асимметричность коммуникативной компетенции в отношении родного и изучаемого языка и соответствующих культур, управляемый характер и траектория его становления, осуществляемого в три этапа: 1) рецептивная деятельность; 2) рецептивно-репродуктивная деятельность; 3) продуктивная деятельность [6].

Системы, принадлежащие родному и иностранному языкам, с одной стороны, функционируют независимо друг от друга, а с другой стороны, они связаны между собой постоянной связью или актуальной, возникающей в момент речи. В процессе общения индивид переходит с родного языка на иностранный и с иностранного языка на родной, происходит попеременная актуализация двух стереотипов между речевыми механизмами, а т. к. существует «дефицит» средств новой системы, он побуждает обучаемого к использованию средств уже сформированной в родном языке компетенции. Становление личности искусственного билингва происходит в рамках родной лингвокультуры. Естественно допустить взаимовлияние национального инварианта и вариативного межкультурного «приращения».

Основной предпосылкой успешности является формирование механизма билингвизма у каждого обучаемого, т. е. готовность его к быстрому переключению мыслительной деятельности с родного языка на иностранный и наоборот, для которого характерна система билингвальных / бикультурных умений и навыков, позволяющая студенту осуществлять межъязыковую / межкультурную замену, при которой сохраняется смысл при изменении значений. Базовой составляющей коммуникативно-языкового компонента является искусственный билингвизм, который как лингвистический феномен подразумевает владение двумя лингвокультурными кодами и умением использовать освоенные системы

знаний в межкультурном общении. Термин «лингвокультурный код» подчеркивает тесную взаимосвязь и значимость языка и культуры для успешной коммуникации индивидов, общность разделяемого ими когнитивно-культурного пространства.

Процесс формирования умения попеременного использования двух лингвокультурных кодов развивается в одном и том же направлении, однако его этапы не совпадают. В случае искусственного билингвизма развитие умений и навыков в овладении двумя языковыми системами реализуется исходя из разных точек. В начале учебной деятельности умения и навыки системы родного языка в большой степени уже сформированы у обучаемых и требуют только усовершенствования, в то время как формирование навыков и умений употребления средств иностранного языка находится на начальном этапе. Продвинутому этапу в формировании навыков и умений в родном языке соответствует начальный этап в процессе обучения иностранному языку.

Языковое сознание на иностранном языке дифференцируется систематически от языкового сознания на родном языке, интерференция сводится к минимуму, и родной язык из «конкурента» становится главной опорой изучения иностранного языка [7]. Процесс обучения иностранному языку сопровождается выработкой у обучаемых психофизиологических механизмов, с помощью которых сознание студентов будет отражать объективную действительность через призму другой культуры, поскольку, «овладевая иностранным языком, мы одновременно усваиваем присущий соответствующему народу образ мира, то или иное видение мира через призму национальной культуры, одним из важнейших компонентов которой (и средством овладения ею) и является язык» [8].

Учебный сопоставительный анализ базируется на понимании процесса овладения языком как креативной и когнитивной деятельности, результативность которой зависит от личности обучаемого и специфики условий обучения. Речь идет об овладении студентом различными стратегиями и техниками обучения и общения в их строгом соответствии каждому конкретному этапу билингвального / бикультурного развития обучаемого.

Отталкиваясь от разработок теоретических основ деятельностного, личностно-ориентированного, личностно-деятельностного подходов [9; 10], следует принимать во внимание тот факт, что личностно-деятельностный подход представляет собой психологическую основу организации процесса обучения в единстве личностного и деятельностного компонентов, сущность которого заключается в центрированности на личности студента; деятельностном характере учебного процесса, в котором студент предстает субъектом этой деятельности; субъектно-субъектным характере сотрудничества преподавателя и студента; управлении процессом сознательного усвоения иностранного языка со стороны преподавателя. Деятельностный подход основан на анализе использования языка в терминах стратегий, которые применяются для активизации общей и коммуникативной языковой компетенций с целью выполнения необходимых языковых действий и процессов передачи (продукции) и приема (рецепции) текстов родного и иностранного языков, культурологической и профессионально ориентированной направленности, что позволяет решать задачи, которые возникают в ситуациях, относящихся к различным областям будущей специальности обучаемых, общественной и культурной жизни. В результате освоение студентом личностно-значимой деятельности в условиях положительного эмоционального фона учебного занятия превращает изучающего иностранный язык на билингвальной / бикультурной основе в субъект деятельности, т. е. преломляется через призму его личности, его потребности и мотивы.

Рассматривая билингвальное / бикультурное обучение в контексте коммуникативно-функционального и личностно-деятельностного подходов, мы обнаруживаем, что его содержательную основу составляет иноязычная коммуникативная компетенция [10]. Иноязычная коммуникативная компетенция состоит из лингвистического, социолингвистического, прагматического компонентов и реализуется через различные языковые действия, относящиеся к рецепции, продукции и взаимодействию; возможна также и медиация – посредничество при устном или письменном переводе. Необходимым условием развития познавательных способностей сту-

дентов является когнитивная направленность обучения, связанная с такими категориями, как знания, мышление и процессы понимания, т. к. язык отражает взаимодействие между психологическими, коммуникативными, функциональными и культурными факторами. Основываясь на понятии многоязычной (мультилингвальной) компетенции, характерной для изучения нескольких языков, мы вводим понятие профессиональной компетенции искусственного билингва [11]. Профессиональная компетенция искусственного билингва представляет собой способность обучаемого осуществлять общение на двух языках, в контексте двух культур, переключаясь с одного языкового / культурного кода на другой, проявляя сензитивность к различиям в двух культурах.

Профессиональная компетенция искусственного билингва состоит из частных компетенций, представляя возможность разного рода сочетаний и чередований, единую конфигурацию, в которой взаимодействуют коммуникативные компетенции в родном и иностранном языках. Она включает в себя знания (представления), отношения, поведение, т. к. коммуниканты из разных культур используют в процессе общения языковые / культурные варианты и дискурсивные стратегии, которые становятся наглядными при сопоставлении. Учет этих взаимодействий позволяет уделять разное внимание элементам компетенции в расчете на явления переноса или интерференции. Все языковые действия контекстуализируются внутри конкретных ситуаций, складывающихся в определенных областях. Цели и содержание обучения соотносятся со способами реализации задач обучения, с формированием профессиональной компетенции искусственного билингва как конечного результата обученности, т. е. достижений определенного уровня обучаемыми, позволяющего им вступить в межкультурную профессиональную коммуникацию. На основе билингвальных / бикультурных коммуникативных умений студентов в родном и иностранном языках как на билингвальном / бикультурном, так и на межпредметном уровнях формируется способность обучаемых к сознательному общению с представителями других культур.

При создании билингвальной программы обучения для студентов-юристов учитыва-

лось, что специфика обучения в вузах указанного профиля заключается в том, что владение иностранным языком позволяет совершенствовать профессиональную компетентность юриста, расширять его общекультурный кругозор в процессе получения правовой информации, повышать эффективность делового общения. Мы разделяем точку зрения Л.Д. Торосян, которая считает, что методическое обеспечение является открытой программой, что делает содержание учебного курса, форм работы и контроля открытыми и доступными для студентов [12].

Развитие билингвального сознания осуществляется за счет решения постоянно усложняющихся речемыслительных задач разного уровня сложности в иностранном и родном языках (в сопоставительном аспекте), отражающих содержание процесса общения. Одной из задач обучения является формирование межкультурной восприимчивости, в нашем случае – бикультурной, которая связана с набором билингвальных / бикультурных знаний и навыков, необходимых тем, чья профессиональная деятельность связана с взаимодействием с представителями изучаемой культуры. Важно научить студентов выделять общее и отличительное в своей и чужой культуре, интерпретировать явления чужой культуры, анализировать и объяснять природу стереотипов, планировать свое поведение в инокультурной среде в условиях межкультурного общения. В процессе обучения формируется способность студентов к наблюдению, сопереживанию, пониманию чувств и эмоций людей, сформированных в другой культурной среде, т. е. «вчувствование» в чужую культуру [13].

Использование информационных технологий позволяет сделать учебный процесс более эффективным, т. к. они обладают дополнительными дидактическими функциями: позволяют преподавателю управлять учебной деятельностью обучающихся и осуществлять ее контроль; помогают выстраивать индивидуальную образовательную траекторию для каждого обучающегося; способствуют реализации технологии обучения в сотрудничестве с преподавателем и другими студентами; развивают умения самостоятельной учебной деятельности [14]. Национальный проект «Образование» предполагает подключение всех вузов к сети Интернет и ос-

нащение их современной мультимедиа-техникой, включающей комплект учебного программного обеспечения, проектор и экран для работы студентов и преподавателей, а также оверхед-проектор, предназначенный для демонстрации прозрачных иллюстраций, видеоплеер с комплектом учебных фильмов, наглядные пособия, дидактические и информационные материалы, компьютерные программы (лингвистический корпус, лексико-грамматические тесты, конкордансы и т. д.). Интерактивность дает возможность управлять процессами содержания предметной области, манипулировать учебными объектами, в частности, программным обеспечением по изучению иностранного языка. Одним из таких современных средств обучения является лингвистический корпус, который содержит тексты, отобранные по определенным критериям (по жанру, назначению, цели, языку, области знания) и расположенные на электронном носителе [15]. Использование лингвистического корпуса способствует развитию активно-деятельностных форм обучения чтению текстов на иностранном языке, расширяет возможности самостоятельной учебной работы студентов. Веб-форум дает возможность развивать у студентов-переводчиков следующие умения: а) собирать, интерпретировать, систематизировать полученную из разнообразных интернет-источников информацию; б) подбирать научно-популярные материалы, выражающие специфику профессиональной деятельности переводчика; в) проводить аналогии при сопоставлении социальных проблем, характерных как для родной культуры, так и для культуры страны языка перевода; г) участвовать в дискуссии на иностранном языке при обсуждении профессиональных проблем; д) играть роль посредника между представителями разных стран [16].

Необходимо сформировать у обучаемого представление о том, какое поведение в определенных ситуациях является корректным для носителей иноязычной культуры, какой будет возможная реакция в случае неправильного поведения и какие возможности имеет обучающийся как участник коммуникации, что можно достичь с помощью бикультурного осознания, отправной точкой которого является создание собственных представлений (стереотипов) об иной куль-

туре. На когнитивном уровне стереотипы являются обобщениями, которые формируются у обучаемых, чтобы упорядочить восприятия и представления, поместив их в стандартные рамки [17, с. 68]. В качестве ориентиров, позволяющих обучаемому не «заблудиться» в новом культурно-языковом пространстве, выступают универсальные явления – то общее, что объединяет взаимодействующие культуры. Наша культура снабдила нас, как отмечает О.Г. Поляков, набором фильтров, которые оказывают влияние как на наше восприятие мира, так и на наше представление о нем [18]. Лишь при осознанном подключении обучаемых к другой системе мировидения в рамках углубленного изучения иностранного языка в вузе возможно формирование личности, способной к осмыслению картины мира иной социокультуры.

Овладение иностранным языком начинается с внутреннего диалога в сознании индивида (языковая личность может проходить разные стадии билингвизма), после чего появляется «смешанное этническое самосознание и бикультура», охватывающая уже множество представителей этнических групп. Билингвизм представляет собой взаимодействие трех типов: кода родного языка, кода иностранного языка и индивидуального кода, возможно преломление одного языка в другой и одной когнитивной базы в другую. При этом возможны различные изменения и переосмысления: фонетическая и графическая интеграция в другую систему, дальнейшее словообразовательное и в ряде случаев семантическое осмысление, добавление стилистических коннотаций и т. п. Для этого необходимо, чтобы обучаемый осознавал национально-культурную специфичность родной и иноязычной картин мира. Осознание новой информации является существенным психологическим условием ее усвоения. Психологический аспект обучения иностранному языку отражает специфику речевых психофизиологических механизмов человека, что помогает дать соотносительную характеристику лингвистических категорий, понятий, отложившихся в языковом сознании обучаемых, своеобразие закрепления, осознания и т. д. В целом межкультурное обучение направлено на то, чтобы извлекать из соприкосновения с «чужим» максимальную пользу для личностного развития студента. Благода-

ря столкновению с «чужим», благодаря взгляду извне, со стороны своей лингвокультуры, картина «своего», своей культуры дополняется. Культурологический признак свое-чужое культурно-исторически закреплен в семантике многих языковых единиц как исконных, так и заимствованных. При этом раскрываются специфические характеристики людей, принадлежащих к различным культурам и, соответственно, разделяющих системы оценочных норм. Стереотипы поведения смыкаются со стереотипами, существующими в сознании людей относительно всего комплекса черт, характерных для того или иного народа и составляющих основу его менталитета. То, как мы формулируем собственные мысли, и то, как мы интерпретируем высказывания других, зависит от различных факторов. Эти несколько наслоений факторов влияния, окружающих каждого человека, действуют как своего рода понятийные фильтры и фильтры восприятия, т. е. механизмы, определяющие число вариантов, из которого мы делаем выбор при кодировании и декодировании сообщений.

Таким образом, возникает возможность познавать чужое, принимать его или при помощи диалога и текстового анализа культурологической (профессиональной) информации сглаживать противоречия. Языковое сознание обучаемого дифференцируется систематически от языкового сознания на родном языке, интерференция сводится к минимуму, и родной язык становится главной опорой изучения иностранного языка.

В работе предлагаются следующие этапы усвоения новой социокультуры: формальная фаза аккультурации предусматривает выработку у обучающихся способности ориентироваться в явлениях инокультурной действительности путем их приблизительного осмысления (первый этап обучения). Неформальная фаза предусматривает рефлексию собственных ценностей через призму родной / неродной культуры, т. е. овладение нормами межкультурного общения путем сравнения с собственным опытом в культуре родного языка (первый–второй этапы обучения). Интегративная фаза делает возможной организацию общения на межкультурном уровне, допуская свободную интерпретацию предметного содержания текстов – явлений культур и специальности (на родном и ино-

странном языке), ориентированных на когнитивный уровень бикультурной языковой личности (второй этап). Информация, поступающая и аккумулирующаяся на ментальном уровне, структурируется в виде концептов. Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания. Усвоить некоторый смысл (концепт) – значит построить некоторую структуру, состоящую из имеющихся концептов в качестве интерпретаторов или анализаторов рассматриваемого концепта, «вводимого» – с внешней точки зрения. Вслед за С.А. Сотниковой мы считаем, что с лингводидактической точки зрения посредством овладения студентами отобранной нами относительно целостной совокупности ключевых концептов иной культуры мы искусственно конструируем в сознании студентов инокультурную картину мира, вводя в нее извне «другие» для студентов концепты – концепты изучаемой культуры [13]. Например, студентам предлагается задание на выявление аналогов концепта «тоска» в родном и иностранном языках (выполняется с использованием толковых словарей). Обучаемые узнают, что русский концепт «тоска» имеет глубокие корни в русской лингвокультуре, обладает большим количеством культурных коннотаций: томление, грусть, печаль, скука, уныние, хандра, тревога, тоска по родине. Студенты приходят к выводу, что слова, способного объединить в своей семантике все содержание русского концепта «тоска», во французском языке не обнаружено. Таким образом, понимание эквивалентов инокультурного концепта осуществляется в соответствии с общими законами смыслового восприятия: реципиент трансформирует воспринятую информацию из вербального кода в когнитивные структуры, которые затем соотносятся с когнитивной базой индивида и в зависимости от актуальности и значимости данного содержания для деятельности обучаемого или фиксируются в языковом сознании, или утрачиваются.

Процесс обучения иностранному языку тесно связан с обучением переводу, который рассматривается в данной концепции как

один из видов речевой деятельности, компонент билингвального / бикультурного обучения иностранному языку. Перевод определяется как непрерывный процесс осмысления (формирования и формулирования) воспринимаемой мысли – понимания смысла сообщения на родном языке (иностранном языке), «превращения» этого смысла в замысел и формирование и формулирование высказывания на иностранном языке (родном языке) [19]. Осуществляя переход от одной культуры к другой, перевод является уникальной сферой речевой деятельности, где соприкасаются друг с другом и разные культуры, что позволяет рассматривать его как аспект бикультурной речевой деятельности [20]. Данные положения позволяют выявить двойственный характер перевода: понимание его как процесса и продукта деятельности человека, т. е. текст.

Процесс перевода проходит три этапа: 1) понимание переводчиком смысла речевого текста на исходном языке (*compréhension*); 2) интуитивное извлечение смысла (содержания речи) (*déverbalisation*); 3) перевыражение этого смысла на языке перевода (*réexpression*) [20]. Учебный процесс направлен на формирование следующих билингвальных / бикультурных умений: умений целеполагания, которые отрабатываются на материале предпереводческих упражнений; операционных умений, которые отрабатываются на материале переводческих упражнений; умений находить оптимальный вариант перевода, которые отрабатываются на материале родного и иностранного языков; умений, необходимых для выполнения перевода.

Содержание обучения соотносится как с получаемыми билингвальными / бикультурными и профессиональными знаниями, используемыми в процессе обучения (предметный аспект), так и собственно билингвальными / бикультурными навыками и умениями применять эти знания в процессе коммуникации (процессуальный аспект). Взаимосвязанное обучение различным видам речевой деятельности проводится на всех этапах билингвального / бикультурного обучения иностранному языку, направлено на одновременное формирование умений аудирования, чтения, говорения, письма, перевода на основе текста, что определяется использованием каждого из этих видов речевой дея-

тельности и как цели, и как средства обучения, что обеспечивает положительное взаимное влияние видов речевой деятельности на развитие каждого из них. Основу взаимосвязанного развития речевых умений во всех видах речевой деятельности составляет перенос умений из одного вида речевой деятельности в другой (положительное влияние имеющегося опыта на усвоение учебного материала) [21].

Потребность в реформировании профессионально ориентированного обучения иностранному языку в условиях неязыкового вуза является общепризнанной и крайне актуальной. Старые привычные формы обучения иностранному языку не отвечают современным тенденциям модернизации российского и общемирового образования. Нами рассматривается билингвальный / бикультурный аспект профессионально ориентированного обучения иностранному языку, целью которого является формирование у студентов искусственного субординативного типа билингвизма. Искусственный билингвизм подразумевает паритетное владение студентами двумя кодами – кодом родной лингвокультуры и кодом, сформированным в искусственно созданной образовательной среде, приближенной к условиям реального общения. Процесс формирования умения попеременного использования двух лингвокультурных кодов развивается в одном и том же направлении, однако его этапы не совпадают. В случае искусственного билингвизма развитие умений и навыков в овладении двумя языковыми системами реализуется исходя из разных точек: в начале учебной деятельности умения и навыки системы родного языка в большой степени уже сформированы у обучаемых и требуют только усовершенствования, в то время как формирование навыков и умений употребления средств иностранного языка находится на начальном этапе. Продвинутому этапу в формировании навыков и умений в родном языке соответствует начальный этап в процессе обучения иностранному языку.

Особенности искусственного билингва как языковой личности прослеживаются в особом характере его коммуникативной компетенции, связанной одновременно с родным и иностранным языками. Основной предпосылкой успешности является формирование

механизма билингвизма у каждого обучаемого, т. е. готовность его к быстрому переключению мыслительной деятельности с родного языка на иностранный и наоборот, для которого характерна система билингвальных / бикультурных умений и навыков. Профессиональная компетенция искусственного билингва состоит из частных компетенций, представляя возможность разного рода сочетаний и чередований, единую конфигурацию, в которой взаимодействуют коммуникативные компетенции в родном и иностранном языках. В процессе обучения формируется способность студентов к наблюдению, сопереживанию, пониманию чувств и эмоций людей, сформированных в другой культурной среде, т. е. «вчувствование» в чужую культуру. Процесс обучения иностранному языку тесно связан с обучением переводу, который рассматривается в данной концепции как один из видов речевой деятельности, компонент билингвального / бикультурного обучения иностранному языку.

Использование информационных технологий позволяет сделать учебный процесс более эффективным, т. к. они обладают дополнительными дидактическими функциями. Подавляющее большинство студентов положительно оценивают идею билингвального / бикультурного языкового образования, его структуру и содержание, что позволяет им расширять и совершенствовать знания в профессиональной сфере. Осознание достигнутых результатов и понимание путей самосовершенствования обеспечивает качественно новый уровень преподавания и изучения иностранного языка, обеспечиваемый билингвальной / бикультурной ориентацией.

Список литературы

1. *Шанский Н.М.* Русское языкознание и лингводидактика. М., 1985.
2. *Миролюбов А.А.* Методика или лингводидактика иностранных языков? // Иностранные языки в школе. 2005. № 2.
3. *Халеева И.И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика). М., 1989.
4. *Щукин А.Н.* Лингводидактический энциклопедический словарь. М., 2007.
5. *Нарыкова О.В.* Методика развития поликультурных умений студентов направления подготовки «лингвистика»: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Курск, 2013.

6. Брыксина И.Е., Суханова Н.И. Лингвокультурный код как совокупность знаний о культуре языковой общности // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 6-2 (36). С. 34-36.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2005.
8. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.
9. Халеева И.И. Вторичная языковая личность как рецепиент инофонного текста // *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: сборник научных трудов*. М., 1995.
10. Колесников А.А. Этапы развития профориентационной компетенции в системе иноязычного филологического образования // *Иностранные языки в школе*. 2013. № 11. С. 8-14.
11. Coste D., Moore D., Zarate G. Compétence plurilingue et pluriculturelle // *Apprentissage des langues dans le cadre européen. Numero special du «le français dans le monde»*. P., 1998. P. 8-67.
12. Торосян Л.Д. Оптимизация самостоятельной работы студентов бакалавриата при обучении чтению на основе электронно-методического сопровождения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2015.
13. Сотникова С.А. Методика обучения системному овладению концептами французской культуры студентов неязыковых факультетов в контексте современных культурно-ориентированных подходов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2009.
14. Сысоев П.В. Информационные и коммуникационные технологии в лингвистическом образовании. М., 2013.
15. Федорова С.А. Методика развития компенсаторных умений студентов в письменном интернет-дискурсе (англ. язык, направление подготовки «лингвистика»): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2015.
16. Сакаева А.В. Формирование грамматической компетенции (синтаксический аспект) студентов направления подготовки «юриспруденция» на основе дискурсивного подхода: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2015.
17. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 2006.
18. Поляков О.Г. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Тамбов, 2007.
19. Сафонова В.В. Перевод в контексте изучения иностранного языка в рамках гуманитарно-филологического профиля в старшей школе // *Иностранные языки в школе*. 2008. № 3. С. 3-11.
20. Брыксина И.Е., Суханова Н.И. Обучение литературному и профессионально ориентированному переводу на билингвальной основе в условиях неязыкового вуза // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 6-1 (36). С. 35-37.
21. Брыксина И.Е. Взаимосвязанное обучение различным видам речевой деятельности при профильном обучении французскому языку: юридический профиль // *Иностранные языки в школе*. 2007. № 5. С. 19-22.

References

1. Shanskiy N.M. *Russkoe yazykoznanie i lingvodidaktika*. Moscow, 1985.
2. Miroyubov A.A. *Metodika ili lingvodidaktika inostrannykh yazykov? Inostrannye yazyki v shkole*, 2005, no. 2.
3. Khaleeva I.I. *Osnovy teorii obucheniya ponimaniyu inoyazychnoy rechi (podgotovka perevodchika)*. Moscow, 1989.
4. Shchukin A.N. *Lingvodidakticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, 2007.
5. Narykova O.V. *Metodika razvitiya polikul'turnykh umeniy studentov napravleniya podgotovki "lingvistika"*. Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. Kursk, 2013.
6. Bryksina I.E., Sukhanova N.I. *Lingvokul'turnyy kod kak sovokupnost' znaniy o kul'ture yazykovoy obshchnosti. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 6-2 (36), pp. 34-36.
7. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. Moscow, 2005.
8. Leont'ev A.A. *Osnovy psikholingvistiki*. Moscow, 1997.
9. Khaleeva I.I. *Vtorichnaya yazykovaya lichnost' kak retsepiient inofonnogo teksta. Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost': sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, 1995.
10. Kolesnikov A.A. *Etapy razvitiya proforientatsionnoy kompetentsii v sisteme inoyazychnogo filologicheskogo obrazovaniya. Inostrannye yazyki v shkole*, 2013, no. 11, pp. 8-14.
11. Coste D., Moore D., Zarate G. *Compétence plurilingue et pluriculturelle. Apprentissage des langues dans le cadre européen. Numero special du "le français dans le monde"*. Paris, 1998, pp. 8-67.
12. Torosyan L.D. *Optimizatsiya samostoyatel'noy raboty studentov bakalavriata pri obuchenii chteniyu na osnove elektronno-metodicheskogo soprovozhdeniya*. Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. Moscow, 2015.
13. Sotnikova S.A. *Metodika obucheniya sistemnomu ovladeniyu kontseptami frantsuzskoy kul'tury studentov neyazykovykh fakul'tetov v kontekste sovremennykh kul'turno-orientirovannykh podkhodov*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Ulan-Ude, 2009.

14. Sysoev P.V. *Informatsionnye i kommunikatsionnye tekhnologii v lingvisticheskom obrazovanii*. Moscow, 2013.
15. Fedorova S.A. *Metodika razvitiya kompensatornykh umeniy studentov v pis'mennom internet-diskurse (angl. yazyk, napravlenie podgotovki "lingvistika")*. Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. Moscow, 2015.
16. Sakaeva A.V. *Formirovanie grammaticheskoy kompetentsii (sintaksicheskii aspekt) studentov napravleniya podgotovki "yurisprudentsiya" na osnove diskursivnogo podkhoda*. Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. Moscow, 2015.
17. Prokhorov Yu.E. *Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev*. Moscow, 2006.
18. Polyakov O.G. *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii*. Tambov, 2007.
19. Safonova V.V. *Perevod v kontekste izucheniya inostrannogo yazyka v ramkakh gumanitarno-filologicheskogo profilya v starshey shkole. Inostrannye yazyki v shkole*, 2008, no. 3, pp. 3-11.
20. Bryksina I.E., Sukhanova N.I. *Obuchenie literaturnomu i professional'no orientirovannomu perevodu na bilingval'noy osnove v usloviyakh neyazykovogo vuza. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 6-1 (36), pp. 35-37.
21. Bryksina I.E. *Vzaimosvyazannoe obuchenie razlichnym vidam rechevoy deyatel'nosti pri profil'nom obuchenii frantsuzskomu yazyku: yuridicheskii profil'. Inostrannye yazyki v shkole*, 2007, no. 5, pp. 19-22.

Поступила в редакцию 1.12.2015 г.
Received 1 December 2015

UDC 371.3

LINGUISTIC AND METHODIC BASEMENTS OF PROFESSIONALLY-ORIENTED FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN NON-LINGUISTIC INSTITUTE OF HIGHER EDUCATION (BILINGUAL / BICULTURAL ASPECT)

Iraida Evgenyevna BRYKSINA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Methods of Teaching Humanities and Linguodidactics Department, e-mail: bryksina68@mail.ru

New approaches to professionally-oriented foreign language teaching in non-linguistic institutes of higher education are proposed. Linguistic and methodic basements of teaching include methodic basements of teaching discussion (aims, tasks, regularities, content, methods, resources and etc.) in their inseparable connection with language / culture and communication nature as social phenomena. Bilingual / bicultural aspect of professionally-oriented foreign language teaching is reviewed, which aim is to form artificial subordinative type of bilingualism among students. It is established, that artificial bilingualism means parity knowing two codes – the code of native linguistic culture and the code, formed in artificial educational sphere, closely remained to conditions of real communication, it is different from the first one in asymmetric communicative competence in relation to native and the studied language and corresponding cultures. The technology of professionally-oriented teaching, providing formation of professional competence of artificial bilingualism and communicative competence of the students, their actualization in the conditions of non-linguistic institute of higher education is proposed. It is proved, that professional competence of artificial bilingualism consists of particular competences, includes knowledge (submission), relations, behavior, linguistic / cultural variants and discursive strategies. The levels of professional competence of artificial bilingualism realization: linguistic, cultural studies and subject and its structural components are considered; linguistic and cultural regularities of transition into the sphere of foreign language and interference removal are analyzed. Interconnected teaching of different types of speech activity is made at all stages of bilingual / bicultural foreign language teaching.

Key words: linguistic and methodic basements; bilingual / bicultural teaching; professional competence of artificial bilingualism; bicultural language personality; bilingual / bicultural knowledge, skills, abilities.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-17-26

УДК 78.02

ИМПРОВИЗАЦИЯ КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИСПОЛНИТЕЛЯ И СЛУШАТЕЛЯ

© **Юрий Дмитриевич СЕРГИН**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат педагогических наук,
профессор кафедры сценического и изобразительного искусства,
e-mail: sergin1@mail.ru

Рассмотрены творческий процесс импровизации как разновидности коммуникативной ситуации и свойство личности импровизатора – музыкальность, включающее в себя чувство музыкального ритма, возможность произвольно оперировать музыкально-слуховыми представлениями, способность чувствовать эмоциональную выразительность звуковысотного движения. Раскрыто понятие психомоторики как наиболее общей формы психического отражения, обеспечивающей чувственное познание и связь человека с окружающим миром посредством движений. Большое внимание уделено психомоторике в музыкально-творческой деятельности, ее структуре и содержанию, обоснованных Б.Г. Ананьевым, П.К. Анохиным, Н.А. Бернштейном, А.В. Запорожцем, Б.Ф. Ломовым, а также теории многоуровневого и иерархического построения движений, предложенной Н.А. Бернштейном. Определены социально-психологические функции музыкального самообразования как части многоаспектного, многолинейного развития личности исполнителя и основные музыкальные функции взаимодействия исполнителя-импровизатора со слушателями. Раскрыт смысл импровизации через внешние и внутренние функциональные связи ее структуры, которые в определенном контексте создают широчайшие ассоциативные поля и превращают восприятие музыки в акт осмысления и одухотворения. Предложен набор многоцелевых элементов – исполнительских идиом для музыкального саморазвития исполнителя, которые служат для профессионального роста и различных исполнительских программ, характерных для различных джазовых стилей и направлений.

Ключевые слова: импровизация; самообразование; творческий процесс; личность; психомоторика; музыкально-инструментальное искусство.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-27-32

Для развития музыкального искусства необходимо активное взаимодействие между артистами-исполнителями и слушателями. Суть этого взаимодействия в том, что профессиональная музыка должна оправдывать надежды, возлагаемые на нее непрофессиональной аудиторией. Чем серьезней требования, чем выше уровень критической массовой оценки, тем интенсивней рост профессионального искусства. Здесь важную роль играет музыкальное воспитание общества и слушателя той или иной музыкой. Процесс музыкального воздействия опосредован рядом характеристик:

- дифференциалом настроения, чувственным тоном ощущений, вызываемых конкретным произведением;
- особенностями личности воспринимающего человека [1, с. 16].

Изучая личность музыканта-импровизатора, мы считаем целесообразным рассмотреть ряд таких аспектов развития личности, специфику которых можно было бы определить как музыкальность. Совершенно оче-

видно, что музыкальность является сущностью музыканта. В понятие «музыкальность» с древнейших времен до современных научных представлений вкладывается различное содержание. Исследователи принимают за синонимичные понятию «музыкальность» различные проявления психики человека, такие как отдельные музыкальные способности, склонности в виде эмоциональной отзывчивости на музыку, интерес и мотивацию к учебной деятельности [2, с. 17]. Под ней подразумевается способность «омузыкаленного» восприятия и видения мира с тенденцией к переживанию в форме художественных образов.

Присущее музыкантам свойство музыкальности включает в себя, согласно Б.М. Теплову, такие специальные способности, как возможность произвольно оперировать музыкально-слуховыми представлениями, чувство музыкального ритма, способность чувствовать эмоциональную выразительность звуковысотного движения [3, с. 35]. «Музыкальная способность не дана в гото-

вом виде в отправном пункте ее развития. Она формируется в активной творческой деятельности музыкального слуха» [4, с. 281].

Так, Дж. Гершвин, один из самых известных американских композиторов, с детства был погружен в бурлящую стихию легкомысленной бытовой музыки Нью-Йорка и той среды, в которой она рождалась и развивалась. Яркость и самобытность впечатлений его детства определили не только музыкально-стилевую направленность его музыки, но и масштаб его личности как композитора. Но, кроме того, обладая способностью видения мира через музыкальные звуки, он воплотил свои впечатления в виде музыкальных произведений фортепианного и вокального жанров.

Активность личности в процессе саморазвития ярко проявилась в жизни и творчестве великого американского джазового пианиста первой половины XX в. Э. Гарнера, который самоучкой освоил фортепиано. Став композитором, он создал свой неповторимый «мейнстримовский» стиль игры на фортепиано. Импровизация оказалась не только исповедальной формой выявления личностной сущности музыканта, его персональной субъективности, «срезом» его духовно-этической индивидуальности, но одновременно и инструментом его самопознания [5, с. 128].

Хотя музыкальность имеет большое значение для музыканта-импровизатора, она не сможет проявиться в полной мере, если его личности не будут присущи такие качества, как трудолюбие, терпение, стремление к творчеству. Как отмечает В.И. Петрушин, особенности личности мастеров искусств каким-то образом группируются вокруг пяти «Т». Речь идет о таланте, творчестве, трудолюбии, терпении, требовательности [6, с. 22].

Так, о Ч. Паркере, одном из зачинателей стиля бибоп, его ближайший друг Ж. Грейс сказал: «Ч. Паркер – гений от природы. Если бы он стал жестянщиком, я верю, что он совершил бы и в этом деле нечто значительное» [7, с. 35]. Удивительно то, что музыканты оркестра Канзас-Сити, где он работал в 1937 г., считали его манеру игры на саксофоне-альте «ужасно плохой», и музыканту потребовалось большого терпения и требовательности к самому себе, чтобы доказать, что это не так. Результатом этого явилось создание совершенно необычной и самобытной

манеры игры, наполненной головокружительными импровизациями. Не случайно у Ч. Паркера было прозвище «Берд» (так его называли друзья-музыканты). Он был «человеком «хоруса» («квадрата»), ничем более не интересовался, кроме полета импровизационных мелодических линий» [7, с. 39].

Изучение жизни и творчества музыкантов показывает, что основная мотивация творческого труда лежит не в сфере достижения результата, хотя это и важно само по себе, а в сфере непосредственного созидания, в самом процессе творчества. Многие джазовые музыканты с удовольствием играют джем-сейшен, получая большое творческое удовлетворение от коллективной импровизации, оттачивая свое мастерство в кругу таких же энтузиастов, не получая за это никакого материального вознаграждения.

Инновационность, стремление осваивать еще не разработанные области искусства, поиск новых стилистических и художественных направлений всегда были прерогативой подлинно большого мастера. Так, Дж. Колтрейн, этот «мессия джаза», великий американский альт-саксофонист, через открытую им область модального джаза (упрощенно говоря, политональности) глубоко и искренне выражал свою человеческую сущность в звуках. Он всегда стремился воспринимать окружающий мир так, как чувствовал его. Эта живая непосредственность и открытость почти на уровне ребенка, кстати, еще одна черта личности музыканта-инноватора.

Характеру больших художников также свойственны впечатлительность, непрактичность, импульсивность. Подчас это усугубляет у них ощущение горя, разочарования, уныния, приводит к тяжелым жизненным коллизиям. Достаточно вспомнить отдельные факты биографий выдающихся музыкантов: Л. Бетховена, В. Моцарта, Р. Вагнера, Р. Шумана, М.П. Мусоргского, П.И. Чайковского. Немало фактов жизненных коллизий, творческих кризисов можно было бы привести и из жизни музыкантов-исполнителей джаза.

Как справедливо замечает В.И. Петрушин: «Если впечатлительность и сильная реакция на события жизни говорят больше о слабости их нервно-психической организации, то напряженный труд и умение выдерживать огромные нагрузки, связанные с ра-

ботой, свидетельствуют о силе характера, который преодолевает эту слабость» [6, с. 34].

Большинству музыкантов свойственна заинтересованность во всем, что происходит вокруг них. Этот интерес сопровождается самообразованием. Это всего лишь часть многоаспектного, многолинейного развития личности. В основе этого процесса лежит деятельное постижение культуры, приобщение к ней. В этом диалоге будущий специалист совершенствует свой интеллект, память, структуру всей личности. Без самообразования нет саморазвития и наоборот.

Выявим основные социально-психологические функции самообразования, это:

- экстенсивная функция – накопление и приобретение знаний;
- ориентировочная – определение своего места в обществе;
- компенсаторная – преодоление недостатков классического школьного обучения, формальных и непрочных знаний;
- функция саморазвития – совершенствование личных представлений о мире, своих творческо-интеллектуальных качеств;
- методологическая – преодоление профессиональной узости, доосвоение мира;
- коммуникативная – установление связей (интеграции) между предметами, науками, профессиями, мировоззрениями;
- сотворческая – непереносимое дополнение к творческой работе;
- функция омолаживания – преодоление инерции собственного мышления и собственного внутреннего застоя, умение встать на позиции не учащего, а учащегося;
- психологическая (психотерапевтическая) – сохранение ощущения полноты бытия, сопричастность с интеллектуальным движением человечества;
- геронтологическая – поддержание связей с миром и через них – жизнеспособности организма.

Итак, самообразование следует понимать как вид свободной духовной деятельности, это целая система направленного и разумного формирования человеком различных сторон своего духовного «Я».

Мы прослеживаем следующую цепочку закономерностей: образование себя средствами культуры – выстраивание общества вокруг себя средствами своей личности. Это тип свободного экспериментирования духов-

ного поведения. Создание музыкантом-творцом своей микрокультуры на основе процесса саморазвития и самореализации есть выработка им индивидуального стиля духовного поведения в обществе.

Слушатель и музыкант, массовый критик и исполнитель находятся в диалектическом взаимодействии. Именно это является одним из важнейших стимулов развития музыкальной культуры. Можно предположить, что многие слушатели обладают хотя бы небольшим опытом практического музицирования. Такой суммарный опыт просвещенной аудитории мог бы послужить основой компетентного слушательского восприятия.

Особую важность данное положение приобретает для импровизационной музыки, которая отличается гибкостью и поэтому обладает большим потенциалом реагирования на настроение слушателей. «Импровизация (как и любой вид творческой деятельности) предполагает наличие в опыте индивида определенного материала, который используется при создании нового» [8, с. 80].

Творческий процесс импровизации следует понимать как разновидность коммуникативной ситуации (как акт исполнения и восприятия). От импровизатора к слушателю транслируется вовсе не содержание музыки, не некая музыкально-художественная идея или смысл, а лишь мера упорядоченности сложного текста – своего рода последовательность сигналов, намеков, предписаний-«ключей» к кодированию информации слушателем. И этот последний, руководствуясь образно-семантической инструкцией, по мере возможности пытается приблизиться к смыслу содержания, посланного импровизатором. Полностью декодировать текст импровизации – значит найти в своем духовном и художественно-эстетическом опыте максимум всевозможных соответствий к воспринимаемой данной информации.

Кратко определим основные музыкальные функции в системе знаковой зависимости:

- «знак – звук» (пианист видит нотный текст и по нему нажимает на соответствующие клавиши);
- «звук – знак» (композитор слышит внутренним слухом музыку и записывает ее нотами);

– «звук – звук» (так внутренние ощущения переводятся в реальные звуки в процессе живой импровизации);

– «звук – образ» (условная схема восприятия звучащей музыки со стороны слушателей);

– «звук – текст» (с такой установкой воспринимает звучащую музыку на концерте журналист, освещающий события музыкальной жизни в средствах массовой коммуникации или музыкальный критик).

Взаимодействие исполнителя-импровизатора со слушателями характеризуют позиции «звук – звук» и «звук – образ».

Таким образом, смысл импровизации – это внешние и внутренние функциональные связи ее живой реальной структуры, логика и особенности этих связей; именно они в определенном контексте вызывают должный художественный эффект, создают широчайшие ассоциативные поля и превращают восприятие музыки в акт осмысления и одухотворения, внутреннего отождествления своего жизненного опыта с первоизданным.

Исключительное значение в импровизации принадлежит психомоторике и различным аспектам психологии исполнительской деятельности. Психомоторика в широком смысле слова понимается как наиболее общая форма психического отражения, которая обеспечивает чувственное познание и связь человека с окружающим миром посредством движений. В музыкально-творческой деятельности под психомоторикой обычно подразумеваются музыкально-исполнительские движения музыканта.

Наиболее полно обосновали структуру и содержание психомоторики Б.Г. Ананьев, П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн, А.В. Запорожец, Б.Ф. Ломов. Н.А. Бернштейн обосновал теорию многоуровневого и иерархического построения движений. Ученый показал, что в каждой системе движений относительно неизменными являются ведущий уровень (цель, смысловая задача деятельности) и конечный двигательный ансамбль, осуществляющий эту задачу с помощью движений, которые могут варьироваться. Промежуточные же уровни могут складываться в различных сочетаниях в зависимости от условий, наличного фонда движений и их коррекций и от конкретной задачи, которая возникает в каждой деятельности заново.

В музыкально-исполнительских движениях наиболее важные смысловые координации устанавливаются между слуховым образом и исполнительными органами. Эта координация выполняет задачу воплощения художественного образа в звучание.

В то же время слуховой образ (в джазе это саунд – некий звуковой идеал), являясь продуктом высших органов психики, направляет в основном смысловую сторону и не может гарантировать точность и целенаправленность периферийных движений. А именно они в практике концертного исполнения определяют, так сказать, профиль цеховой принадлежности музыканта – академист, эстражник или джазмен.

В конечном итоге один и тот же звуковой результат может быть итогом разных систем движения, хотя не каждая из них может оказаться наиболее целесообразной. Следовательно, исполнителю очень важно добиться разумного и осознанного контроля за слуховой и двигательной сферами.

Таким образом, основополагающее значение имеет двусторонняя связь между рукой и мозгом. Рука производит движения, которые регулируются и отбираются слухом и мозгом. Закрепившись, эти движения образуют функциональную психофизиологическую систему, которая руководит всеми музыкально-исполнительскими действиями.

Доминирование звуковой модальности и одновременное участие при этом двигательной области и связанных с нею моторных процессов характеризуют сущность музыкально-перцептивного процесса.

Существенным «движущим» компонентом музыкально-перцептивного процесса в джазовом исполнительстве является метроритмическая организация музыки. Она облегчает предвосхищение дальнейшего звучания (включая и импровизационные вставки), осознание формы произведения, она же вызывает синхронную моторную активность, столь важную в процессе коллективной джазовой импровизации.

Умение начинающих музыкантов вслушиваться в звучащий материал способствует запоминанию отдельных музыкальных фраз и постепенному выделению опорных точек (ладовых устоев, ритмических опор). Это многократное восприятие приводит к узнаванию, которое состоит из двух уровней:

идентификации (отождествления с ранее воспринятым) и опознавания (отнесения воспринятого к определенному жанру, стилю, форме). Объективными процессами, легко выражаемыми языком музыки, являются такие элементы движения, как ускорение и замедление, усиление и ослабление звучания и, следовательно, напряжения; здесь важным фактором является слухомоторная система. В наиболее развитом виде она представлена музыкальным слухом и развитым чувством ритма. Дело еще в том, что джазовая импровизация очень прихотлива в плане метроритмического движения, напряжения и спада, усиления звучности и ее ослабления (что обычно связано с направлением движения в плане его звуковысотности). Все это требует от исполнителя предельной внутренней концентрации и самоотдачи, умения предслышать гармонию и предчувствовать ритмический характер дальнейшего развертывания темы.

Следствием этого должно стать такое состояние импровизатора, когда он сливается с самим исполняемым материалом. Разум, дыхание, тело (корпус, руки, пальцы) движутся как одно целое, резонируют в одних частотах. Цементирует это триединство духовная сила исполнителя-импровизатора. Она же помогает ему бороться со страхом, преодолевать ощущение неуверенности, преодолевать неубедительность художественной трактовки. В результате наступает состояние духовного подъема. При этом исполнитель и композитор воплощаются как бы в одном лице – за каждым аккордом, музыкальной фразой, даже паузой подразумевается ее эйдетическое переосмысление в мысле-форму и картину.

Это умение мыслить звукообразами есть показатель значительного уровня мастерства исполнителя. Более того, при определенном внутреннем посыле звуковой энергии импровизатора на слушателей образуется семантический синергизм мышления в этой диаде (исполнитель – слушатель). При этом бывает возможной передача определенной звукообразно-цветовой информации. Одним из оригинальных приемов при психофизическом погружении импровизатора в воссоздаваемый им звуковой образ является умение как бы видеть самого себя со стороны, извне. Такое видение себя с позиций стороннего

наблюдателя помогает более взвешенно и адекватно судить о своем исполнении, правильно оценивать все достоинства и недостатки, не впадать в излишние динамические и эмоциональные крайности. В любом случае трезвый взгляд человека на себя со стороны помогает ему достичь большей уравновешенности и динамической гибкости, а также элегантности движений и их точности.

Как и для академического пианиста, для импровизации большое значение имеет степень свободы кисте-плечевого аппарата. Рука распространяет энергию только тогда, когда она не скована. В то же время следует сказать, что настоящий мастер импровизации должен быть свободен от корысти и желания завоевать симпатии слушателей любой внешней ценой. Проявления соперничества и сомнительной акробатики на клавиатуре могут помешать проявлению истинно художественной основы игры в ее естественности и красоте.

Таким образом, любому импровизатору необходимо знать, что, развивая чувствительность пальцев, он развивает мозг. Уничтожая бессознательные двигательные стереотипы, мы сознательно формируем структуру своих движений и можем произвольно ее менять. То же самое будет происходить и с сознанием – развивая его, мы будем в состоянии сформировать любую программу, необходимую для решения конкретной задачи, не отягощенную никакими страхами и комплексами.

Даже в состоянии аутентичного глубокого погружения в исполняемую музыку исполнителю-импровизатору приходится контролировать ситуацию игровых фраз. Почти в любой импровизации можно усмотреть определенный набор многоцелевых элементов – исполнительских идиом, способных активно и производительно соединяться в сочетаниях. Так нарабатываются различные исполнительские программы, характерные для тех или иных джазовых стилей и направлений, появляется умение «ритмически и мелодически заполнять гармонические квадраты, варьировать фактуру и мелодию на базе их повторения. Имея в памяти достаточное количество тем, импровизатор должен запоминать особо удачные моменты и использовать их каждый раз в новом стиле, ритме и гармонической схеме со своими индивидуальными чертами» [9, с. 100]. Работа по шрифтовке

этих звуковых программ должна идти постоянно и планомерно.

Список литературы

1. Сергин Ю.Д. Социальная адаптация детей-сирот средствами музыки. Тамбов, 2010.
2. Сергин Ю.Д. Педагогические условия социальной адаптации детей-сирот средствами музыкального искусства: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2003.
3. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей. М., 1947.
4. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Л., 1971.
5. Барбан Е.С. Черная музыка, белая свобода. СПб., 2007.
6. Петрушин В.И. Музыкальная психология. М., 1997.
7. Джазовая мозаика / сост. Ю. Чугунов. М., 1997.
8. Тюрина Л.А. Импровизация как форма первичной музыкально-творческой деятельности // Джаз в контексте современной культуры: сборник научных трудов по материалам 7 Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2012.
9. Тюрина Л.А. Специфика работы концертмейстера на эстрадном отделении вуза // Джаз в контексте современной культуры: сборник научных трудов по материалам 5 Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2010.

References

1. Sergin Yu.D. *Sotsial'naya adaptatsiya detey-sirot sredstvami muzyki*. Tambov, 2010.
2. Sergin Yu.D. *Pedagogicheskie usloviya sotsial'noy adaptatsii detey-sirot sredstvami muzykal'nogo iskusstva*. Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. Moscow, 2003.
3. Teplov B.M. *Psikhologiya muzykal'nykh sposobnostey*. Moscow, 1947.
4. Asaf'ev B.V. *Muzykal'naya forma kak protsess*. Leningrad, 1971.
5. Barban E.S. *Chernaya muzyka, belaya svoboda*. St. Petersburg, 2007.
6. Petrushin V.I. *Muzykal'naya psikhologiya*. Moscow, 1997.
7. Chugunov Yu. *Dzhazovaya mozaika*. Moscow, 1997.
8. Tyurina L.A. *Improvizatsiya kak forma pervichnoy muzykal'no-tvorcheskoy deyatel'nosti. Sbornik nauchnykh trudov po materialam 7 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Dzhaz v kontekste sovremennoy kul'tury"*. Tambov, 2012.
9. Tyurina L.A. *Spetsifika raboty kontsertmeystera na estradnom otdelenii vuza. Sbornik nauchnykh trudov po materialam 5 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Dzhaz v kontekste sovremennoy kul'tury"*. Tambov, 2010.

Поступила в редакцию 9.12.2015 г.

Received 9 December 2015

UDC 78.02

IMPROVISATION AS AN INTERACTION OF PERFORMER AND LISTENER

Yuriy Dmitrievich SERGIN, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Pedagogy, Professor of Theatre and Fine Arts Department, e-mail: sergin1@mail.ru

The creative process of improvisation as a type of communicative situation and the features of improvisator's personality – musical talent, including the sense of musical rhythm, the possibility to operate at will by musical-acoustic performances, the ability to feel emotional expressiveness of high sound movement are considered. The notion psychomotor system as a general form of psychic reflection, providing sensible cognition and link of a person with the world around by means of movements is revealed. The attention is paid to psychomotor system in musical-creative activity, its structure and content, founded by B.G. Ananyev, P.Kh. Anokhin, N.A. Bernshtein, A.V. Zaporozhets, B.F. Lomov and also the theories of multilevel and hierarchy building of movement, proposed by N.A. Bernshtein. The social-psychological functions of musical self-education as a part of multi-aspect, multi-linear development of personality of the performer and basic musical functions of interaction of performer-improvisator with listeners are defined. The sense of improvisation through external and internal functional links of its structure, which in definite context creates wide associative fields and makes the perception of music an act of understanding and spiritualization is revealed. The set of multi-aimed elements is proposed – performing idioms for musical self-development of the performer, which serve for professional growth and different performing programs which are a characteristic feature of jazz styles and directions.

Key words: improvisation; self-education; creative process; personality; psychomotor system; musical-instrumental art.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-27-32

УДК 37.022

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА В КОНТЕКСТЕ РАЗНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ¹

© **Наталья Александровна КОТОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра математического
моделирования и информационных технологий,
e-mail: nkotova01@yandex.ru

Рассмотрена проблема формирования образовательной среды вуза. Проведен анализ трансформации представлений об образовательной среде вуза в контексте традиционного, синергетического, кластерного подходов. Выявлено, что применение каждого из перечисленных подходов к образовательной среде позволяет решить свой определенный круг задач и снять противоречия в образовательном процессе, но не в полной мере отвечает современным требованиям подготовки специалистов. Отмечается, что в настоящее время устойчивая потребность общества и государства в развитии инновационной экономики привела к тому, что система образования также переходит на новый этап развития, что определяет новые требования к образовательной среде вуза. Вектор ее развития направлен в сторону формирования инновационной инфраструктуры, включения инновационной проектной деятельности студентов в образовательный процесс, активизации их участия в конкурсах инновационных продуктов и услуг. Обосновано предположение о том, что одним из направлений совершенствования подготовки специалистов в вузе является формирование образовательной среды вуза на основе инновационного подхода, в которой происходит личностное развитие и профессиональное становление специалиста. Проведен анализ компонентов образовательной среды вуза на основе инновационного подхода.

Ключевые слова: образовательная среда; компоненты образовательной среды; синергетический подход; кластерный подход; инновационный подход; образование.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-33-45

Переход экономики страны на инновационную стратегию развития дал новый импульс коренным преобразованиям в современном образовании. В настоящее время существует острая потребность в специалистах, владеющих навыками инновационной деятельности и способных решать поставленные задачи в современных условиях. Для решения этих задач вузы приступили к внедрению элементов инновационной инфраструктуры (центров коммерциализации технологий, маркетинговых исследований, малых инновационных предприятий и др.). Вместе с тем освоение механизмов развития инновационной деятельности происходит на старом методологическом базисе. Имеющаяся на сегодняшний день практика вузов по развитию инноваций позволяет накопить определенный опыт, однако эти процессы не приводят к существенным изменениям образовательной среды, способствующей формированию специалиста для инновационной экономики.

В конечном счете происходит нарушение замкнутого процесса от создания до продвижения инноваций в экономике страны.

Существует немало подходов к формированию образовательной среды вуза. Увеличение числа подходов связано с попыткой разрешить противоречия, возникающие в образовательном процессе, и новые задачи, которые не позволили снять использованные подходы.

Рассмотрим изменения в образовательной среде вуза, сформированной с помощью традиционного, синергетического, кластерного и инновационного подходов. Применение каждого из перечисленных подходов позволяет решить свой определенный круг задач и снять противоречия в образовательном процессе.

Прежде всего, определимся со структурой образовательной среды. За основу возьмем структуру, предложенную В.И. Пановым [1]. В качестве компонентов структуры образовательной среды он выделяет:

– пространственно-предметный компонент (помещение, оборудование, материалы;

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-06-10306.

материально-техническое, эстетическое обеспечение занятий);

- социальный компонент (пространство межличностного взаимодействия между учащимися, педагогами, психологами, администрацией и типы этого взаимодействия);

- технологический компонент (рефлексивная оценка психологических и дидактических оснований определения целей, содержания и методов обучения, в т. ч. на материале авторских образовательных программ).

На наш взгляд, необходимо добавление еще одного компонента в структуру образовательной среды – субъектов образовательного процесса (обучающие и обучаемые).

Рассмотрим трансформацию компонентов образовательной среды в контексте традиционного, синергетического, кластерного подходов, которая поможет в осмыслении компонентов образовательной среды при инновационном подходе.

Главной целью обучения в традиционном понимании образовательной среды является усвоение обучающимися знаний. Содержание обучения преподносится в готовой форме формализованной системы знаний, часто слабо связанной с профессиональной ситуацией, в которой приходится действовать выпускнику. Как правило, это определенный набор законов, теорий, правил, представляющий собой проекцию соответствующего научного знания на учебный процесс, который иллюстрируется отдельными примерами из профессиональной или реальной жизни. Содержание образования в дисциплинарной модели не ориентировано на отражение взаимосвязей между объектами в контексте будущей профессии. Студент постоянно находится в искусственной (как по форме, так и по содержанию) образовательной среде и лишен возможности в процессе обучения строить собственную траекторию профессионального образования [2].

Традиционному процессу образования характерна дисциплинарная модель обучения. Однако дисциплины становятся слишком наукообразными, перегруженными избыточной информацией.

Происходящие социально-экономические преобразования в стране требуют большей направленности каждой учебной дисциплины на профессиональную деятельность спе-

циалиста. Из большого объема информации важно отобрать наиболее значимую, формируя таким образом систему знаний и способов деятельности студентов, чтобы они могли эффективно использовать ее в разных профессиональных ситуациях. Только тогда возможно соблюдение принципа: «учить нужно не предмету, а специальности», стратегическая суть которого сводится к целенаправленной ориентации всех дисциплин для целостного изучения явлений и процессов, формирующих профессиональные знания, умения и значимые качества специалиста [2].

Сами обучаемые рассматриваются как объекты реализации определенных планов педагога. Главной целью обучаемых являются хорошие отметки, в то время как уровень знаний не обладает таким приоритетом. Репродуктивные знания являются преобладающими (учитывается уровень среднего ученика).

Среди обучающихся доминирует, как правило, авторитарная модель обучения.

Обучающий строит свою работу так, что обучаемый должен адаптироваться к обучающему. Основным источником обучения – учебник и лекция. Основные формы обучения – традиционная лекция, семинар, практическое занятие; преобладающие методы монографичны; обучение построено по авторитарной схеме – «педагогика требований».

В традиционной системе доминирует заучивание. Под заучиванием понимается совокупность действий обучающегося, направленных на овладение учебным материалом [2]. В этой системе процессы усвоения и запоминания, как правило, сводятся к чтению учебника или дополнительной литературы, практическим и лабораторным занятиям, решению задач, ответам на вопросы.

Традиционный процесс обучения «основывается на изучении дидактических категорий как отдельных независимых единиц учебного содержания. Их автономный характер не позволяет увидеть взаимосвязь и взаимодействие дидактических категорий в ходе учебного процесса, не дает возможности представить полную картину его разворачивания» [3].

Таким образом, традиционная образовательная среда на данном этапе развития общества уже не способна обеспечить эффективный механизм для достижения современ-

ных образовательных результатов, т. к. в основе технологии подготовки специалистов весомая доля отводится репродуктивной составляющей и во многом зависит от опыта наследственной профессиональной среды самого преподавателя. Обучаемый как бы погружается в зависимость от профессиональных стандартов и в зависимость от опыта либо работающего преподавателя, либо создателя курса [4].

В настоящее время общество требует специалиста новой формации, «генератора новых идей, новых знаний». Востребованным становится не столько выпускник вуза, сколько созданный им продукт, технология или услуга, востребованная на рынке инновационной продукции.

Для решения этой задачи необходимо формирование такой образовательной среды, которая будет способствовать развитию творческой инициативы, способности решать проблемные ситуации в профессионально-ориентированных проектах и т. д.

Синергетический подход, на наш взгляд, позволяет ответить на вопрос, каковы механизмы «погружения» обучаемого в профессионально-ориентированное интеллектуальное пространство, где возможны различные флуктуации и разные направления продвижения будущего специалиста в профессиональном развитии [4].

Основным принципом синергетики является принцип развития окружающей среды по нелинейным (неоднозначная зависимость педагогических характеристик от времени и пространства), неравновесным (зависимость характеристики процесса от времени и пространства) законам.

В педагогике, дидактике эта мысль может быть выражена в многовариантности или альтернативности выбора. В педагогическом процессе многовариантность выступает главным условием создания в образовательной среде шанса индивидуальной траектории к успеху для каждого студента, стимулирования самостоятельности выбора и принятия действенного решения [5].

В отличие от традиционного подхода здесь происходит изменение в содержании, технологии обучения, меняется характер взаимоотношений системы «объект – субъект».

Если при традиционной организации образовательного процесса предметом научно-

го анализа процессов в педагогической системе выступали постоянные и повторяющиеся педагогические факторы, то теперь появилась возможность включить факторы случайности и непредсказуемости, т. е. появилась возможность прогнозировать цели, содержание образования и проводить диагностику результатов.

Синергетический подход позволяет изменить привычные рамки образования, сделав процесс обучения неравновесным и нелинейным.

В настоящее время синергетика приобрела характер универсальной теории эволюции и самоорганизации любых сложных систем и тем самым современной парадигмы эволюции. Ее отличительная особенность состоит в том, что, используя ее методы, нельзя найти конкретные технологии и модели подготовки специалиста, но она поможет ответить на вопрос, что может произойти, и при каких обстоятельствах ситуация не случится никогда, иными словами, формулировать эволюционные правила запрета. В этой связи следует вспомнить, что многие фундаментальные физические законы носят характер именно правил запрета [6].

Рассмотрим, как меняются компоненты образовательной среды при синергетическом подходе.

Целью обучения становится формирование саморазвивающейся, самоорганизующейся личности. Для реализации цели обучения на практике необходимо решение определенных задач.

Одной из основных задач обучения выступает формирование интеллектуально развитой и функционально грамотной личности, обладающей интегративными способностями, которые проявляются у тех, кто обладает синергетическим подходом к окружающей действительности [7].

Этот процесс подготовки специалиста можно прогнозировать через события и явления в образовательной среде вуза. Из всего многообразия событий, происходящих в природе и обществе, выбирается подмножество, некий блок событий, имеющий отношение к сфере подготовки специалиста [4].

Система образования, в своей сущности, является динамической системой, которая демонстрирует взаимодействие многочисленных противоборствующих сил. «С одной

стороны, образование пропитано духом вековых традиций, с другой – оно должно следовать ритмам изменений, происходящих в окружающем мире. С одной стороны, жесткая структурированная (детерминированная) система, а с другой – многочисленные попытки осуществления образовательных реформ» [8].

Вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что систему образования можно рассматривать как самоорганизующуюся систему.

Если простые механические системы нашего физического мира характеризуются устойчивостью и периодическим движением, то самоорганизующиеся системы относятся к миру неустойчивостей и флуктуаций, которые ответственны за разнообразие и богатство форм и структур, которые наблюдаются в окружающих нас природе и обществе [6].

Содержание образования претерпевает качественные изменения, используя свойство междисциплинарности, что дает возможность более продуктивно осуществлять интеграцию предметов. Важными функциями интеграции предметов является систематизация и обобщение знаний и умений в процессе обучения. Наличие элементов теории самоорганизации в содержании предметов может служить средством осуществления мировоззренческих функций обучения.

Первостепенную роль здесь должны играть междисциплинарные курсы, которые содержат наиболее фундаментальные знания, являющиеся базой быстрой адаптации к новым специальностям и специализациям, которые являются теоретической основой широкого развертывания прикладных исследований. Речь идет о таких знаниях, которые способны формировать целостный взгляд на современный мир и место человека в нем и позволяют преодолеть предметную разобщенность [9].

Меняется роль обучаемого и обучающего. Преподаватель управляет обучением, но делает это без указания алгоритма действия или конкретного задания, требующего определенного решения, а путем постановки проблемы или создания ситуации, вынуждающих студента действовать автономно и самостоятельно. Таким образом, реализуется важный принцип синергетического подхо-

да – принцип взаимодействия и взаимоподдержки [5].

Это возможно только в том случае, когда сам преподаватель обладает высокой профессиональной квалификацией в психологическом, педагогическом и дидактическом плане, гибкими способами управления и научной организацией учебного процесса, вероятностно-прогностическим подходом к педагогическим результатам обучения.

Обучающийся рассматривается как свободная личность. Широкое использование игровых методов обучения позволяет преподавателю воздействовать на внутренний мир обучающегося без насилия, осторожно, что способствует развитию положительных черт характера обучающегося, а также его разнообразных способностей.

Для синергетического подхода в образовании характерна опора на методы поиска нового знания, открытия новых истин, которые имеют эвристический характер и опираются не столько на правила, сколько на интуицию, воображение и творчество. Примером такой работы с обучаемыми может послужить построение на уроках мысленного эксперимента и модельных представлений на основе применения «позитивной эвристики», правила которой указывают возможность выбора теорий, их изменение, развитие и модификацию. Это способствует раскрепощению личности, приобретению уверенности в себе, желанию поиска истины.

Остановимся более подробно на эвристических методах обучения.

Эвристическую систему обучения широко применял еще Сократ. Путем особых вопросов и рассуждений он помогал собеседнику самостоятельно приходить к постановке или решению проблемы. Причем истина открывалась подчас не только ученику, но и самому учителю [10].

Эвристическое обучение – обучение, ставящее целью конструирование учеником собственного смысла, целей и содержания образования, а также процесса его организации, диагностики и осознания [11].

Эвристическое обучение для ученика – непрерывное открытие нового [11].

Основной задачей форм и методов эвристического обучения является создание учащимися новых образовательных результатов.

Занятия с использованием эвристических форм включают в себя соответствующие методы обучения. Перечислим некоторые эвристические методы обучения: метод «вживания», метод смыслового видения, метод символического видения, метод образного видения, метод придумывания, метод «если бы...», метод эвристических вопросов (квинтилиан), метод гиперболизации, метод агглютинации, «мозговой штурм» (Л.Ф. Осборн), метод синектики (Дж. Гордон), метод морфологического ящика, или метод многомерных матриц (Ф. Цвики), метод инверсии, или метод обращений.

В результате данного анализа можно заключить, что использование синергетического подхода в обучении повышает качество мышления и формирует нелинейный стиль мышления, т. е. способствует развитию личности, что является главной целью модернизации образования.

Таким образом, наметился поворот в человеческой деятельности, науке и ее методологии от одномерного, линейного мышления, характерного для привычной жизни и классической науки, к мышлению многомерному, творческому, нестандартному и вероятностному, т. е. нелинейному. Овладение нелинейными способами действий приводит к пониманию того, как умело и рационально поступить со сложными системами, как оптимизировать свою деятельность в условиях неустойчивого развития различных событий в окружающем мире. Теория самоорганизации и достижения современной науки убедительно доказали ограниченность использования линейных (динамических) закономерностей в описании сложных природных и общественных процессов, происходящих в окружающем нас мире. «Здравый смысл говорит об ограниченности науки, которая изучает упорядоченные движения и результатам которой посвящены все учебники. Эта наука не всемогуща, при анализе сложных систем результаты использования теоретических знаний науки и практическая мудрость, опирающаяся на результаты вероятностного анализа, дополняют друг друга, т. е. существует несколько языков описания будущего (причинное, детерминированное и вероятностное), и это важный результат «нелинейного» мышления, основанного на анализе возможного поведения нелинейных систем» [12].

Все компоненты образовательной среды, созданной на основе синергетического подхода, имеют между собой большое количество связей, что позволяет предположить возможность процесса самоорганизации. Развитие обучающегося в образовательной среде сложный процесс, зависящий так же и от ряда внешних воздействий. Именно здесь важную роль играет обучающий. От того, какие методы и приемы он применит для усовершенствования образовательного процесса, во многом зависит результат процесса обучения.

Мы уже отмечали, что главной целью университета является формирование у студентов способности эффективно применять знания и умения на практике при создании новой конкурентоспособной продукции. Причем эти умения должны формироваться как в недрах самого учебного процесса, так и в результате самостоятельной практической деятельности в специально развитой инфраструктуре (студенческие учебно-научно-инновационные комплексы, бизнес-инкубаторы технологий, научные инновационные лаборатории) [13].

Рассмотрим еще один подход к формированию образовательной среды в вузе – кластерный.

Образовательная среда, основанная на кластерном подходе, приобретает новый структурный элемент – партнеров (внешних и внутренних).

Под партнерами мы будем понимать образовательные учреждения, работодателей и органы исполнительной власти и др., которые объединяются для совместного использования научного, образовательного, производственного, ресурсного, инфраструктурного потенциала, а также для привлечения административных ресурсов в целях социально-экономического развития территорий и получения конкретных результатов своего объединения.

Партнеров мы разделим на внешних и внутренних. Под внешними партнерами мы будем понимать центры инновационного развития, образовательные учреждения, некоммерческие общественные организации, бизнес, СМИ, родительскую общественность.

В глобальном плане внешними партнерами можно считать Министерство образования и науки РФ, Российскую академию наук.

Под внутренними партнерами будем понимать обучаемых и обучающихся, совместная деятельность которых должна привести к конечному результату.

Традиционная образовательная парадигма обычно ограничивается тем, чтобы обеспечить студентов условиями для понимания закономерностей процессов, происходящих в природе и обществе, воспроизводством сложившейся и эффективной практики. Как правило, она основана на применении выпускниками полученных знаний, умений и навыков в профессиональной деятельности [14].

Вместе с тем инновационная экономика испытывает острую потребность в специалистах, подготовленных к реальной проектной деятельности, обладающих системным мышлением.

Для подготовки таких специалистов необходим не только высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав, новейшее оборудование и динамичное обновление содержания обучения, но, прежде всего, изменение образовательной парадигмы.

Особую важность приобретает вопрос формирования такой образовательной среды вуза, которая бы обеспечивала научно-исследовательскую, инновационную деятельность обучающихся, включая их в проектную деятельность для решения актуальных задач социально-экономического развития региона.

Таким образом, основной целью является формирование такой образовательной среды вуза, в которой обучающиеся достигнут общего результата при взаимодействии с партнерами, обучающими в процессе образования личности. Цель, являясь системообразующим фактором, выступает в качестве внешней по отношению к педагогической системе силы и находит воплощение в содержании, технологиях, деятельности обучающихся, обучаемых, партнеров и полностью ориентирована на конечный результат. Именно цель обеспечивает системообразующие связи со всеми элементами системы. При практическом осуществлении цель выступает как система конкретных задач. Цель и задачи соотносятся как целое и часть, система и ее компоненты [15].

Содержание образования соответствует достижению цели и включает в себя инфор-

мацию о планировании деятельности; о применении технологий для решения задач проекта; об осуществлении текущего контроля и оценки деятельности; о планировании информационного поиска для решения задач проекта; об извлечении и систематизации информации для решения задач проекта; о точном изложении информации в контексте решаемой проблемы; о способах представления результатов проектной деятельности; о сотрудничестве с коллегами и партнерами.

Технологии, применяемые для достижения поставленной цели, представляют собой совокупность средств, форм, методов и приемов в системе взаимосвязанных действий обучающихся и обучаемых.

К средствам обучения относятся учебники и учебные пособия, средства наглядности, средства для осуществления практических действий, технические средства обучения.

В качестве методов обучения выступают традиционные вербальные методы, исследовательские, проблемные, логические, эвристические методы. При этом используются и традиционные формы организации занятий – фронтальная, индивидуальная, групповая, и нетрадиционные – творческая, игровая.

Использование проектной деятельности обучающихся по реализации социально-значимых проектов подразумевает совместное сотрудничество образовательных учреждений с различными предприятиями и организациями.

Механизмом реализации кластерного подхода в проектной деятельности выступает социальное партнерство.

Исследования М.С. Чвановой раскрывают роль социального партнерства в развитии системы профессионального образования, определяют его сущность.

Социальное партнерство в сфере профессионального образования – метод решения социальных, экономических проблем и регулирования противоречий между организацией профессионального образования, работодателем и государством [16].

Обучающиеся изначально находятся в ситуации конкретной научно-исследовательской и проектной инновационной деятельности, вовлекаются в разработки, доведение их до опытных образцов и уже на этапе обучения включаются в решение актуальных задач

и реализацию потребностей, стоящих перед региональным бизнесом [15].

Применение традиционных общенаучных подходов не позволяет в полной мере учитывать специфику современной динамики инновационных процессов.

В современных социально-экономических условиях и с учетом перспективы построения информационного общества доминирующим фактором в развитии университета является конкурентное преимущество, которое возможно только на основе инновационных подходов к управлению и содержанию образования, формированию соответствующей идеологии у студентов и молодых специалистов.

Инновационный подход рассматривается нами как некий симбиоз синергетического и кластерного подходов, он вбирает в себя элементы этих подходов и несет отличительные, свойственные только ему характеристики.

Рассмотрим компоненты образовательной среды в контексте инновационного подхода.

Целью образовательного процесса при инновационном подходе является разработка инновационного продукта или технологии.

Для достижения вышеуказанной цели, в рамках выполнения инновационной образовательной программы вуза, решаются две задачи: во-первых, формируются навыки проектных форм деятельности и активизируется проектная деятельность студентов, аспирантов, преподавателей, которая позволяет создавать инновационные проекты в сотрудничестве с различными предприятиями-партнерами; во-вторых, активизируется участие студентов университета в реализации инновационных проектов в различных сферах, в т. ч. – социальной и социально-образовательной.

Реализация проектной деятельности обучающихся является элементом кластерного подхода, однако инновационный подход позволит нам так организовать проектную деятельность обучающихся, которая уже с первого курса вовлечет их в реализацию задач как внешних партнеров, так и развитию идей самих обучающихся. Это может выражаться в виде курсовых работ по заданным темам.

Использование эвристических методов обучения как элементов синергетического

подхода поможет обучающимся сгенерировать конкурентоспособную идею, которую порой так сложно описать словами. Очевидно, что грамотно реализовывать эти методы должен высококвалифицированный преподаватель, который способен увидеть возможности студента, помочь ему их развить, а в идеале, помочь студенту довести свою идею до опытного образца, а потом и продать ее. Он должен предвидеть инновации в развитии профессиональной подготовки, изменения содержания и технологий образования, уметь создавать такое взаимовыгодное сотрудничество с работодателями и другими заинтересованными субъектами, которое будет положительно сказываться на профессиональном образовании будущих специалистов.

Это возможно в том случае, если сам преподаватель будет постоянно заниматься своим саморазвитием, а именно повышением квалификации в ведущих вузах как в России, так и за рубежом.

Совместное взаимодействие профессорско-преподавательского состава и обучающихся в реализации инновационно-образовательных проектов позволяет сформировать у студентов способность эффективно применять знания и умения на практике при создании новой конкурентоспособной продукции и способность на выпуске из университета представить на рынок товаров и услуг конкурентоспособный продукт. Причем эти умения формируются как в недрах самого учебного процесса, так и в результате самостоятельной практической деятельности в специально развитой инфраструктуре (студенческие учебно-научно-инновационные комплексы, бизнес-инкубаторы технологий, научные инновационные лаборатории).

Реализация проектной деятельности предполагает работу в команде. На наш взгляд, использование инновационного подхода позволит сократить этапы превращения группы единомышленников в команду, что непременно положительно скажется на получении конечного результата.

Использование инновационного подхода непременно коснется и содержания образования. Необходимо разрабатывать учебные планы новых специальностей и специализаций по приоритетным направлениям науки и техники, ориентированных на запросы социальной сферы и экономики региона.

В настоящее время в университете идет процесс развития принципиально нового высшего учебного заведения, студенты которого изначально находятся в ситуации конкретной проектной инновационной деятельности. Обучаясь, они занимаются не только образовательной деятельностью, но и вовлекаются в процесс проектирования и совершенствования производственных разработок до опытных образцов. При подобном подходе студенты уже на этапе обучения включаются в решение актуальных задач и реализацию потребностей, стоящих перед региональным бизнесом. По нашему мнению, только в этом случае бизнес-структуры начинают активно вкладывать свои средства в образование. Особенностью и отличительной чертой деятельности Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина является четкая ориентация на реализацию инновационных образовательных программ и повышение инвестиционной привлекательности вуза [13].

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина активно использует участие студенческой молодежи в образовательной, инновационной и научной деятельности. Для этого в университете ежегодно проводятся внутривузовские конкурсы на лучший инновационный проект и конкурс «Инновационные идеи и разработки». За последние пять лет было сформировано более 1000 инновационных студенческих проектов.

Ежегодно студенты университета становятся участниками молодежного научно-инновационного конкурса («У.М.Н.И.К.») Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере. Данный конкурс направлен на выявление молодых ученых, стремящихся самореализоваться через инновационную деятельность, и стимулирование массового участия молодежи в научно-технической и инновационной деятельности путем организационной и финансовой поддержки инновационных проектов. Финалисты конкурса получают от Фонда финансирование на выполнение проектов, направленных на проведение исследований в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР).

Большинство дипломных работ, защищаемых в университете, базируется на обширных экспериментальных исследованиях,

результатах производственных и вычислительных практик. Более 70 % студентов вовлечены в постоянную активную исследовательскую работу, что находит отражение в научных публикациях и в участии в различных научных мероприятиях.

В университете работают 279 студенческих научных кружков и школ-семинаров, проводятся ежегодные научные конференции и выставки научных работ, День науки.

Студенты университета выступают с докладами на международных и российских научно-практических конференциях: за последние четыре года количество студентов – участников конференций составило более 7000 человек, ими опубликовано около 3000 работ.

Научно-исследовательские работы выполняются в соответствии с реальными заданиями конкретных заказчиков и содержат элементы научных исследований, например, в Институте экономики, управления и сервиса ведется совместная работа с ОАО «Тамбовский завод «Комсомолец»; в Институте математики, естествознания и информационных технологий выполняются работы для Управления образования и науки Тамбовской области, МУП «Единый расчетный центр», ОАО «Тамбов-Лада»; в Педагогическом институте – для МОУ СОШ г. Тамбова и Тамбовской области и т. д. Это дает возможность последующего трудоустройства наиболее творческих и инициативных представителей студенческой молодежи.

В университете сформировалась комплексная система приобщения молодежи к участию во всевозможных научных конференциях, конкурсах, грантах, выставках международного, всероссийского и регионального уровней, например, ежегодное участие во Всероссийской выставке «Современная образовательная среда», Всероссийском конкурсе научно-исследовательских, изобретательских и творческих работ обучающихся «Национальное достояние», Международном молодежном научном форуме «Ломоносов», Международной открытой научно-исследовательской конференции молодых исследователей «Образование. Наука. Профессия». Основные элементы этой системы уже приносят результаты. Количество медалей, дипломов, грамот, премий и т. п., полученных студента-

ми университета в конкурсах на лучшую НИР и на выставках, стремится к 500.

В последнее время увеличилось количество студентов, которые участвуют в различных грантах, выполняют работы по заданию Рособразования.

Важную роль в активизации деятельности студентов принадлежит студенческим объединениям. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина ежегодно становится одним из победителей конкурса Минобрнауки по Программе развития деятельности студенческих объединений, которая реализуется в 2012–2016 гг., целью которой является развитие студенческого самоуправления университета и повышение роли студенчества в модернизации образовательной, научной, инновационной деятельности и социокультурной среды вуза.

Для достижения цели мероприятия Программы (на весь срок реализации) сгруппированы по семи направлениям: развитие студенческого самоуправления; активизация деятельности студенческих научных обществ; вовлечение студентов в процесс управления научной и инновационной деятельностью; организация студенческого кадрового агентства; создание условий для организации студенческого досуга, творческих клубов и клубов по интересам; развитие студенческого спортивного движения; развитие волонтерского движения.

Коллектив университета включил в Программу множество различных проектов, среди которых:

- создание *Интернет-портала студенческого самоуправления*, который должен быть информационной платформой активизации деятельности студенческих активистов;
- создание *Студенческого бизнес-инкубатора* для поддержки развития инновационной деятельности Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина и вовлечения студентов в практическую реализацию инновационных проектов университета с целью формирования профессиональных компетенций в области инновационного предпринимательства;
- создание *Студенческого конструкторского бюро (СКБ)* – необходимого звена на пути инновационного развития университета, его основной целью является создание условий для вовлечения студентов в профес-

сиональную деятельность и совершенствование компетенций и навыков конструкторско-технологической работы студентов по проектированию, изготовлению, настройке и эксплуатации аппаратуры для наноиндустрии;

- создание *Студенческого кадрового агентства* – объединения студентов Института экономики, управления и сервиса с целью содействия трудоустройству выпускников и студентов вузов;

- развитие *Дискуссионного молодежного клуба «Диалогос»*, который способствует вовлечению студентов в научную дискуссию в области социально-гуманитарного знания – социологии, философии, истории и т. д.;

- развитие *Философско-религиоведческого клуба «Гнозис»*, который способствует повышению философской культуры студентов, формированию научного подхода к студенческим исследованиям в сфере религиоведения;

- совершенствование работы *Кружка археологов*, который направлен на углубленное изучение археологии студентами-историками и музеоведами, активное их вовлечение в научно-исследовательский процесс;

- создание условий для работы *Общества любителей естествознания*, направленного на изучение фауны и флоры субъектов Российской Федерации, развитие научной деятельности студентов в области естественных наук;

- студенческая аналитическая группа при научно-методическом центре *«Русский дом Диккенса»* способствует созданию условий для развития научного потенциала студентов, формированию навыков научной деятельности, расширению профессиональных компетенций по зарубежной литературе;

- студенческое научное общество *«Экономист»* является общественным объединением студентов, принимающих активное участие в научно-организационной и исследовательской работе, и представляет собой молодежное собрание представителей студенческого сообщества;

- создание многопрофильного студенческого объединения *«Филологическая регионалистика»*;

- создание *Туристического клуба «Вертикаль»*;

- создание *Творческой мастерской «Вдохновение»*, способствующей раскрытию

и реализации личностных творческих способностей студенческой молодежи, предусматривающей проведение мастер-классов: «Сценарное мастерство», «Сценография шоу-программы»; конкурсов: на лучший сценарий молодежной шоу-программы, игровой марафон, «Конкурс красоты», «Юморина», «Минута славы», «Бригантина»;

- развитие *Творческой мастерской «Город Мастеров»* для активизации деятельности студентов по возрождению и развитию народных традиций;

- создание условий, способствующих активизации деятельности студентов в *Любительском объединении «Виртуозы досуга»*;

- развитие *студенческого спортивного движения* как средства сохранения, укрепления и воспроизводства здоровья;

- активизация деятельности волонтерского отряда *«Спорт без границ»*;

- развитие деятельности волонтерского движения *«Бумеранг»*;

- создание *Учебно-производственного центра (УПЦ) молодежных инноваций* для вовлечения студентов и молодых сотрудников в практическую реализацию различных инновационных идей и проектов, связанных с развитием научно-технического творчества молодежи и студентов.

Кроме перечисленных программа включает множество других интересных и важных для университета проектов в области науки, инноваций, социально-культурной деятельности [13].

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина ориентирован на реализацию инновационных образовательных программ и повышение инвестиционной привлекательности вуза, а также – становление университета как центра кластера инновационно-образовательных программ развития приоритетных направлений социальной сферы и реальной экономики региона [17].

Создание инновационной образовательной среды в университете позволяет быстро и эффективно адаптировать образовательные программы, учебно-методическую и научно-исследовательскую работу к меняющимся условиям российского и международного образовательного пространства, а также создает благоприятные условия для устойчивого развития инновационно-образовательной деятельности на выпускающих кафедрах

университета (создание точек роста) на основе: интеграции образования, науки и инновационной деятельности; международного сотрудничества; социального партнерства с предприятиями и организациями, научными институтами РАН и др.; применения перспективных технологий, активизирующих инновационно-образовательную деятельность.

Ведущим компонентом стратегии является ускоренное развитие производственной и социальной инфраструктуры, в особенности таких ее элементов, как электронные библиотеки, мультимедийные аудитории, лабораторная база, агентства по трансферу технологий, студенческие учебно-научно-инновационные комплексы, бизнес-инкубаторы технологий, научные инновационные лаборатории [13].

Инновационная деятельность, как любая другая, имеет свое окружение и сопровождается определенными метками – интеллектуальным капиталом и его товарным продуктом, принимающим форму особой интеллектуальной собственности. При этом формирующаяся экономика знаний породила новую окружающую среду конкуренции, в которой борьба идет за исключительные права на новые идеи и изобретения. Это доказывает, что в основе инновационной деятельности лежат процедуры патентования результатов. В связи с этим актуальна задача развития в среде университета патентоведческой культуры.

Таким образом, процесс формирования инновационной образовательной среды многогранен и сложен: использование всевозможных форм и методов поддержки молодежи формирует у студентов мотивирующую и стимулирующую способность; изменения в содержании и организации учебного процесса способствуют формированию знаний теоретических основ исследовательской, инновационной деятельности; проектная деятельность позволяет студенту изначально находиться в ситуации конкретной научно-исследовательской задачи; использование механизмов социального партнерства дает возможность конструктивного диалога между работодателями и учебными заведениями; развитая инновационная инфраструктура университета (бизнес-инкубатор, технопарк, центры коллективного пользования, центры трансфера технологий и др.) способствует

продвижению инноваций от идеи до опытно-экспериментального образца и предложению на рынке инноваций. Все перечисленное способствует подготовке высококвалифицированного специалиста в условиях развития инновационной экономики.

На наш взгляд, использование инновационного подхода позволит интегрировать науку и образования на базе укрепления материально-технической базы уже существующих и создания новых научно-исследовательских и инновационных лабораторий и центров, обеспечивающих широкий охват вузов, научных учреждений и промышленных предприятий, что позволит увеличить академическую мобильность студентов, преподавателей и сотрудников.

Одной из отличительных особенностей инновационного подхода является создание нового компонента образовательной среды – результативного (инновационного результата как объекта интеллектуальной собственности).

Мы предполагаем, что использование инновационного подхода в обучении даст большую вероятность того, что одаренные люди смогут реализовать себя в обществе. Одаренные люди должны создавать новый продукт, а для этого человека нужно обучать.

Таким образом, использование инновационного подхода значительно повысит уровень подготовки студентов, который сочетает в себе максимальную вовлеченность студентов в процесс обучения, включая постановку целей и задач, отбор содержания, последовательность его изучения (модульная организация курсов), выбор средств и форм обучения и оценки обученности, использование современных мультимедийных средств, новых информационно-технологических разработок и программных продуктов, в т. ч. созданных преподавателями университета.

Список литературы

1. *Панов В.И.* Психодидактика образовательных систем. СПб., 2006.
2. *Чернилевский Д.В.* Дидактические технологии в высшей школе. М., 2002.
3. *Уман А.И.* Технологический подход к обучению: теоретические основы. Москва; Орел, 1997.
4. *Чванова М.С., Храмова М.В.* Синергетический подход к модернизации образовательных технологий в системе открытого образования // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 11 (103). С. 95-109.
5. *Гвоздева А.В., Хтун Хтун Наинг.* Синергетический подход к методам обучения // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 1 (33). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sinergeticheskiy-podhod-k-metodam-obucheniya> (дата обращения: 17.11.2015).
6. *Поликарпов В.С., Коноплев Б.Г., Поликарпова В.А., Малюков С.П.* Философия нанотехнологии. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2009. С. 42-44.
7. *Гапонцева М.Г., Федоров В.А., Гапонцев В.Л.* Применение идеологии синергетики к формированию содержания непрерывного естественно-научного образования // Образование и наука. 2004. № 6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-ideologii-sinergetiki-k-formirovaniyu-soderzhaniya-nepreryvnogo-estestvenno-nauchnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 17.11.2015).
8. *Пугачева А.* Синергетический подход к системе высшего образования // Высшее образование в России. 1998. № 2. С. 41-45.
9. *Киева О.В.* Педагогические условия формирования информационной культуры у студентов высших учебных заведений в процессе преподавания гуманитарных дисциплин: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Брянск, 2001.
10. *Кирова Ю.З.* Формирование готовности будущих инженеров-аграрников к управленческому общению инновационной направленности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2012.
11. Эвристическое обучение. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 17.11.2015).
12. *Хотунцев Ю.Л., Хотунцев А.Ю.* Научный метод, реальные системы и элементы синергетики // Педагогическое образование и наука. 2001. № 2. С. 9-16.
13. *Юрьев В.М., Чванова М.С., Передков В.М.* Университет как центр инновационно-образовательного кластера // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2007. Вып. 5 (49). С. 7-12.
14. *Юрьев В.М., Чванова М.С., Антонюк С.Д., Волков С.И., Емельянов А.В., Завершинский А.Н., Кончаков Р.Б., Лыскова В.Ю., Шаршов И.А.* Проектная деятельность студентов как основа инновационного развития Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2007. Вып. 12 (56). С. 7-20.

15. Малышева Н.В. Организация проектной деятельности школьников на основе кластерного подхода: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2011.
16. Чванова М.С. Социальное партнерство в сфере профессионального образования // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2006. № 2 (10). С. 47-55.
17. Юрьев В.М., Чванова М.С. Кластерный подход в подготовке специалистов наукоемких специальностей // Вестник Тамбовского университета. Серия Естественные и технические науки. Тамбов, 2009. Т. 14. Вып. 5. С. 872-876.
9. Kieva O.V. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya informatsionnoy kul'tury u studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy v protsesse prepodavaniya gumanitarnykh distsiplin. Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. Bryansk, 2001.
10. Kirova Yu.Z. Formirovanie gotovnosti budushchikh inzhenerov-agrarnikov k upravlencheskomu obshcheniyu innovatsionnoy napravlenosti. Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. Ul'yanovsk, 2012.
11. Evristicheskoe obuchenie. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (accessed 17.11.2015).
12. Khotuntsev Yu.L., Khotuntsev A.Yu. Nauchnyy metod, real'nye sistemy i elementy sinergetiki. Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka, 2001, no. 2, pp. 9-16.

References

1. Panov V.I. *Psikhodidaktika obrazovatel'nykh sistem*. St. Petersburg, 2006.
2. Chernilevskiy D.V. *Didakticheskie tekhnologii v vysshey shkole*. Moscow, 2002.
3. Uman A.I. *Tekhnologicheskyy podkhod k obucheniyu: teoreticheskie osnovy*. Moskva; Orel, 1997.
4. Chvanova M.S., Khramova M.V. Sinergeticheskyy podkhod k modernizatsii obrazovatel'nykh tekhnologiy v sisteme otkrytogo obrazovaniya. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. Tambov, 2011, vol. 11 (103), pp. 95-109.
5. Gvozdeva A.V., Khtun Khtun Naing. Sinergeticheskyy podkhod k metodam obucheniya. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 1 (33). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sinergeticheskyy-podkhod-k-metodam-obucheniya> (accessed 17.11.2015).
6. Polikarpov B.C., Konoplev B.G., Polikarpova V.A., Malyukov SP. *Filosofiya nanotekhnologii*. Rostov-on-Don; Taganrog, 2009, pp. 42-44.
7. Gapontseva M.G., Fedorov V.A., Gapontsev V.L. Primenenie ideologii sinergetiki k formirovaniyu soderzhaniya nepreryvnogo estestvenno-nauchnogo obrazovaniya. *Obrazovanie i nauka*, 2004, no. 6. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-ideologii-sinergetiki-k-formirovaniyu-soderzhaniya-nepreryvnogo-estestvenno-nauchnogo-obrazovaniya> (accessed 17.11.2015).
8. Pugacheva A. Sinergeticheskyy podkhod k sisteme vysshego obrazovaniya. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 1998, no. 2, pp. 41-45.
9. Kieva O.V. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya informatsionnoy kul'tury u studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy v protsesse prepodavaniya gumanitarnykh distsiplin. Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. Bryansk, 2001.
10. Kirova Yu.Z. Formirovanie gotovnosti budushchikh inzhenerov-agrarnikov k upravlencheskomu obshcheniyu innovatsionnoy napravlenosti. Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. Ul'yanovsk, 2012.
11. Evristicheskoe obuchenie. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (accessed 17.11.2015).
12. Khotuntsev Yu.L., Khotuntsev A.Yu. Nauchnyy metod, real'nye sistemy i elementy sinergetiki. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*, 2001, no. 2, pp. 9-16.
13. Yur'ev V.M., Chvanova M.S., Peredkov V.M. Universitet kak tsentr innovatsionno-obrazovatel'nogo klastera. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. Tambov, 2007, vol. 5 (49), pp. 7-12.
14. Yur'ev V.M., Chvanova M.S., Antonyuk S.D., Volkov S.I., Emel'yanov A.V., Zavershinskiy A.N., Konchakov R.B., Lyskova V.Yu., Sharshov I.A. Proektnaya deyatel'nost' studentov kak osnova innovatsionnogo razvitiya Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta im. G.R. Derzhavina. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. Tambov, 2007, vol. 12 (56), pp. 7-20.
15. Malysheva N.V. Organizatsiya proektnoy deyatel'nosti shkol'nikov na osnove klasternogo podkhoda. Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. Tambov, 2011.
16. Chvanova M.S. Sotsial'noe partnerstvo v sfere professional'nogo obrazovaniya. *Psikhologo-pedagogicheskyy zhurnal Gaudeamus*. 2006, no. 2 (10), pp. 47-55.
17. Yur'ev V.M., Chvanova M.S. Klasternyy podkhod v podgotovke spetsialistov naukoemkikh spetsial'nostey. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Estestvennye i tekhnicheskie nauki – Tambov University Reports. Series: Natural and Technical Sciences*. Tambov, 2009, vol. 14, no. 5, pp. 872-876.

Поступила в редакцию 18.12.2015 г.
Received 18 December 2015

UDC 37.022

TRANSFORMATION OF EDUCATIONAL SPHERE OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION PRESENTATION
IN THE CONTEXT OF DIFFERENT METHODOLOGICAL APPROACHES

Nataliya Aleksandrovna KOTOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Mathematic Modeling and Information Technologies Department, e-mail: nkotova01@yandex.ru

The problem of formation of the educational environment of higher education institution is considered. The analysis of transformation of ideas of the educational environment of higher education institution in the context of traditional, synergetic, cluster approaches is carried out. It is revealed that application of each of the listed approaches to the educational environment allows to solve the certain circle of problems and to remove contradictions in educational process, but not fully meets the modern requirements of training of specialists. It is noted that now the steady need of society and state for development of innovative economy leads to that the education system also passes to a new stage of development that defines new requirements to the educational environment of higher education institution. The vector of its development is directed towards formation of innovative infrastructure, inclusion of innovative design activity of students in educational process, activization of their participation in competitions of innovative products and services. The assumption that one of their directions of improvement of specialists training in higher education institution formation of the educational environment of higher education institution on the basis of innovative approach in which there is a personal development and professional formation of the expert is proved. The analysis of the educational environment of higher education institution components on the basis of innovative approach is carried out.

Key words: educational environment; components of the educational environment; synergetic approach; cluster approach; innovative approach; education.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-33-45

УДК 37.02; 371

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПОСТРОЕНИЯ ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА ЮНЫХ ФУТБОЛИСТОВ НА ЭТАПЕ СПОРТИВНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

© Евгений Алексеевич УВАРОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор психологических наук,
профессор, зав. кафедрой психолого-педагогического образования,
e-mail: kprivp@mail.ru

© Моджахед Белайд

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра физической
культуры, спортивных и оздоровительных технологий;
Детско-юношеская спортивная школа № 4, г. Тамбов, Российская Федерация,
инструктор-методист, e-mail: belaid_modjahed@hotmail.com

Рассмотрено планирование тренировочного процесса юных футболистов в подготовительном периоде годового цикла. Приведены и конкретизированы данные подготовительного периода (место проведения данного периода, маленькая продолжительность, учет уровня подготовленности юных футболистов после переходного периода). Указаны факторы, снижающие физические качества футболистов, и способы привести их в норму. Предпринята попытка изучения физических качеств и функциональных возможностей российских футболистов на этапе спортивного совершенствования (Академия футбола г. Тамбова). Результаты можно видеть в таблицах. Опираясь на полученные данные и опыт российских и зарубежных специалистов в сфере футбола, сделаны предложения для коррекции тренировочного процесса. Определена примерная структура тренировок, где значительное внимание уделяется специфике нагрузок в тренировочных циклах. Разработано содержание тренировок юных футболистов в подготовительном периоде, включающее в себя более эффективные методы тренировки. Приведены данные проведенного эксперимента в Алжире (команда г. Меруана) в двух группах, содержание тренировок юных футболистов 2-й и 3-й групп различалось лишь методами тренировки. Сделан вывод о целесообразности использования разработанного содержания тренировки с преимущественным использованием сопряженного метода.

Ключевые слова: подготовительный период; футболисты; физические качества; технико-тактические действия; сопряженный метод подготовки.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-46-52

Управление тренировочным процессом футболистов является сложным процессом, потому что объект управления – человек с его многочисленными физиологическими, морфологическими и психолого-педагогическими особенностями и неповторимыми их проявлениями. Эффективное управление подготовленностью футболистов – это умение верно планировать и регулярно ее контролировать на основании систематически поступающей информации.

В годичном макроцикле обычно выделяют подготовительный, соревновательный и переходный (отпуск) периоды. Продолжительность подготовительного периода варьируется в зависимости от календаря соревнований (страна, лига). Подготовительный период в России длится, как правило, около 120 дней, в Алжире – 45 дней [1–10].

Из множества источников по футболу можем узнать, что за время отдыха основные физические качества значительно снижаются. Для того чтобы восстановить, к примеру, аэробные возможности до уровня, соответствующего соревнованиям, нужно около 12 недель. Приведенные цифры заставляют сомневаться. Первое, из опыта профессиональных команд видно, что продолжительность подготовительного периода 6–8 недель, и этого времени достаточно для повышения функциональных возможностей футболистов до необходимого уровня. Второе, то, как спортсмен провел отпуск, решает многое на начальном этапе физической подготовки. И третье, у профессионалов физические качества восстанавливаются динамично, в особенности аэробные возможности. То есть, чтобы

достигнуть показателей требуемого уровня, необходимо около 3–4 недель [3; 5; 9; 10].

На предварительном этапе исследования мы предприняли попытку изучить функциональные возможности и физическую подготовленность российских футболистов 17–18 лет (Академия футбола, г. Тамбов) для обоснования стратегии предстоящей тренировочной деятельности.

В табл. 1, 2 представлены результаты физической подготовленности и функциональной подготовленности футболистов за период с сентября по декабрь 2011 г. Исследования выявили статистические изменения в скоростной, скоростно-силовой работе ($p < 0,05$) с достаточно высоким показателем разности. Однако в силовом тесте на подтягивание и тесте Купера достоверных результатов не получено ($p > 0,05$), хотя есть тенденция к улучшению в статистической разнице.

По результатам контроля физической подготовленности и функционального состояния можно сделать вывод, что используемый структура и содержание в подготовительном периоде (Академия футбола, г. Там-

бов) не позволяет улучшить уровень аэробных возможностей и силовые способности футболистов. На основании полученных данных, анализа опыта работы и методических рекомендаций российских и зарубежных специалистов в сфере футбола были сделаны следующие предложения для коррекции тренировочного процесса.

Динамика соотношения специфических и неспецифических средств тренировки в подготовительном периоде направлена на постепенное увеличение относительного объема времени, отводимого на упражнения с мячами. В начале подготовительного периода доля применяемых специфических средств тренировки составляет около 20 %, неспецифических – около 80 %, в конце периода, соответственно, около 80 и 20 %.

При планировании соотношения средств тренировки, направленных на развитие и совершенствование двигательных качеств юных футболистов (Алжир, г. Меруана), в подготовительном периоде за основу можно взять разработанное нами следующее примерное соотношение (табл. 3).

Таблица 1
Сводная таблица физической подготовленности футболистов 17–18 лет ($n = 9$)

№ п/п	Показатели физической подготовленности	Этапы эксперимента		p
		начало	конец	
1	Прыжок в длину с места (см)	237,8 ± 3,9	245,4 ± 4,75	$p < 0,05$
2	Бег 30 м (с)	4,6 ± 0,03	4,4 ± 0,03	$p < 0,05$
3	Челночный бег 3×10 м (с)	7,2 ± 0,03	7,0 ± 0,03	$p < 0,05$
4	Тест Купера (м)	2360 ± 61,7	2422,9 ± 53,7	$p > 0,05$
5	Подтягивание (количество раз)	8,3 ± 1,4	10,1 ± 1,5	$p > 0,05$

Таблица 2
Сводная таблица показателей функциональной подготовленности и физической работоспособности футболистов 17–18 лет ($n = 9$)

№ п/п	Показатели физической подготовленности	Этапы эксперимента		p
		начало	конец	
1	PWC 170 (кгм/мин./кг)	1572,2 ± 4,53	1636,6 ± 4,70	$p < 0,05$
2	Максимальное потребление кислорода (л/мин.)	4,53 ± 0,50	4,70 ± 0,05	$p > 0,05$

Таблица 3

Структура тренировок в подготовительном периоде
юных футболистов второй и третьей групп

Этапы различной продолжительности подготовительного периода	Направленность тренировки (% от общего объема тренировок)		
	общая и специальная выносливость, %	быстрота и скоростные способности, %	сила и скоростно-силовые способности, %
Подготовительный период (45 дней)	65	10	25
Втягивающий микроцикл (10 дней)	65	5	30
Развивающий микроцикл (21 день)	70	10	20
Ударный микроцикл (7 дней)	65	15	20
Восстановительный микроцикл (7 дней)	60	10	30

Нагрузки постепенно повышаются от первой и до последней недели. Последняя неделя, перед началом календарных игр, должна быть разгрузочной. Увеличение нагрузки осуществляется не увеличением объема работы (длиной пробегаемых дистанций, увеличением веса), а за счет интенсивности выполнения, за счет включения динамических упражнений (прыжковые упражнения и прыжки, удары по воротам). Планируя тренировочный процесс, необходимо добиваться, чтобы перерывы между занятиями были такими, чтобы тренировки обеспечивали рост физической, технической и тактической подготовки, создание предпосылок, способствующих становлению спортивной формы. Трехразовые занятия можно проводить только при высоком уровне выносливости и способности быстро восстанавливаться после нагрузки. При планировании тренировочных нагрузок важно иметь в виду, что если нагрузки остаются на неизменном уровне, рост спортивных результатов рано или поздно прекращается, т. к. организм приспосабливается к таким нагрузкам и перестает на них реагировать повышением своей работоспособности [3; 7; 8].

Нагрузки в тренировочных циклах имеют волнообразную кривую и варьируются от сравнительно небольших до максимальных. Интервалы отдыха от одного занятия до другого выдерживаются в пределах, гарантирующих восстановление, но периодически проводятся занятия на фоне недовосстановления («ударные тренировки»). В этом случае, преодолевая повышенные нагрузки, спорт-

смен в конечном итоге испытывает мощный подъем работоспособности во время отдыха после таких нагрузок, что, однако, не исключает акцентированных занятий, направленных на совершенствование отдельных компонентов тренировки. Следует отметить, что не существует одного какого-либо наилучшего варианта распределения нагрузок в тренировочных или соревновательных микроциклах. Спортивный опыт и результаты научных исследований указывают, что таких вариантов может быть несколько (рис. 1) [2; 4].

В эксперименте приняло участие две группы футболистов 17–18 лет. Футболисты имели стаж занятий футболом 5–8 лет. Эксперимент первой и второй группы был проведен в Алжире (команда г. Меруана). Содержание тренировок юных футболистов первой и второй групп различалось лишь методами тренировки (табл. 4).

В результате проведенного педагогического эксперимента установились статистически достоверные различия, выявленные между показателями физической подготовленности юных футболистов первой и второй экспериментальных групп, в частности, скоростных и силовых способностей, общей и специальной выносливости. Еще были установлены статистически достоверные различия между показателями точности ударов юных футболистов, которые указывают на большой ее прирост у футболистов второй экспериментальной группы. Статистически достоверные различия определяемых показателей точности ударов у футболистов первой экспериментальной группы не выявились.

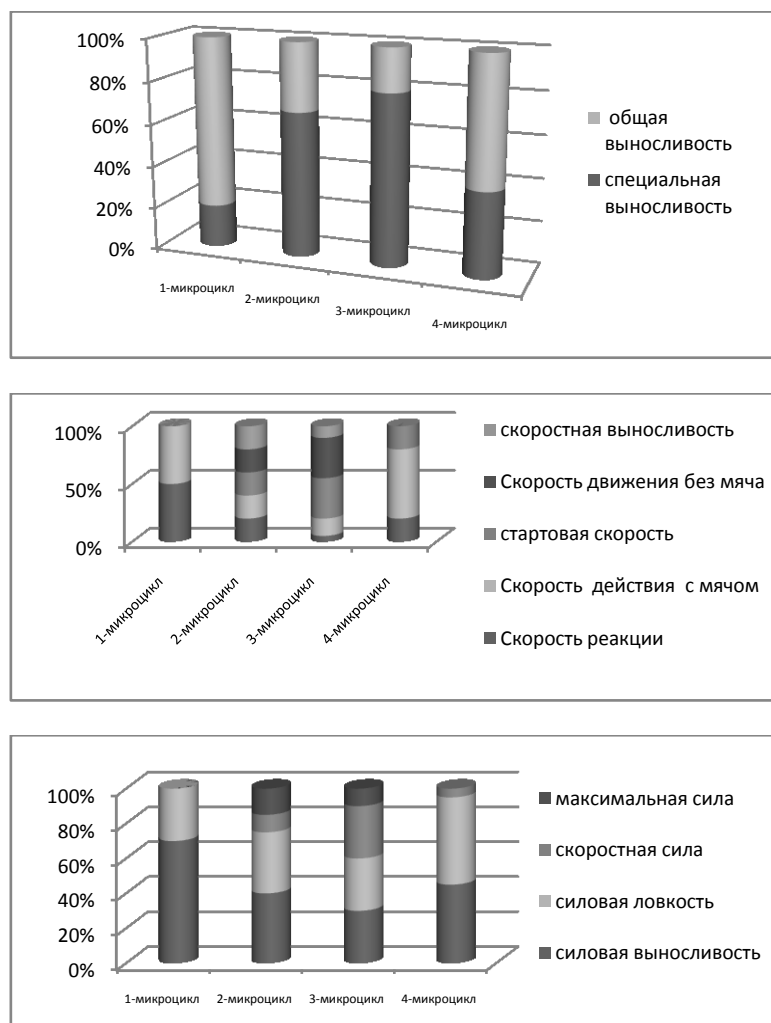

Рис. 1. Удельный вес практических упражнений, направленных на развитие ведущих физических качеств юных футболистов в подготовительном периоде

Таблица 4

Соотношение методов по направлениям тренировки юных футболистов в подготовительном периоде

Направление подготовки	Удельный вес используемых методов во второй группе в подготовительном периоде	Удельный вес используемых методов в третьей группе в подготовительном периоде
Общая и специальная выносливость	Непрерывный метод 25 %, повторный метод 5 %, интервально-серийный метод 9 %, переменный метод 27 %, переменный метод по мнению Ж. Кометти 30 %, сопряженный метод 4 %	Непрерывный метод 15 %, повторный метод 8 %, интервально-серийный метод 14 %, переменный метод 22 %, переменный метод по мнению Ж. Кометти 6 % и сопряженный метод 35 %
Быстрота и скоростные способности	Повторный метод 75 %, интервально-серийный метод с постоянными интервалами отдыха 6 % и сопряженный метод 19 %	Повторный метод 38 %, интервально-серийный метод с постоянными интервалами отдыха 8 % и сопряженный метод 54 %
Сила и скоростно-силовые способности	Изометрический метод 34 %, концентрический метод 47 %, эксцентрический метод 6 % и плиометрический метод 13 %	Изометрический метод 34 %, концентрический метод 47 %, эксцентрический метод 6 % и плиометрический метод 13 %

Анализ соревновательной деятельности тестируемых футболистов при проведении педагогического эксперимента показывает тенденциозность значительного улучшения

техничко-тактических действий тестируемых второй экспериментальной группы и достижения ими явного преимущества перед футболистами первой группы (табл. 5–7).

Таблица 5

Динамика показателей ($M \pm m$) физической подготовленности футболистов 17–18 лет в процессе первого педагогического эксперимента ($n = 18$)

	Оцениваемые качества	Тесты по физической подготовленности	До эксперимента	После эксперимента	p
Выносливость	Аэробная выносливость	Купер (м)	2741,64 ± 198,03	2936,36 ± 222,89	p < 0,05
	Анаэробная гликолитическая	челночный бег 7×50 м (с)	70,32 ± 4,04	66,87 ± 2,26	p < 0,001
		три угла запуска (с)	32,86 ± 1,37	31,05 ± 1,39	p < 0,001
Скорость	Стартовая скорость	10 м (с)	1,9 ± 0,08	1,87 ± 0,18	p > 0,05
	Дистанционная скорость	30 м (с)	4,39 ± 0,18	4,28 ± 0,17	p < 0,05
	Скорость действия с мячом	дриблинг мяча (с)	21,62 ± 1,49	20,49 ± 1,07	p < 0,001
Сила	Скоростная сила	вертикальный прыжок (см)	44,53 ± 4,23	46,82 ± 4,85	p < 0,001
		тройной прыжок (м)	на левой	7,06 ± 0,56	p < 0,001
			на правой	7,28 ± 0,51	p < 0,001
		длина вбрасывания (м)	19,07 ± 1,95	20,58 ± 2,03	p < 0,001
Точность ударов		длинный пас на точность (балл)	4,65 ± 2,7	5,4 ± 2,19	p > 0,05
		удар по воротам с близкой дистанции (балл)	слева	5,07 ± 1,44	p > 0,05
			справа	4,40 ± 1,40	p > 0,05
		передача мяча с близкой дистанции (балл)	8,93 ± 2,84	9,72 ± 3,72	p > 0,05

Таблица 6

Динамика показателей ($M \pm m$) физической подготовленности футболистов 17–18 лет в процессе второго педагогического эксперимента ($n = 15$)

	Оцениваемые качества	Тесты по физической подготовленности	До эксперимента	После эксперимента	p
Выносливость	Аэробная выносливость	Тест Купера (м)	2837,47 ± 232,71	3142,67 ± 270,86	p < 0,001
	Анаэробная гликолитическая выносливость	челночный бег 7×50 м (с)	68,43 ± 2,05	63,56 ± 2,51	p < 0,001
		три угла запуска (с)	31,89 ± 1,3	29,79 ± 1,68	p < 0,001
Скорость	Стартовая скорость	10 м (с)	1,89 ± 0,08	1,82 ± 0,18	p > 0,05
	Дистанционная скорость	30 м (с)	4,30 ± 0,12	4,21 ± 0,11	p < 0,05
	Скорость действия с мячом	дриблинг мяча (с)	20,93 ± 1,25	19,33 ± 0,95	p < 0,001
Сила	Скоростная сила	вертикальный прыжок (см)	45,47 ± 4,05	49,00 ± 4,09	p < 0,001
		тройной прыжок (м)	на левой	7,27 ± 0,50	p < 0,001
			на правой	7,67 ± 0,40	p < 0,001
		длина вбрасывания (м)	20,20 ± 2,54	21,70 ± 2,35	p < 0,001
Точность ударов		длинный пас на точность (балл)	6,00 ± 2,17	7,33 ± 1,50	p < 0,05
		удар по воротам с близкой дистанции (балл)	слева	6,93 ± 1,39	p < 0,05
			справа	6,60 ± 1,59	p < 0,05
		передача мяча с близкой дистанции (балл)	8,47 ± 3,66	11,60 ± 2,77	p < 0,05

Таблица 7

Динамика показателей ($M \pm m$) технико-тактической подготовленности футболистов первой и второй групп в процессе педагогического эксперимента

Показатели соревновательной деятельности	До эксперимента	После эксперимента	p
Первая группа			
Объем технико-тактических действий за игру, количество	526 ± 53,03	644 ± 53,74	p > 0,05
Количество брака за игру, %	44,3 ± 5,38	36,34 ± 4,61	p > 0,05
Вторая группа			
Объем технико-тактических действий за игру, количество	609 ± 49,50	860 ± 26,87	p < 0,05
Количество брака за игру, %	39,41 ± 4,64	20,70 ± 2,47	p < 0,05

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что для юных футболистов на этапе спортивного совершенствования целесообразно использовать разработанное содержание тренировок на основе комплексного применения вариантов сопряженного метода тренировки.

Список литературы

1. Годик М.А. Физическая подготовка футболистов. М., 2006.
2. Губа В.П., Лексаков А.В. Теория и методика футбола. М., 2013.
3. Люкишинова Н.М. Искусство подготовки высококлассных футболистов. М., 2006.
4. Селуянов В.Н., Сарсания С.К., Заборов В.А. Футбол: проблемы физической и технической подготовки. Долгопрудный, 2012.
5. Cometti G. La préparation physique en football. P., 2002.
6. Bangsbo J. Fútbol: entrenamiento de la condición física en el fútbol. Barselona, 2008.
7. Patrice M. Football programmation annuelle d'entraînement des 18 ans et seniors. P., 2002.
8. Peñas C.L. La preparación física en el fútbol. Madrid, 2002.
9. Pradet M. La préparation physique. P., 2002.

10. Verheijen R. La condition physique du footballeur. Leeuwarden, 1998.

References

1. Godik M.A. *Fizicheskaya podgotovka futbolistov*. Moscow, 2006.
2. Guba V.P., Leksakov A.V. *Teoriya i metodika futbola*. Moscow, 2013.
3. Lyukshinova N.M. *Iskusstvo podgotovki vysokoklassnykh futbolistov*. Moscow, 2006.
4. Seluyanov V.N., Sarsaniya S.K., Zaborov V.A. *Futbol: problemy fizicheskoy i tekhnicheskoy podgotovki*. Dolgoprudny, 2012.
5. Cometti G. *La préparation physique en football*. Paris, 2002.
6. Bangsbo J. *Fútbol: entrenamiento de la condición física en el fútbol*. Barselona, 2008.
7. Patrice M. *Football programmation annuelle d'entraînement des 18 ans et seniors*. Paris, 2002.
8. Peñas C.L. *La preparación física en el fútbol*. Madrid, 2002.
9. Pradet M. *La préparation physique*. Paris, 2002.
10. Verheijen R. *La condition physique du footballeur*. Leeuwarden, 1998.

Поступила в редакцию 18.12.2015 г.
Received 18 December 2015

UDC 37.02; 371

SCIENTIFIC-METHODOLOGICAL BASIS OF TRAINING PROCESS CREATION OF YOUNG FOOTBALL PLAYERS AT THE STAGE OF SPORTS DEVELOPMENT

Evgeniy Alekseevich UVAROV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, Head of Psychological-Pedagogic Education Department, e-mail: kpivp@mail.ru

Modjahed Belaid, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Physical Training, Sport and Healthy Technologies Department; Children and Youth's Sports School № 4, Tambov, Russian Federation, Trainer-Methodologist, e-mail: belaid_modjahed@hotmail.com

The planning of young football players' training process in preparative period of year cycle is considered. The data of preparative period (the place of holding this cycle, short period of time, taking into consideration the level of young football players' preparation after dead season) are given and concretized. The factors, decreasing physicality of football players and the ways to get into good shape are pointed. The attempt to study physical qualities and functional abilities of Russian footballers at the stage of sportive development (Football Academy of Tambov) is made. The results can be viewed in tables. Basing on the data and experience of Russian and foreign specialists in the sphere of football, the proposals for training process correction are made. The approximate structure of trainings, where the attention is paid to specifics of work in training cycles are defined. The content of young football players training in preparative period, including more effective methods of training is developed. The data of the held experiment in Algeria (team of Merouana) in two groups are given, the content of training of young footballers of the second and third groups were different in methods of training. The conclusion is made about the use of the developed content of training with primary use of connected method.

Key words: preparation period; football players; physicality; technical-tactical actions; connected method of preparation.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-46-52

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 902; 94(470)

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И СОЦИОЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РСФСР В 1910–1920-е гг.: ОПЫТ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© **Нина Сергеевна ЦИНЦАДЗЕ**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат исторических наук,
докторант, кафедра всеобщей и российской истории,
e-mail: ninatsintsadze2010@yandex.ru

На основе сплошного изучения опубликованных нормативных и административных актов первых лет советской власти (1917–1921 гг.) исследованы особенности восприятия государственной властью демографических и экологических проблем российской деревни в переломный момент перехода от традиционного к индустриальному типу общества. Анализ более сотни выявленных документов по данной тематике позволил объективно оценить уровень осознанности и заинтересованности советской власти в решении демографических и экологических проблем. В результате сделаны выводы о том, что катастрофического восприятия экологических проблем со стороны власти не было, экологические вопросы использования природных ресурсов в сельском хозяйстве решались властями наряду с прочими аграрными вопросами. Демографические проблемы не являлись самостоятельными и были частью социально-экономической политики. Насущными задачами были максимальное увеличение посевной площади с целью решения продовольственной проблемы, сдерживание населения в границах Центральной России для обработки земли и восстановления сельского хозяйства, вырубка лесов на экспорт. Вопросы разумного природопользования, как и в «царское» время, откладывались на потом. Несмотря на это, уже в конце 1910–1920-х гг. можно обнаружить тенденцию к обособлению некоторых экологических проблем в государственной внутренней политике.

Ключевые слова: позднее аграрное общество России; демографический кризис; экологический кризис; декреты советской власти; советское общество.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-53-67

Академическое восемнадцатитомное издание законодательных актов первых лет (1917–1921 гг.) советской власти в России является ценнейшим источником по политической, социально-экономической, культурной истории страны того периода. Оно издавалось с перерывами на протяжении чуть более полувека с 1957 по 2009 г. и насчитывает более чем 5,5 тыс. документов. Многие из них печатались впервые, что придает этому изданию археографическую и источниковедческую уникальность. Есть в нем и информация, отражающая реакцию власти на демографические и экологические проявления и последствия сельскохозяйственных кризисов и аграрных проблем в государстве. Причем реакция понимается нами широко: как статичное восприятие-фиксация того или

инного социоестественного явления, так и практически действенное. Законодательный источник в этом смысле лучше всего демонстрирует емкость и многосторонность такого восприятия-действия – ведь в нем отразилась проблема, по поводу которой принимался нормативный акт, и ее властное решение.

Надо иметь в виду, что экологическая проблематика тогда, в условиях недавней победы большевиков в политической борьбе, ожесточенной Гражданской и завершавшейся Первой мировой войной, не была приоритетной. Казалось бы, что власть должна была больше беспокоиться о решении продовольственного вопроса, застарелого земельного, нежели о сохранении лесов, лугов, восстановлении экосистемы и пр. Ведь гибли люди, рушилась старая жизнь, и в этом сломе было

не до этого. Однако в постановлениях властных и партийных органов мы все же обнаружили вкрапления демозэкологических мотивов. Они в большей мере были не на первом плане, а в связи с необходимостью решения многочисленных хозяйственно-экономических проблем. Однако их присутствие позволяет проанализировать и названный исторический источник, и действия советской власти под новым углом зрения социоестественной и демографической истории.

Напомним, что правом издавать законы в те годы обладали все высшие органы государственной власти: съезды Советов РСФСР, ВЦИК и его Президиум, СНК и СТО (Совет труда и обороны). Нередко ВЦИК и СНК принимали законы совместно. Центральные правительственные ведомства (ВСНХ, наркоматы и др.) были наделены правом законодательной инициативы, что отражалось в подготовке ими проектов будущих законоположений, а также издания распорядительных актов по вопросам своего ведения [1, с. 15-16]. Распространенной формой законодательного акта стал декрет и классическое постановление, издаваемые высшими органами государственной власти. Причем все они имели одинаковую юридическую силу. Наиболее важные стороны общественной жизни регулировались основными законами. Помимо этого издавались предписания, в т. ч. секретные, распоряжения, положения, инструкции, резолюции, воззвания. Учитывая обстоятельства революционного времени, «военного коммунизма» и Гражданской войны, некоторые распоряжения для оперативного их распространения и осуществления облекались в форму радио- и телеграмм.

Четкого назначения той или иной формы нормативного акта законодатель не придерживался: в декрете могли содержаться подробные инструкции реализации властного предписания, в то время как в положении указывались общие черты регулирования, а в инструкции они конкретизировались, резолюции составлялись как предписания и т. д. Воззвания в большинстве имели декларативно-политическую направленность. Такая практика понятна – юридическая техника государственных органов и служащих при разработке властно-распорядительных актов находилась еще в стадии становления, нор-

мативный массив формировался стихийно, по мере появления проблем, его систематизация и иерархизация были тогда не самыми главными вопросами революционного нормотворчества.

Исследование законодательных и распорядительных актов ВЦИК, Президиума ВЦИК, СНК, Малого СНК, СТО мы провели в хронологическом порядке, беря за основу имеющиеся в них сквозные тематические проблемы:

1) регулирования землепользования (к ним мы отнесли также проблемы мелиорации, агрикультуры, рационального землепользования, механизации сельского хозяйства, сельхозпросвещения, крестьянских переделов, социалистического землеустройства, сбора и распределения семенного материала, посевных кампаний, борьбы с сельхозвредителями и пр.);

2) развития крестьянского скотоводства, животноводства и птицеводства, борьбы с эпизоотиями;

3) лесопользования (вопросы пользования лесными ресурсами, охотопользования, защиты фауны, лесных пожаров и пр.);

4) водопользования (использование водных и рыбных ресурсов, мелиоративные работы на водных объектах сельхозназначения);

5) продовольствия (они тесно переплетались с ресурсопользованием в деревне, неурожаем и голодом);

6) крестьянских переселений на восток и юго-восток страны;

7) кадрового обеспечения сельскохозяйственной отрасли специалистами сельского хозяйства, создания специализированных государственных органов для ее управления.

Из 107 документов демозэкологической направленности 40 посвящено законодательно-административному регулированию вопросов землепользования, 22 – продовольственного обеспечения в условиях неурожая и голода, 17 – лесопользования, 12 – кадрового обеспечения сельхозотрасли, 9 – скотоводства и пр., 6 – крестьянских переселений за Урал, 3 – водопользования. Из всего огромного нормативного массива тех времен демозэкологические проблемы занимали почти 2 %. Проиллюстрируем каждую группу выявленных нормативных случаев конкретными примерами.

Законодательное регулирование вопросов землепользования

В одном из первых и знаменитых декретов большевиков – в декрете «О земле», принятом на II Всероссийском съезде Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г., помимо политических деклараций закреплялись тезисы о необходимости передать в особое распоряжение государства или специальных крестьянских общин «земельные участки с высококультурными хозяйствами» (опытные поля и станции, питомники и пр.) и племенные скотоводства, птицеводства и пр. В документе сообщалось, что вся земля отныне поступала в общенародный земельный фонд, причем он должен был подвергаться периодическим переделам «в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства». Предполагалась компенсация стоимости удобрений и мелиорации при сдаче надела обратно в земельный фонд для последующего его перераспределения. В декрете указывалось и то, что если в отдельных местностях земельный фонд окажется недостаточным для наличного крестьянского населения, то государство должно было организовать переселение избыточного населения в другие районы [2, с. 18-19]. В данном декрете, одном из основополагающих в аграрной политике советского государства, посвященном преимущественно вопросам землепользования, содержатся также нормы-положения, касающиеся и вопросов крестьянского скотоводства, и переселений.

В принятом 27 января (9 февраля) 1918 г. «Основном законе о социализации земли» помимо важности справедливого распределения земель закреплялось требование о продуктивном использовании сельскохозяйственных национальных богатств. Под ним подразумевалось в т. ч. увеличение плодородия почв, повышение качества техники обработки земель, уровня сельскохозяйственных знаний населения. Важным признавалось создание запасного фонда земель сельскохозяйственного назначения, развитие скотоводства, молочного хозяйства, садоводства, огородничества и пр. Для лесоразведения, огородничества, садоводства должна была предоставляться, в первую очередь, неудобная для возделывания земля, а во вторую – удобная. В документе закреплялась норма о борь-

бе с чересполосицей: земли крестьянам должны были отводиться в одном месте [1, с. 408, 410, 416].

3 мая 1918 г. правительство приняло постановление об ассигновании почти 9 млн руб. Отделу земельных улучшений Наркомзема в виде аванса с последующим обязательством отчитаться о потраченных суммах. Накануне в специальной комиссии при СНК и в самом Совнаркоме обсуждался вопрос о выделении чуть более 7 млн руб. на мелиоративные работы. Однако руководство страны пересмотрело эту сумму в сторону увеличения, согласовав изменения в сметах с Наркомтрудом и ВСНХ. В итоге к посевной кампании Наркомзему были авансированы большие, чем планировались, денежные суммы на проведение необходимых мелиоративных работ [2, с. 223-224]. Вероятно, власть понимала степень истощенности земель той части страны, на которой предстояло провести посевные работы.

Декретом 1 октября 1918 г. все сельскохозяйственные предприятия и земельные участки, имевшие учебно-показательное и культурно-просветительское значение (опытные поля, участки опытных станций, питомники и пр.), бывшие имения с ценными многолетними культурами (виноградники, хмельники, чайные, табачные плантации и пр.), бывшие крупные имения с рациональным хозяйством и сложным техническим сельскохозяйственным оборудованием, а также с развитыми специальными отраслями животноводства (коннозаводство, племенное скотоводство и овцеводство) поступали в ведение Наркомзема. Их национализация, как следовало из текста закона, была обусловлена целью сохранения и поддержания таких хозяйств под руководством профильного наркомата. Местные же губернские и уездные земотделы, непосредственно их эксплуатировавшие, должны были обеспечить заселение этих имений и хозяйств необходимым количеством членов специально создаваемых коммун [3, с. 385-387].

8 февраля 1919 г. декретом СНК РСФСР на казенное обеспечение были приняты все сельскохозяйственные опытные учреждения. В качестве такой необходимости в документе назывались государственное значение сельскохозяйственного опытного дела, финансовая необеспеченность некоторых опытных

станций в связи с прекращением частного и земского финансирования. За государственный счет предполагалось содержать опытные станции и поля, как уже существовавшие, так и планировавшиеся к открытию [4, с. 345-346].

В Положении ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», принятом не позднее 13 февраля 1919 г., уделялось внимание проблемам уничтожения дальнотельных земель и чересполосицы. Специально закреплялось право губернских земельных отделов (губземотделов) охранять земли от истощения, осуществлять обводнительные, оросительные мероприятия, защитное лесонасаждение, укрепление песков и оврагов, устройство опытных станций и полей и пр. Для этого они могли изымать необходимые участки земли, независимо, в чьем ведении они находились [4, с. 372]. С целью восстановления и увеличения плодородия почв товариществам и отдельным хозяйствам предписывалась обязательная вывозка удобрений на поля. Наряду с этой мерой закреплялась необходимость применения искусственных удобрений. Закреплялись меры поощрения тех товариществ, коммун и крестьянских обществ, которые улучшали ведение хозяйства: им увеличивали кормовые нормы для скота, отдавали предпочтение при распределении сельскохозяйственных машин, скота, инвентаря [4, с. 386-387, 389].

Примечателен декрет СНК РСФСР от 30 апреля 1920 г. «О переделах земли». Советская власть, также как и ее предшественница – царская, – столкнулась с проблемой частых и бесхозяйственных земельных переделов, понижавших производительность сельского хозяйства, препятствовавших правильной и интенсивной обработке и удобрению полей. Большевики решили бороться с переделами земли путем категорического запрета проведения полных (перераспределение всей земли в крестьянских обществах) и частичных (перераспределение земель отдельных хозяйств в крестьянских обществах) переделов пахотных участков земли. Запрет на переделы устанавливался до периода завершения землеустроительных работ по закону о социалистическом землеустройстве. При этом вводились изъятия из этого установления. Так, досрочные полные переделы земли могли производиться в случаях, когда

распределение пахотных участков было проведено неравномерно и препятствовало развитию сельского хозяйства: если в результате землеустроительных работ общая площадь землепользования существенно изменилась и ее невозможно устранить иными, кроме коренного передела, способами; если крестьянское общество собиралось переходить к многополью или уничтожению мелкополосицы; если сельское общество желало перевести часть своих земель под общественную мелиоративную обработку. Разрешение на досрочный полный передел земель выдавали уездные отделы. Досрочное осуществление частичных земельных переделов тоже допускалось в случаях, если сельский Совет намеревался увеличить землепользование некоторых хозяйств за счет нераспределенных, неиспользуемых и выморочных участков земли; или отобрать у отдельных хозяйств излишки земли, образовавшиеся сверх трудовой нормы, или за уклонение пользователей наделных участков их от обязательного удобрения. Досрочные частичные переделы земель производились с разрешения волземотделов.

Вводилась специальная норма, предусматривавшая наказание в виде отобрания наделов земли крестьян за уклонение от унавоживания находившихся в их пользовании полей в ожидании нового передела земель при наличии неиспользованного удобрения. Ей в пару была закреплена поощрительная норма, закреплявшая преимущество в дальнейшем пользовании полевыми участками тех хозяйств, которые правильно их обрабатывали и удобряли. Надзор за хозяйственно-целесообразными переделами земель возлагался на местные земотделы. Любые переделы, осуществленные в нарушении данного декрета, аннулировались, а его участники подвергались судебному преследованию [5, с. 127-130].

Насущной задачей правительства в 1921 г. было преодоление последствий неурожая и голода, поэтому 9 февраля 1921 г. СТО принял постановление «О мероприятиях по осуществлению постановления VIII Всероссийского съезда Советов от 28 декабря 1920 г. «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства». СТО подчеркнул важность объединения усилий всех наркоматов по оказанию помощи Наркомзему в под-

готовке и проведении посевной кампании 1921 г., а шире – в дальнейшем развитии сельского хозяйства. В частности, Главному комитету по всеобщей трудовой повинности предписывалось перевести в распоряжение Наркомзема всех специалистов с сельскохозяйственным образованием. Все наркоматы обязаны были еженедельно докладывать СТО о принятых мерах содействия Наркомзему [6, с. 54-55].

В целях поощрения кормового травосеяния и расширения луговодства 30 мая 1921 г. декретом СНК РСФСР устанавливались льготы для крестьянских хозяйств, разводивших семена кормовых трав и сдававших их в Наркомзем. Участки полевых и луговых угодий, засеянные их хозяевами кормовыми травами (клевер, тимофеевка, люцерна, мятлик, пырей и пр.) для выращивания и сдачи государству семян, освобождались от натурального налога. Крестьяне должны были отдавать пятую часть семян с засеянных каждой кормовой культурой участков. Заказанные под семена участки нельзя было использовать под покос и выпас скота. Поступившие в зачет натурального налога семена трав должны были образовать семенной фонд Наркомзема, который в последующем направлялся на ускорение перехода к многопольному севообороту. Особо отличившимся хозяйствам Наркомзем мог увеличить размер земельного надела [6, с. 216-219].

В условиях засухи 1921 г. правительство 13 июня постановило считать семеноводство первостепенной задачей Наркомзема. Он должен был организовать распространение среди крестьянского населения страны чистосортных и устойчивых к засухе семян на посев, выведенных на опытных полях. Для этого на наркомат возлагались следующие задачи: создать из селекционных семян семенной фонд специального назначения, поручить Шатиловской (Тульская губерния), Энгельгардтовской (Смоленская губерния), Безенчукской (Самарская губерния), Московской, Воронежской, Саратовской, Вятской, Омской и Новозыбковской (Гомельская губерния) опытным станциям расширить площади питомников для производства большого объема семян, на территории каждой из них создать дополнительно по семь семенных совхозов. Все главки и центры должны были в первоочередном порядке

обеспечивать опытные станции и семенные совхозы материалами, сельхозмашинами, сырьем и продовольствием [7, с. 75-77].

В целях борьбы с «колоссальным распространением» по территории РСФСР, особенно на окраинах (Астраханская, Самарская, Саратовская, Тамбовская губернии, Сибирь, Юг России, Южный Урал, Средняя Азия), саранчи постановлением СТО 22 июня 1921 г. губпосевкомам предписывалось активно бороться с вредителями сельского хозяйства путем как механического очищения зараженных полевых участков, так и посредством применения химических средств борьбы с ними [7, с. 450-451]. Постановлением СТО от 25 июня 1921 г. предписывалось еще активнее бороться с саранчой и кобылкой. В документе подробно приводилась инструкция по применению химических и механических способов борьбы с ними (!) (вплоть до того, в каком количестве и как разводить мышьяк, или какими методами сжигать саранчу). Ввиду требуемой в большом количестве трудовой силы всем военным и продовольственным ведомством приказывалось оказывать содействие местным органам в борьбе с сельхозвредителями [7, с. 478-479].

Вследствие засухи и последовавшего неурожая на юго-востоке РСФСР СТО в середине июня 1921 г. в целях повышения продовольственного и кормового баланса страны направил всем губпосевкомам предписание, основанное на рекомендациях профессора-почвоведца Д.Н. Прянишникова. Суть его заключалась в использовании рано освободившихся в тот год площадей озимых и яровых хлебов под засев быстрорастущих кормовых трав. Паровые клинья предлагалось засеять смесью озимой ржи и яровой вики в целях укоса последней и сохранения на зерно первой. Всем сельсоветам вменялось в обязанность проводить агитацию среди крестьян о необходимости подобных мер. Действовать следовало, проявляя «максимум инициативы, напряженности и обдуманности». Губпосевкомы для организации этих действий должны были созвать расширенные с участием представителей опытных полей и агрономических учреждений собрания. Попутно они же должны были собрать данные об остатках семенного материала [7, с. 461-462]. СТО и Наркомзем 7 июля 1921 г. приняли распоряжение, адресованное всем губисполкомам,

«О проведение уборочной и озимой посевной кампаний». В нем подчеркивалось, что восстановление сельского хозяйства являлось главной и основной задачей в стране, поэтому недопустимо было вялое отношение к проведению уборочной и посевной кампаний, как следовало по сообщениям с мест. Правительство указывало на необходимость осуществления еще и агрономических мер по преодолению последствий засухи, заготовке кормов и расширению кормовых посевов [8, с. 301-302].

«Принимая во внимание большую нужду в мелиоративных работах по всей Республике и что при существующих условиях без привлечения к этим работам всего сельскохозяйственного населения Республики на значительный успех этого рассчитывать нельзя», СТО от 3 августа 1921 г. принял постановление «О мелиоративных товариществах». В нем подчеркивалось, что организация мелиоративных товариществ признавалась руководством страны первостепенной задачей. Наркомзем и его местные органы совместно с губпосевками должны были содействовать образованию мелиоративных товариществ, предоставляя крестьянам особый мелиоративный беспроцентный натуральный и денежный кредит, снабжая товарищества специальным мелиоративным персоналом, пропагандируя и разъясняя важность агрикультурных мер. Для осуществления этой задачи наркомату выделялось 2 млрд руб.

Мелиоративные товарищества создавались с целью мелиорации угодий (земли, лугов, пастбищ и пр.), укрепления оврагов, песков, осушения, орошения и дренирования земель, строительства плотин, поддержания в хозяйственном состоянии ранее улучшенных участков. Товарищества должны были образовываться на тех территориях, где требовалось провести мелиоративные мероприятия, если больше половины хозяйств высказались за создание данного объединения. Все мелиоративные работы и подготовку к ним должны были осуществлять местные земорганы [9, с. 40-42].

Для того чтобы крестьянство четко осознавало необходимость мелиоративных и иных улучшавших ведение сельского хозяйства мер, Совнарком 22 августа 1921 г. принял декрет «О массовом распространении среди крестьянского населения сельскохо-

зяйственных знаний и улучшенных приемов ведения сельского хозяйства». Наркомзему предписывалось организовать повсеместно краткосрочные курсы по сельскому хозяйству продолжительностью от 1 до 3 месяцев. Программы курсов должны были быть ориентированы на местные условия каждого района. В качестве слушателей принимались земледельцы, делегированные селькомами по разверстке губземотделов и уземотделов. На время прохождения курсов они освобождались от трудовой повинности с сохранением ежемесячной оплаты труда в хозяйствах, получали социальное обеспечение по нормам слушателей рабфаков. Каждый сельком должен был обеспечить, чтобы как минимум один земледelec в течение осени-зимы изучил научные основы ведения сельского хозяйства. В качестве организаторов, лекторов и руководителей курсов привлекались агрономы, лесоводы, землемеры, ветеринары в порядке учебной повинности в независимости, где они работали. Низший агрономический персонал и практики сельского хозяйства должны были оказывать им помощь в проведении курсов. Губземотделы могли приглашать на курсы педагогический персонал и работников просвещения. Наркомзему и Главпрофобру предписывалось при сельхозинститутах и опытных станциях создавать инструкторские курсы по подготовке лекторов данных курсов. Педагогический персонал школ в сельской местности тоже необходимо было обучать основам сельского хозяйства. С целью массового распространения сельхоззнаний из бюджета выделялись средства для публикации специальной научно-популярной и учебной литературы по сельскому хозяйству [9, с. 204-207].

Законодательное регулирование развития крестьянского скотоводства, животноводства и птицеводства, борьбы с эпизоотиями

В целях поддержания племенного животноводства и птицеводства постановлением СНК РСФСР от 27 января 1920 г. закреплялся запрет на изъятие племенного скота и птицы у крестьян-единоличников и коллективных хозяйств; возможность губземотделов приобретать их у владельцев в случаях неправильного их содержания и выдавать разрешение на убой в случае болезни скота и птицы; вводился порядок купли-продажи их

только для племенных целей и с разрешения губземотделов. Заготовленные «усиленные и грубые корма» для племенных скота и птицы также не подлежали изъятию у их владельцев по нарядам Наркомпрода [10, с. 135-136].

Правительство, считая важным вопрос обеспечения крестьянских хозяйств, в особенности безлошадных и однолошадных, лошадьми, 21 апреля 1920 г. приняло постановление о массовой покупке Наркомземом при содействии Наркомата по военным делам киргизских и монгольских лошадей для нужд сельского хозяйства. О важности данного мероприятия говорит и сумма, выделенная в сверхсметном порядке в размере 1 млрд руб. (!) [5, с. 75-76]. Вновь заботясь о пополнении количества лошадей, Президиум ВЦИК 28 мая 1921 г. принял постановление об их закупке в Киргизии [11, с. 370-371]. 12 августа 1921 г. постановлением СНК Наркомзему выделялись 5 млрд руб. на закупку и вывоз скота из голодавших губерний, в т. ч. и Киргизии [9, с. 391-392].

Для борьбы с чумой рогатого скота постановлением СНК от 12 мая 1920 г. в губерниях, пораженных чумой или находившихся под угрозой данной эпизоотии, для принятия мер по борьбе с ней вводилась специальная должность особоуполномоченных Наркомзема по борьбе с чумой рогатого скота [5, с. 189-190]. Для борьбы с чумой рогатого скота 11 августа 1920 г. СНК предписывал Тамбовскому, Воронежскому и Саратовскому губ-исполкомам обеспечить противочумные станции всем необходимым. Эти станции, рассчитанные на целый район, должны были в срочном порядке выработать максимальное количество сыворотки для прививок [12, с. 252-253].

Постановлением СТО 6 июля 1921 г. была образована специальная государственная комиссия в составе представителей Наркомзема, Наркомпрода, Рабоче-крестьянской инспекции, Центрального статистического управления с привлечением членов ВСНХ для разработки в месячный срок предложений «по сохранению или рациональному использованию» скота в местностях, где ожидался в 1921 г. неурожай [8, с. 287].

Законодательное регулирование вопросов лесопользования

В связи с полученными сведениями о массовых увольнениях местными Советами

лесных специалистов председатель СНК В.И. Ленин и нарком земледелия РСФСР А.Л. Коллегаев 5 апреля 1918 г. подписали «Предписание всем Советам о недопустимости увольнения лесных специалистов». В нем указывалось, что лесные служащие даже в суровые и непростые годы революции не оставляли своих мест службы, поддерживая связь центрального аппарата власти и местных территорий, обеспечивали тем самым существование лесного хозяйства. Государственным и партийным руководством подчеркивалась значимость для страны лесного хозяйства, сохранения дореволюционных кадров лесных специалистов. Ведь «поголовное увольнение лесоводов лишит лесное хозяйство опытных и ценных работников». Отмечалось, что их уже тогда было недостаточно для реализации лесной политики РСФСР, учитывая проектируемый «Основной закон о лесах», принятый 27 мая 1918 г. У власти, занятой и другими важными вопросами, все же присутствовало осознание того, что «лесных специалистов нельзя заменить другими без ущерба для леса». Понимала она и важность восстановления уничтоженных в пожаре (в буквальном и переносном смысле) Первой мировой и Гражданской войн и революции больших участков леса, и учет национализированных лесных площадей. В предписании особо отмечалось, что леса теперь состоят в государственном распоряжении (в тогдашней терминологии – составляли «общенародный фонд»), никаких частных лесных зон не должно было быть. В.И. Ленин осознавал, что «поставить» лесное хозяйство в Советской республике некому, кроме старых специалистов. Сложная задача по восстановлению лесного хозяйства должна была быть, по его мнению, реализована силами технических специалистов. В противном случае, этот план остался бы только на бумаге.

Примечательна и последняя фраза текста данного распоряжения, отражающая крайнюю степень заинтересованности центральной власти в сохранении кадров лесных служащих, даже несмотря на их не сочувствующие ей взгляды: «Заявляйте народному комиссару земледелия о всех нежелательных лицах, но не сменяйте техников, командированных для технического содействия в местные органы Советской власти, которая может

предъявить отвод против любого из них по общественным и политическим основаниям». Окончательное право увольнения лесных специалистов, а также их перевод из одной губернии в другую власть закрепила только за Центральным лесным управлением [13, с. 54-55].

В «Основном законе о лесах», принятом ВЦИК 27 мая 1918 г., закреплялось уничтожение в РСФСР частной собственности на леса, изъятие у бывших владельцев всех лесных участков, построек лесохозяйственного назначения со всем находившимся там инвентарем в общенародное распоряжение. Создавалось Центральное управление лесами Советской республики, курировавшее все лесное хозяйство [13, с. 312-313]. Непосредственное заведывание лесами осуществляли технические лесные органы местной советской власти. Лишь Центральное управление лесами могло выдавать разрешения местным властям на расчистку участков леса, входивших в основной земельный надел крестьян. Оно же должно было заботиться о восстановлении лесного хозяйства страны, учете лесов, облесении территорий «в интересах сельского хозяйства», повышении уровня знаний и культуры населения в деле лесопользования, снабжении населения древесиной и пр. Одновременно Центральное управление лесами должно было проводить мероприятия по обращению лесных территорий в земельный фонд [13, с. 314-315]. В законе разумно закреплялось, что порядок определения допустимых норм получения населением древесины, топлива и пр. будет установлен позже общегосударственным планом лесного хозяйства и будет зависеть от степени лесистости территорий, имевшихся запасов древесины, условий климата и общих потребностей народного хозяйства. Контролировалось и целевое использование лесных материалов и остатков от их употребления для хозяйственных нужд.

Примечателен раздел декрета об охране лесов. Всем гражданам законом предоставлялись права на мотивированные заявления местным властям об объявлении лесных участков защитными, о необходимости облесительных мероприятий и сокращении лесопользования в интересах сельского хозяйства. Местные лесные органы имели право самостоятельно или по заявлению граждан

изымать лесные участки и переводить их в разряд защитных, организовывать мероприятия по укреплению песков, оврагов и других неудобных земель [13, с. 316-317]. Гражданам вменялось в обязанность содействовать «лесовозвращению и охране леса». Детей необходимо было привлекать к участию в праздниках древонасаждения на специальных учебных занятиях. Каждый гражданин должен был всеми доступными средствами охранять леса от пожаров, порчи, потрав, нападения насекомых, также бережливо расходовать полученные лесные материалы [13, с. 318-319].

На создаваемые уездные и губернские лесные органы, а также местные органы власти также возлагались обязанности по защите и охране лесов, увеличению площади лесов, организации мероприятий по лесовосстановлению. Все леса в стране были разделены на две категории – защитные и эксплуатационные. В первых лесопользование было ограничено, во вторых – нет, они предназначались для извлечения экономических выгод. Защитные леса объявлялись с целью защиты почв, памятников природы, истоков рек и водного режима в целом, укрепления песков и оврагов, сохранения благотворного влияния лесов на климат и пр. Леса на определенный период признавались защитными местной, центральной и федеральной властями после соответствующего технического исследования. После достижения целей, ради которых они объявлялись защитными, они в том же порядке переводились в категорию эксплуатационных. Защитные леса находились под контролем местных властей, специализированных учебных заведений, мелиоративных обществ [13, с. 320-321, 324-325].

Специально оговаривались правила обращения лесных территорий в земельный фонд. Указывалось на полный запрет распахивания защитных лесов. Остальные леса могли быть расчищены под пашню и иные угодья с разрешения местных властей с учетом потребностей народного хозяйства и переселенческой политики власти. В местностях с высоким процентом лесистости допускались расчистки леса, если были возможности для переселения, существовали почвенные условия для ведения сельского хозяйства. Территории средней лесистости могли быть обращены в сельскохозяйствен-

ные угодья при условии не сплошного лесного покрытия и отсутствия после расчистки дефицита в строительных материалах для населения. В местностях с невысоким процентом лесистости расчистки леса возможны были только после специальных технических исследований, дававших «уверенность в жизнеспособности искусственного лесонасаждения». В тех местностях населению предписывалось вначале запахивать неудобные площади, подвергать их культивированию и мелиорации [13, с. 327-328].

Законодательное регулирование вопросов водопользования

Несмотря на условия Гражданской войны, правительство уделяло внимание проблеме использования водных и рыбных ресурсов. Так, 4 июня 1920 г. СТО принял постановление «О выработке правил рыбной ловли в морях и реках, имеющих военно-оперативное значение». Смысл закона состоял в том, что водные ресурсы, несомненно, игравшие важную роль в военно-тактическом отношении, тем не менее, по мысли законодателя, не должны были подвергаться ввиду их продовольственного значения для населения излишним ограничениям. Однако и вовсе пренебрегать правилам рыбной ловли правительство посчитало легкомысленным, поэтому поручило центральным профильным учреждениям разработать данные правила и условия ловли рыбы в морях и реках. Предписывалось также создать особую комиссию из представителей названных ведомств для решения возникавших на местах споров [14, с. 32].

Весной 1921 г. СТО утвердил предложенную Главным комитетом государственных сооружений ВСНХ программу водного строительства, подразумевавшую проведение строительных работ по водным путям (шлюзование Виртембергской, Донской, Волжской водных систем), устройство ГЭС (на р. Свири, р. Сестре, оз. Сенеж, р. Днепре), осуществление мелиоративных работ в Крыму, Рыбинске, Нижнем Новгороде, на Верхней Волге. Указанные мероприятия были отнесены к «первоочередным и ударным», на которые в первую очередь должны были направляться рабочие ресурсы. А далее местным органам власти указывалось, чтобы они по мере остатка сил и средств от выполнения плана по приоритетным направлениям про-

изводили мелкие мелиоративные, оросительные и строительные работы. Среди второчередных назывались, например, меры по укреплению берегов р. Волга в районе г. Астрахань в целях защиты от затопления прилегающих районов, ремонт плотины во Владимирской губернии, расчистка порогов на реках Сязи и Паше, мелиорация лесных участков между реками Судой и Сятью в Череповецкой губернии, а также мелкие мелиоративные работы (регулирование притоков рек, ремонт плотин, оросительных систем и пр.) в Воронежской, Орловской, Тамбовской, Казанской, Пензенской, Саратовской губерниях, Башкирской, Чувашской областях [12, с. 176-179].

Декретом СНК от 31 мая 1921 г. «О рыбной промышленности и рыболовстве» отменялась государственная монополия на осуществление рыбных промыслов в водных угодьях РСФСР, кроме исключительных зон в Волго-Каспийском, Западно-Каспийском, Уральском, Ачуйском, Керченском, Мурманском районах. Всем гражданам и учреждениям на условиях натуральной аренды разрешалось свободно использовать водные ресурсы для рыбной ловли и промысла, кроме запретных и государственных. На Главрыбу, как центральный государственный орган, возлагались функции регулирования рыбного промысла в стране, установление заповедных для рыболовства мест, запретных периодов и орудий лова, организации контроля над исполнением правил рыбной ловли и ведения промыслового хозяйства [12, с. 227-230].

Законодательное регулирование вопросов продовольственных проблем, последствий неурожая и голода

В разгар голода, 29 июля 1920 г., СНК принимает постановление «О хлебных ресурсах страны», которое закрепляло перераспределение хлебных запасов страны из Сибири, Кавказа, Украины в голодавшую Центральную Россию, предписывало пересмотреть списки предприятий с усиленным снабжением и питанием с целью сокращения численного состава их потребителей, а также прекратить выдачу фронтовых пайков в тылу и сократить число едоков, питавшихся через военпродмаги [14, с. 408-409].

Постановление СНК «Об организации помощи голодающему населению Рязанской,

Калужской, Тульской, Брянской и Орловской губерний» от 21 сентября 1920 г. предписывало Наркомпроду провести подробное обследование местностей этих губерний, наиболее всего пострадавших от неурожая, организовать бесплатные общественные столовые на местах и ввоз продовольствия, а также обеспечить продовольственным и вещным пайком работников по организации переселения крестьян с голодавших территорий [14, с. 351-352].

СТО 22 сентября 1920 г. принял постановление «О мерах по усилению вывоза хлеба из Сибири и Северного Кавказа», согласно которому в максимально сжатые сроки (до 5 октября 1920 г.) Наркомпрод, Наркомпуть, НКВД, Полевой штаб, Всероглавштаб, Главкомтруд, Главвод, Сибпродком, Сибревком, Совтрудармюгостока, Военпродбюро должны были обеспечить переброску хлеба из Сибири и Северного Кавказа в Центральную Россию и Поволжье, пострадавшие от неурожая и голода [14, с. 353-355]. Постановлением Президиума ВЦИК 17 февраля 1921 г. была образована специальная комиссия под председательством М.И. Калинина по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая в Рязанской, Калужской, Орловской, Тульской и Царицынской губерниях [6, с. 104].

Вследствие обострения продовольственного кризиса в Центральной России правительство в неопубликованном в 1920-е гг. постановлении СНК «О дозготовке хлеба прежнего урожая в максимальных размерах» от 21 июня 1921 г. раздало ключевым ведомствам секретные поручения: Наркомвнешторгу – закупить за границей продовольствие, Наркомпроду и НКВД – изъять на окраинах (в Сибири, Казахстане, на Украине) оставшийся от заготовок хлеб урожая 1921 г. (не менее 9,5 млн пудов), Наркомпутю – усиленно бороться с мешочничеством на железных дорогах, Сибревкому и Киргизскому совнаркому – оказывать содействие продорганам в дозготовке хлеба в Сибири и советской Средней Азии [7, с. 436-437].

Декретом СТО «О засева озимого клина в 1921 г. в пострадавших от неурожая местностях РСФСР» от 1 июля 1921 г. Наркомзему и Наркомпроду указывалось на необходимость сбора с губерний, не пострадавших от неурожая, выданных озимых и яровых

семенных ссуд для засева территорий, пораженных неурожаем. Урожай озимых хлебов, собранный в Самарской, Саратовской, Царицынской, Астраханской, Уфимской, Симбирской губерниях, Чувашской области, Татарской Республике, Трудовой коммуне немцев Поволжья, приказывалось там же обратить на посев озимых полей текущего года, освободить их от взноса натурального налога на хлеб и от компенсации за ранее выданную семенную ссуду. Для повышения качества посевного материала губпосевкомы должны были содействовать крестьянам в очистке семян, следить за тем, чтобы высевалось высокосортное зерно [8, с. 11-13].

Осознавая всю остроту постигшего Поволжье и юго-восток страны голода, ВЦИК постановлением от 3 августа 1921 г. разрешил все виды продовольственных и сырьевых налогов в этих местностях направить на внутригубернские нужды. Постановлением ВЦИК от 4 августа 1921 г. это послабление было еще конкретизировано: губисполкомам этих районов при утверждении местных налогов предоставлялось право понижать общегосударственные налоговые ставки или вовсе освобождать от всех или отдельных видов налогов наиболее пострадавшие от неурожая территории [9, с. 27-28, 46-47].

Законодательное регламентирование вопросов крестьянских переселений на восток и юго-восток страны

В целях облегчения тяжелого продовольственного положения населения северных губерний Центральной России и организации восстановления сельского хозяйства юга страны, 24 апреля 1919 г. декретом СНК РСФСР Наркомзему предписывалось организовать в срочном порядке переселение наиболее нуждавшихся в продовольствии крестьян северных губерний Европейской части страны в южные районы и Донскую область. Для обеспечения данной задачи была создана межведомственная комиссия в составе представителей Наркомзема, Наркомпрода, ВСНХ, НКВД, Наркомвоена, Наркомпутя, Наркомздрава и Центральной коллегии о пленных и беженцах. Наркомзему, как главному куратору данного мероприятия, для организации и устройства переселенцев выделялся сверхсметный кредит в 10 млн руб. [15, с. 98].

Судя по обращению СНК к крестьянам 26 июня 1920 г., к тому времени в некоторых губерниях набирало обороты стремление крестьян к массовому и стихийному переселению в Сибирь и юго-восточные районы страны на свободные земли. Правительство стремилось поставить этот процесс под свой контроль. В связи с этим в обращении Совнаркома говорилось о том, что недавно освобожденные от белогвардейцев территории Сибири и юго-востока страны подверглись большим разрушениям и требовали подготовки для переселения малоземельных крестьян, чему правительство уделяло внимание. Однако легальное переселение было сопряжено с большими подготовительными мероприятиями на местах, организацией движения транспорта и землеустроительными работами как на территории выезда, так и въезда крестьян. Тогда еще руководство страны было не в силах обеспечить этот процесс на должном уровне, поэтому призывало крестьянство воздержаться от неорганизованного и беспорядочного переселения в необжитые и неустроенные районы, грозя им потерей своих наделов и имущества в старых местах проживания. При этом, понимая проблему малоземелья и неурожаев, все же разрешило переселение в разумных объемах наиболее нуждавшихся в землях крестьян с разрешения местных и центральных органов власти [14, с. 166-168].

Ранее, 15 июня 1920 г., СНК принял постановление «Об урегулировании переселения крестьян». По его содержанию, а более по тону можно судить, насколько сильно правительство было обеспокоено начавшимся стихийным переселением крестьян из Центральной России вследствие неблагоприятной продовольственной обстановки. В нем Наркомпроду указывалось «обратить сугубое внимание на охваченные стремлением к выходу районы в смысле принятия действительных мер к ослаблению продовольственных затруднений», Наркомзему совместно с Наркоматом путей сообщения и Центрэваком спешно подготовить план и оборудование (питательные, врачебные и регистрационные пункты) для переселения крестьян, Наркомтруду поручалось использовать высвободившиеся трудовые ресурсы в местах выхода и въезда крестьян. Для снятия напряжения и открытия легализованного пере-

селения допускалось крестьянское ходачество в места предположительного выезда. В крайних случаях малоземелья и голода («в особо уважительных», как выразился законодатель) допускалось переселение до открытия организованного движения на восток и юго-восток страны. Наркомзем должен был каждые две недели информировать Совнарком о ходе подготовки к переселенческому процессу и мерах, принимаемых к урегулированию возникавших споров [14, с. 336-337].

Тревожный тон правительства не скрывается в предписании СНК РСФСР губисполкомам и губземотделам Тулы, Рязани, Воронежа и Калуги «О мерах по регулированию переселения крестьян», переданное им по телеграфу после 15 июня 1920 г. Хотя правительство было готово разрешить переселение голодавших крестьян в Сибирь и на юго-восток, все же оно предписывало местным властям всячески сдерживать и ослаблять переселенческое движение из центра России. Говорилось в телеграмме и о том, чтобы на местах действовали осторожно, аккуратно, чтобы не спровоцировать усиление движения населения на восток страны. Властям на местах поручалось срочно собрать и выслать в Москву полные сведения об уездах с наиболее выраженным стремлением к переезду, о численности крестьян, намеревавшихся переселиться, пунктах предполагаемого переселения, размерах гужевого переселения [14, с. 340-341].

28 июля 1921 г. Президиум ВЦИК решил с 1 августа 1921 г. частичное выселение людей из охваченных голодом Астраханской, Самарской, Царицынской, Саратовской, Симбирской, Уфимской, Вятской, Марксштадской губерний, Татарской Республики, Чувашской, Марийской областей в объеме не более 105 тыс. человек. Причем выселение допускалось для трудоспособных лиц, утративших связь с сельским хозяйством вследствие неурожая и бескормицы. Для местностей, в число голодавших не включенных, запрет на легальное переселение оставался в силе. В виде исключения из правил, особо пострадавшим от голода уездам Вятской губернии (Яранский, Уржумский, Советский, Малмыжский, Котельнический), а также для Марийской, Чувашской и Вотской областей разрешалось переселение в Сибирь и Северо-Двинскую и Вологодскую губернии

с тем, чтобы число ходоков из каждой местности не превышало 500 человек. Предписывалось также попутно обеспечить расселение голодавшего населения Вятской губернии по ее территории [8, с. 228-230].

Законодательное регулирование вопросов кадрового обеспечения сельхозотрасли, создания специализированных государственных органов для ее управления

Для проведения аграрной реформы советской власти требовались кадры землемеров и техников, поэтому 30 марта 1918 г. был принят декрет СНК о мобилизации землемерных сил в стране. Он предписывал всем землемерным техникам, не состоявшим на службе у новой власти, в недельный срок после опубликования декрета зарегистрироваться в землемерно-технической части земотдела ближайшего местного Совета в последующем с обязательным сообщением об изменении своего места жительства. Все государственные, общественные и частные учреждения, отдельные лица, при которых находились на службе даже и не по специальности землемеры, были обязаны предоставить о них поименные полные списки с указанием возраста, квалификации, места жительства. Земотделы местных Советов также должны были активно собирать все сведения об имевшихся кадровых запасах землемерных техников и привлекать их к работам. Межевые и иные технические учебные заведения обязаны были сообщить сведения о преподавателях с землемерным образованием и учащихся, которых можно было использовать при проведении соответствующих работ, в Центральный землемерно-технический отдел Наркомзема, который вел общегосударственный учет землемерных сил страны [13, с. 577-578].

9 июля 1918 г. всем губернским земотделам предписывалось привлечь агрономов и других специалистов сельского хозяйства к «энергичной работе по специальности». В случае саботажа со стороны агрономов и смежных специалистов им грозило привлечение к суду [13, с. 629-630]. В целях подъема производительных сил сельского хозяйства и разрешения продовольственного кризиса в марте 1919 г. специальным декретом СНК закреплялась мобилизация специалистов сельского хозяйства. На действительную службу по сельскому хозяйству призывались

специалисты Московской, Петроградской, Орловской, Рязанской, Тверской, Астраханской, Тамбовской, Самарской, Воронежской, Нижегородской, Тульской и Новгородской губерний [4, с. 520-521].

ВЦИК 10 января 1921 г. законодательно закрепил появление комитетов по укреплению и развитию крестьянского сельского хозяйства – посевкомов. Они создавались в губерниях, уездах (районах) и волостях. Их основная задача состояла в содействии расширению посевов и улучшению обработки земли: они должны были разрабатывать планы засевов, следить за их выполнением, распределять семенной фонд, наблюдать за процессами сохранения естественных плодородных сил почвы, стремиться засевать пустовавшие земли, организовывать просветительскую работу на местах, оказывать крестьянам практическую помощь и пр. Посевкомы подчинялись губисполкомам и Наркомзему. Для скрепления государственной вертикали хозяйственной помощи при сельсоветах создавались селькомы – крестьянские комитеты по улучшению сельского хозяйства, которые состояли из представителей отдельных дворов и хозяйств [16, с. 151-155].

Новым явлением в хозяйственной жизни страны в начале 1920-х гг. стала транспортная агрономия, созданная постановлением СНК от 7 февраля 1921 г. «О Центральном агрономическом управлении путей сообщения». Агрономические учреждения и организации, обслуживавшие транспортные и водные пути, переходили в единое ведомство – Центральное агрономическое управление при Наркомпуте как орган Наркомзема. Основная задача состояла в сельскохозяйственной и агрикультурной помощи «транспортному пролетариату», т. е. работникам железных дорог и водных путей сообщения, с тем, чтобы они осуществляли сельскохозяйственную эксплуатацию полос отчуждения и бичевников (тем самым обеспечивали себя продовольствием), попутно боролись с песками, оврагами, снежными заносами посредством насаждения деревьев и кустарников. Учрежденное управление должно было оказывать транспортникам и водникам практическую агрономическую помощь, а также вести широкую просветительскую деятельность. В своей работе оно руководствовалось

планами и инструкциями Наркомзема, ему же было подотчетно [6, с. 31-34].

Постановлением ВЦИК и СНК «О расширении прав крестьянских комитетов по улучшению сельскохозяйственного производства (селькомов)» 26 мая 1921 г. было дополнено постановление ВЦИК от 10 января 1921 г. «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства». Этим распоряжением за селькомами закреплялись дополнительные функции по содействию в развитии крестьянских кустарных промыслов, сельскохозяйственной и промысловой кооперации, а также права участия в обсуждении в сельсоветах любых улучшений сельского хозяйства (переход к многопольному севообороту, улучшение лугов, земли и пр.); в проведении в жизнь всех постановлений посевкомов об улучшении обработки земли. Исполкомы и посевкомы всех уровней должны были принимать предложения и задания селькомов к исполнению и всячески содействовать их полной реализации [12, с. 192-194].

Единая государственная метеорологическая служба в РСФСР во главе с Главной физической обсерваторией была создана декретом СНК от 21 июня 1921 г. Она, как структурное подразделение Наркомата просвещения, руководила работой своих филиалов в Павловске, Екатеринбурге, Иркутске и Ташкенте, создавала сеть областных и губернских метеорологических бюро, организовывала свою научную деятельность, курировала деятельность станций других ведомств по геофизическим и иным наблюдениям. При Главной физической обсерватории было учреждено единое Бюро погоды. Для содействия метеорологической службы нуждам народного хозяйства при ней должен был состоять комитет из представителей заинтересованных ведомств. Они же могли ходатайствовать об открытии дополнительных метеорологических станций и бюро [7, с. 118-120].

Важнейшей задачей государства было радикальное решение проблем неурожая и постоянного продовольственного кризиса в стране. Власти было очевидно, что сельскому хозяйству необходимо было уделять повышенное систематическое внимание: не только брать от природы по максимуму, но и заботиться о восстановлении ее производительных сил. Такой вывод подтверждает принятое ВЦИК и СНК 25 июля 1921 г. по-

становление об учреждении нового специального органа власти – Федерального комитета по земельному делу [9, с. 42-45]. Этот комитет учреждался при Наркомземе для урегулирования всех вопросов, выходящих за пределы компетенций наркомата и полномочий правительства: разработка и наблюдение за реализацией мер по развитию сельского хозяйства, включавшие землеустроительные, мелиоративные, лесоустроительные, агрономические, колонизационно-переселенческие и другие земельно-технические мероприятия в масштабах страны; разработка и участие в рассмотрении проектов законоположений в сфере проведения аграрной политики правительства; сбор, систематизация и анализ информационных материалов о состоянии сельского хозяйства РСФСР. В его состав включались представители Наркомзема, НКВД, Наркомата по делам национальностей, ВСНХ, Госплана и всех автономных республик РСФСР. В своей деятельности Федеральный комитет по земельному делу должен был тесно взаимодействовать с СТО и его местными органами [8, с. 190-191].

Итак, законодательное регулирование экологических и отчасти демографических проблем объяснялось как жизненной необходимостью, так и определенным государственным видением направлений развития сельского хозяйства и создаваемых на его основе планов аграрных преобразований. Так, явное истощение почв вызывало к жизни предписания по поводу активных мелиоративных мероприятий и их централизации, или декреты, пропагандировавшие сохранение сортового зерна, закупку лошадей в Средней Азии и пр. А вот распространение кормового травосеяния, обеспечение крестьянских хозяйств сельхозорудиями и машинами, переселение избыточного населения на восток и юго-восток страны и другое были целенаправленной социально-аграрной политикой большевиков. Зачастую ее направления соответствовали и запросам самой экосистемы. На первых порах деятельность советского правительства во многом носила стихийно-непоследовательный и паллиативный характер. Некоторые декреты имели декларативный характер, другие – были законами реального действия, так не хватавшего политике дореволюционного правительства.

Советское правительство в первые годы своего существования столкнулось с огромным количеством государственных проблем, требовавших немедленного решения. Зачастую оно не имело матрицы действия в новых ею созданных политико-правовых и экономических условиях, поэтому ее мероприятия носили беспрецедентный характер как в масштабах страны, так и мира в целом. Партийно-властная элита нарабатывала опыт, в т. ч. и в сфере решения проблем природопользования и регулирования демографических процессов. Демоэкологические вопросы использования природных ресурсов в сельском хозяйстве, как следует из проанализированных материалов, решались попутно, заодно с земельным, продовольственным, посевным и пр. Из 107 выявленных документов 74,5 %, больше 2/3, содержали властные предписания по поводу землепользования, лесопользования и решения продовольственного кризиса как следствия неурожая, и почти 5 % – регламентирования переселения и расселения голодавшего крестьянства центра России. Самостоятельного статуса демоэкологические проблемы еще не приобрели. Например, важнейшие вопросы рационального водопользования и водной мелиорации занимали лишь 3 % изученного законодательного массива.

Однако уже в 1910–1920-е гг. можно обнаружить тенденцию к их обособлению в государственной внутренней политике (законы о лесе, охоте, рыбных промыслах, централизации ветеринарного дела и метеорологической службы, создании мелиоративных товариществ и пр.). Примечательно, что законодательно закреплённые меры по улучшению ведения сельского хозяйства с опорой на научные данные, его рационализации и механизации, просвещению населения в области сельхоззнаний были позаимствованы большевиками из комплекса предложений, продуцированных еще дореволюционной научной, публицистической, творческой интеллигенцией, земцами, сельхозпрактиками и некоторыми государственными деятелями. В «царское» время их некогда было реализовать в полной мере: тогда успели учредить сеть опытных станций и полей, ввести мелиоративный кредит, лесоохранный закон, разработать основы водоохранного законодательства начала XX в. и др. [17]. И

вот, они получили свое практическое воплощение в новых исторических условиях. При этом большевики вполне разумно пытались решить изучаемые проблемы путем усиления кадрового потенциала сельхозведомств и органов (это нашло отражение в 12 документах, или 11 % законов и предписаний).

На всех проанализированных нами законодательных актах, безусловно, лежит печать революционного времени и это определяло форму и, что немаловажно, содержание властных предписаний. Суровое время порождало жесткие (порой жестокие) решения. Совершенно очевидно, что насущными задачами были максимальное увеличение посевной площади с целью решения продовольственной проблемы, сдерживание населения в границах Центральной России для обработки земли и восстановления сельского хозяйства, вырубка лесов на экспорт без оглядок на возможные негативные последствия. Однако присутствовало и понимание пагубности таких мероприятий и необходимости сохранения и последующего развития рациональных основ сельскохозяйственного производства. При этом власть была уверена в том, что экологические проблемы подождут более подходящего для их регулирования времени (мирного, спокойного), главное было накормить армию, население, успокоить и направить их на достижение политических целей. Причем любой ценой. Вопросы разумного природопользования, как и в «царское» время, откладывались на потом, при этом заботясь о сохранении и приумножении старых кадров лесников, землемеров, техников, агрономов – всех тех, без которых оно было невозможно. Тем не менее, катастрофического восприятия демоэкологических проблем тогда не было. По крайней мере, в законодательных источниках оно явно не отражено.

Список литературы

1. Журавлев В.В. Декреты советской власти 1917–1920 гг. как исторический источник. М., 1979.
2. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957.
3. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 3. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964.
4. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 4. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. М., 1968.

5. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 8. Апрель – май 1920 г. М., 1976.
6. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 13. 1 февраля – 31 марта 1921 г. М., 1989.
7. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 16. Июнь 1921 г. М., 2004.
8. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 17. Июль 1921 г. М., 2006.
9. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 18. Август 1921 г. М., 2009.
10. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 7. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. М., 1975.
11. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 15. Май 1921 г. М., 1999.
12. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 10. Август–сентябрь 1920 г. М., 1980.
13. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959.
14. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 9. Июнь–июль 1920 г. М., 1978.
15. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 5. 1 апреля – 31 июля 1919 г. М., 1971.
16. Декреты советской власти: в 18 т. Т. 12. Декабрь 1920 г. – январь 1921 г. М., 1986.
17. Цинцадзе Н.С. История разработки «Водного устава» в предреволюционной России // В мире научных открытий. 2013. № 11.3. С. 189-194.
3. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 3. 11 iyulya – 9 noyabrya 1918 g. Moscow, 1964.
4. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 4. 10 noyabrya 1918 g. – 31 marta 1919 g. Moscow, 1968.
5. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 8. Aprel' – may 1920 g. Moscow, 1976.
6. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 13. 1 fevralya – 31 marta 1921 g. Moscow, 1989.
7. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 16. Iyun' 1921 g. Moscow, 2004.
8. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 17. Iyul' 1921 g. Moscow, 2006.
9. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 18. Avgust 1921 g. Moscow, 2009.
10. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 7. 10 dekabrya 1919 g. – 31 marta 1920 g. Moscow, 1975.
11. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 15. May 1921 g. Moscow, 1999.
12. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 10. Avgust–sentyabr' 1920 g. Moscow, 1980.
13. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 2. 17 marta – 10 iyulya 1918 g. Moscow, 1959.
14. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 9. Iyun'–iyul' 1920 g. Moscow, 1978.
15. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 5. 1 aprelya – 31 iyulya 1919 g. Moscow, 1971.
16. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 12. Dekabr' 1920 g. – yanvar' 1921 g. Moscow, 1986.
17. Tsintsadze N.S. Istoriya razrabotki "Vodnogo ustava" v predrevolyutsionnoy Rossii. V mire nauchnykh otkrytiy, 2013, № 11.3, pp. 189-194.

References

1. Zhuravlev V.V. *Dekrety sovetsskoy vlasti 1917–1920 gg. kak istoricheskiy istochnik*. Moscow, 1979.
2. Dekrety sovetsskoy vlasti: v 18 t. T. 1. 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. Moscow, 1957.

Поступила в редакцию 18.11.2015 г.
Received 18 November 2015

UDC 902; 94(470)

SOVIET POWER AND SOCIAL AND NATURAL PROBLEMS OF AGRICULTURE OF THE RSFSR IN 1910–1920S: EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION

Nina Sergeevna TSINTSADZE, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of History, Doctoral Candidate of General and Russian History Department, e-mail: ninatsintsadze2010@yandex.ru

Based on the complete study of the published normative and administrative acts of the first years of Soviet authority (1917–1921) the peculiarities of the state power's perception of demographic and environmental problems in the Russian village at a turning point of transition from a traditional to an industrial type of society were studied. The analysis of more than a hundred revealed papers on the subject has allowed to evaluate objectively the Soviet government's level of consciousness and interest in the decision of demographic and ecological problems. Eventually, conclusions that there was no disastrous perception of environmental problems by the authorities, environmental issues of natural resources use in agriculture were resolved by the authorities with other agricultural issues. Demographic problems were not separate and were a part of social and economic policy. Immediate objectives were the maximum increase of the cultivated area in order to solve the food problem, restraining the population within the borders of Central Russia for cultivation and restoration of agriculture, felling of forests for export. Issues of reasonable environmental management, as well as in the "royal" time were procrastinated for later. In spite of that, in the 1910–1920s can be already found a tendency to separation of some environmental problems in the state internal politics.

Key words: Russia's later agrarian society; demographic crisis; environmental crisis; the decrees of the Soviet government; Soviet society.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-53-67

УДК 94 (470.326) «1917/1991»:069.1

**ОТРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ
МУЗЕЙНЫМИ СРЕДСТВАМИ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ
ПОЛИТИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ В 1920–1930-х гг.****© Юлия Валерьевна ЩЕРБИНИНА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра всеобщей
и российской истории, e-mail: sherbinina8972@gmail.com

Рассмотрен музей как социокультурный институт, выполняющий социально-значимые функции в регионе. Показана непосредственная связь деятельности музеев с политической обстановкой в определенный период истории страны, когда происходило формирование социально-культурной сферы нового государства. Музей в этот период становится одним из центров по организации культурно-просветительной работы среди населения. Направление этой работы определяла коммунистическая партия, что привело в 1920–1930-х гг. к утверждению политико-просветительной работы в качестве основного вида деятельности советских музеев. Задачи организации творческой жизни страны в этот период были возложены на агитационно-пропагандистские отделы ЦК РКП(б) и местные партийные комитеты, которые наделялись широкими полномочиями по координации всей деятельности в области культуры. Агитпропы должны были превратиться в боевые центры борьбы за марксистскую идеологию и идейное влияние партии в массах, под руководством товарищей, имеющих достаточную марксистскую подготовку. Одной из главных задач музея в это время является сохранение материалов по истории революционного движения и Октябрьской революции. Новая власть делала все, чтобы убедить общество в правомерности свершенной революции и легитимности власти большевиков. Для этого было необходимо сохранить свидетельства имущественного расслоения российского общества, непримиримой классовой борьбы пролетариата с буржуазией и крестьянства с дворянами-землевладельцами, руководящей роли РКП(б) в подготовке и свершении Октябрьской революции 1917 г. Музеи Тамбовской губернии на материалах революционных отделов знакомили широкие слои населения с историей революционного движения в Тамбовском крае. Пропаганда партийной идеологии в музеях в итоге привела к политизации всей деятельности по сохранению и использованию историко-культурного наследия.

Ключевые слова: Тамбовская губерния; политико-просветительское учреждение; посвященный революционному прошлому края отдел музея.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-68-74

Музей как социокультурный институт всегда зависит от того, как развивается общество. С победой Октябрьской революции 1917 г. и установлением диктатуры пролетариата были разработаны механизмы реализации культурной политики Советского государства. Культурная революция вместе с индустриализацией и кооперированием сельского хозяйства была составной частью ленинского плана построения социалистического общества. «Под культурной революцией, – вспоминала Н.К. Крупская, – Владимир Ильич подразумевал то, что массы своим дружным, организованным напором сломают стену темноты и невежества, возьмут с бою необходимые им знания и цивилизацию» [1, с. 139]. Решающее условие культурной революции В.И. Ленин видел в целенаправленной руководящей деятельности Коммунистической партии. «Мы, – говорил В.И. Ленин на IX съезде РКП(б), – должны весь аппарат

государственный употребить на то, чтобы учебные заведения, внешкольное образование, практическая подготовка – все это шло, под руководством коммунистов, для пролетариев, для рабочих, для трудящихся крестьян» [2, с. 254].

Таким образом, развитие культуры в 1920–1930-х гг. полностью подчиняется общим целям социалистического строительства и осуществляется под непосредственным партийно-государственным руководством. Задачи организации творческой жизни страны были возложены на агитационно-пропагандистские отделы ЦК РКП(б) и местные партийные комитеты, которые наделялись широкими полномочиями в плане координации всей деятельности в области культуры. XI съезд РКП(б) считал необходимым усиление агитпропов путем выделения для их руководства товарищей, имеющих достаточную марксистскую подготовку, и превраще-

ния их в боевые центры борьбы за марксистскую идеологию и идейное влияние партии в массах [3, с. 528].

Так, заседание Коллегии АПО Тамбовского губкома от 12 ноября 1924 г. после доклада завгубполитсоветом т. Чинкова о работе и перспективах музеев в губернии постановило: «Зафиксировать, что теперешнее состояние музеев не вполне соответствует их задачам, т. к. почти не ведется политико-просветительная работа». Было признано необходимым: «Развить политико-просветительную работу музеев; организовать коммунистическое влияние как в музеях, так и в краеведческих обществах, пересмотрев состав руководителей музеев, обязав коммунистов – работников просвещения быть членами краеведческих обществ, организовать институт практикантов из коммунистов и комсомольцев в музеях; пересмотреть существующее положение о музеях, переработав их в том духе, чтобы музеи перестали быть складочными кладовыми и просто архивами, а служили бы главными пособниками в деле коммунистической агитации и пропаганды; произвести перерасположение всего музейного материала о том, чтобы осмотр умело расположенных экспонатов подтверждал бы отдельные теоретические положения марксистского мировоззрения. Работу эту осуществлять при содействии работников из аппарата политпросвета» [4, ед. хр. 1140, л. 6]. Таким образом, музеи после пролетарской революции должны были стать, с одной стороны, особыми культурными центрами для данного региона, а с другой – одним из механизмов идеологического воздействия и политического просвещения народных масс.

В 1928 г. в методическом письме «Об основных положениях работы и задачах краеведческого музея», разработанного Главнаукой (Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями), было отмечено, что основной упор в просвещении населения должен делаться на ряд тем, среди которых было и ознакомление населения с революционным прошлым страны [5, с. 282]. Следует отметить, что сбор и изучение материалов по истории революционного движения и Октябрьской революции был начат еще в начале 1920-х гг. Новая власть делала все, чтобы убедить общество в правомерности свершен-

ной революции и легитимности власти большевиков. Для этого было необходимо сохранить свидетельства имущественного расслоения российского общества, непримиримой классовой борьбы пролетариата с буржуазией и крестьянства с дворянами-землевладельцами, руководящей роли РКП(б) в подготовке и свершении Октябрьской революции 1917 г.

21 сентября 1920 г. постановлением СНК при Наркомпросе учреждается Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии (большевики) [6, с. 200-201]. Комиссия, состоявшая из 9 человек, назначенных СНК, должна была собрать печатные материалы и рукописи как в России, так и за границей. Для их оперативного сбора комиссия могла организовывать подкомиссии и бюро, а также направлять уполномоченных во все губернии и области РСФСР и союзные республики. Результатом проведенной работы стало не только издание документов, но и открытие целого ряда музеев революции как в Москве, так и в провинции. Так, еще 7 ноября 1918 г., в годовщину Октябрьской революции, состоялось открытие Липецкого народного музея, в составе которого был создан отдел Великой Революции. Вновь образованный отдел составил главным образом из предметов, переданных музею Липецкой уездной чрезвычайной комиссией и милицией: военные полковые значки старой армии, деньги различных областей Советской и Белогвардейской России, орудия наказания старого режима. Нередко посетители во время проводимых экскурсий передавали различные предметы в отдел Революции [4, ед. хр. 370, д. 11, л. 11]. Необходимо отметить, что с начала 1920-х гг. практически всеми провинциальными музеями проводился сбор материалов, связанных с революционным движением. По существу это было музейное осмысление эпохи. В планах работы музеев обязательно присутствовали пропагандистские мероприятия: лекции, доклады, временные выставки. Разрабатывались экспозиции, связанные с революционной тематикой, и проводились экскурсии по ним. Музейные работники разрабатывали тематические экскурсии, приспособляя их к запросам красноармейцев, рабочих, крестьян, учителей, учащихся

[7, оп. 1, ед. хр. 4, л. 6; оп. 1, ед. хр. 8, д. 4, л. 2; ед. хр. 9, д. 6, л. 1-2, 9]. Эта работа помогала самым широким слоям населения разобраться в вопросах строительства нового государства и общества.

В Тамбовской губернии, в связи с 20-летием Первой русской революции Вторая губернская краеведческая конференция (октябрь 1925 г.) приняла программу сбора материалов по ее истории. Программа предусматривала: «1) собрать весь имеющийся в районе печатный материал, относящийся к революции 1905 г.; 2) принять меры к разысканию т. н. «нелегальной» литературы, распространявшейся партийными организациями; 3) выявить живых участников революции: рабочих, крестьян и интеллигентов, принимавших активное участие в революционном движении, собрать от них воспоминания об их революционной работе; 4) с участниками, живущими вне данного района, завязать письменные сношения; 5) организовать выезды краеведов в села, где аграрное движение отличалось особым напряжением и где «подвиги» тамбовских усмирителей отличались особой свирепостью. Собрать на местах воспоминания современников, живых участников революции; 6) объединить весь собранный материал и копии его представить в распоряжение уездных комиссий по празднованию юбилея революции 1905 г.». Хотя полностью эта программа не была осуществлена, некоторые ее положения нашли реализацию в деятельности местных краеведов: были собраны листовки местных революционеров и записаны воспоминания участников событий [8, с. 330]. Шли поиски в местных архивах и архивах истпарта (истпартодел губкома ВКП(б) – отдел по собиранию и изучению материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции), но это требовало много времени. В то же время учет экспонатов, работа с каталогами, создание экспозиций – все это вызывало определенные трудности, т. к. очень часто организаторы и работники новых музеев не имели необходимого специального образования. В отчетах о работе музеев отмечалось: «...расположение материала и метод экспозиции не отвечал запросам массового посетителя: перегруженность, отсутствие надписей, каталогов, листовок, диаграмм, карт, неясность общего плана экспозиции сильно за-

трудняли проведение политико-просветительной работы в музеях...» [9, с. 36]. Таким образом, насущным в эти годы становится вопрос о правильной организации революционных отделов в музеях.

На музейной конференции в Ярославле в 1926 г. представитель Московского губернского Отдела народного образования И.Г. Клабуновский представил программу организации отдела «Революционное движение в краеведческих музеях». Программа предусматривала четыре основные темы: 1) классовый состав населения по периодам; 2) история революционного движения в крае до 1917 г., с выделением событий 1905 г., если это позволяет местный материал; 3) Февральская и Октябрьская революции в крае, годы Гражданской войны; 4) общественно-политическая жизнь края в данное время. Было отмечено, что эта программа является только схемой. Революционные отделы должны основываться в первую очередь на местном материале, а не подгоняться под предложенную программу, в их построении не должно быть никакого шаблона. По мнению И.Г. Клабуновского, революционные отделы в большинстве музеев представляют собой «нагромождение плакатов и фотографий», что утомляет посетителей. Конференцией была вынесена резолюция по вопросу об организации при музеях отделов революционного движения. В ней отмечалось, что организация отделов по истории общественно-революционного движения является исключительно важной и своевременной. Она должна осуществляться на основе использования местного материала Истпарта и архивных бюро. Была отмечена необходимость правильных деловых отношений с этими организациями, а также поднимался вопрос о привлечении местных органов власти к сотрудничеству. Признавалось, что основным материалом, экспонирующимся в революционных отделах, являются диаграммы, фотографии, карты, рукописи и другие материалы. Все эти экспонаты подвергаются быстрому воздействию света и времени, поэтому было решено поручить Музейному отделу Наркомпроса разработать методы наилучшего сохранения экспонатов [10, с. 119].

В Отчете по Тамбовскому Губмузею (Губмузеи – комитеты по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, народ-

ного быта и природы, сформированные при губернских отделах народного образования в 1921 г.) за 1925/26 гг. отдельный пункт был посвящен учету и охране на местах памятников и материалов по революционному движению и концентрации их в музеях Губмузея. В нем было отмечено, что сделано распоряжение всем музеям 13/V-26 (№ 116 7823), с подробной инструкцией, какие именно памятники Революции брать на учет, и какого рода революционный материал собирать в музеи. А также говорилось о том, что «...уездные музеи собирают, если есть возможность, как вещественный материал по революционному движению (с 1900 г. преимущественно), так и документальный и письменный материал из разных учреждений и местных архивов. Губмузеем получены сообщения из некоторых уездных музеев о поступившем в них революционном материале. В Липецком музее еще в 1926 г. была сделана выставка революционных материалов, относящихся к 1905–17 гг., а в марте с/г года в Козловском художественно-историческом музее – выставка архивного и иллюстративного материала по революционному движению за те же годы. Одновременно Губмузеем и уездными музеями производилась работа по выявлению памятников Революции в городах и уездах Тамбовской области» [4, ед. хр. 1323, д. 6, л. 2-6]. Выходят статьи, посвященные истории Первой русской революции в Тамбовской губернии. В 1926 г. П.Н. Черменский совместно с Д.Н. Филипповым издал небольшую книжку о рабочем движении и социал-демократии Тамбовской губернии в годы Первой русской революции «1905 г. Рабочее движение и развитие социал-демократии в Тамбовской губернии» [8, с. 335]. Член липецкой краеведческой организации А.М. Степанов опубликовал статью «Революционное движение 1905 года в Липецком уезде» [8, с. 326].

В преддверии юбилея Октябрьской революции 1917 г. эта работа была активизирована вновь. В 1927 г. комиссией по празднованию 10-летия Октябрьской революции при Президиуме ЦИК СССР и Музеем Революции СССР были разработаны методические указания и план сбора сведений о памятниках Октябрьской революции, Гражданской войны, социалистического строительства. В изданных ими документах подчеркивался

научно-исследовательский характер этой работы, делалась попытка дать классификацию памятников, указывались типы источников для сбора сведений о них, излагался порядок учетных работ [11, с. 26].

Музеи Тамбовской губернии на материалах революционных отделов планировали познакомить широкие слои населения с историей революционного движения в Тамбовском крае. Освещение этого вопроса должно было доходить до середины 1920-х гг., объясняя закономерность свершения Октябрьской революции 1917 г. Таким образом, перед сотрудниками Тамбовского окружного краеведческого музея была поставлена сложная задача: отразить всю историю революционного движения на основе местного материала и сделать революционный отдел центральным отделом музея, посвященным революционному прошлому края. Велась достаточно активная работа по сбору материалов, устраивались выставки, велась работа с посетителями. Член Секции истории и археологии края С.И. Соколов совместно с работниками архива обработал документы по первым пяти годам послереволюционного времени. Часть дел была опубликована в сборнике «1917–1918. Хроника революционных событий в Тамбовской губернии» в 1927 г., посвященном десятилетней годовщине Октябрьской революции [8, с. 333]. В Перспективном Пятилетнем плане работы Кирсановского народного музея на 1925–1930 гг. намечалось развернуть Отдел Революции и Антирелигиозный отдел [7, оп. 1, ед. хр. 8, д. 4, л. 2]. В Годовом отчете Тамбовского научно-художественного музея за 1928/29 гг. отмечалось, что по Отделу революции были проведены лекции-беседы с группами экскурсантов на темы: «Крепостное право», «Разиновщина и Пугачевщина», «Народничество», «Рабочие движения», «1905 г.», «Период реакции 1907–1912 гг.», «Мировая война», «Февральская и Октябрьская революции», «Разруха и Гражданская война», «Антоновщина», «Партия и комсомол», «Продвижение и поднятие народного хозяйства» [7, ед. хр. 9, д. № 6, л. 1-2]. А в плане лекционной работы Тамбовского окружного краеведческого музея на 1929/1930 гг. по отделу революции было запланировано прочитать следующие лекции: «Крепостное право», «Рабочее движение в России», «Февральская и Октябрьская рево-

люции», «Антоновщина в Тамбовской губернии», «Культурная революция», «Пятилетний план и его выполнение по тяжелой и легкой индустрии и сельскому хозяйству округа» [7, оп. 1, ед. хр. 8, д. 4, л. 11]. Также в рамках проведения ударных кампаний планировалось принять активное участие в организации юбилейной выставки «Октябрьская революция и пятилетний план хозяйства Тамбовского округа», Ленинской комнаты, юбилейной выставки «1905 г.» [7, оп. 1, ед. хр. 8, д. 4, л. 11].

В мае 1930 г. в тамбовский музей прибыл с проверкой представитель Музея революции ЦЧО из Воронежа. В связи с тем, что приближалось 25-летие революции 1905 г., он требовал: «Более жестко поставить вопрос перед Окрисполком и Окружком ВКП(б) о предоставлении средств, необходимых для ремонта нового здания (собора), чтобы к осени обеспечить переход революционного отдела в новое помещение, тем самым положить начало организации самостоятельного Музея (революции)». За год здание собора не успели отремонтировать, поэтому выставку, посвященную 25-летию революции 1905 г., пришлось проводить в бывшем доме М.Л. Шоршорова. Однако большой популярностью она не пользовалась. В документе говорилось: «Выставка 1905 года в Тамбове была организована при краеведческом музее 1 ноября и функционировала до 15 декабря. 15 декабря по предложению Президиума горсовета была свернута и вместе с музеем перекочевала в новое помещение б. кафедрального собора. Посещаемость выставки за полуторамесячный период была около 2000 чел.». По посещаемости этой выставочной экспозиции было далеко до «антипассажной», а провинциальная инертность не привела к созданию в помещении собора Музея революции [12, с. 280].

В рамках научно-исследовательской работы музей также планировал: «провести монографическое изучение села Караул Кирсановского района с целью получить материал для характеристики быта, занятий, правовых и трудовых отношений крепостных крестьян к помещику: занятия и быта крестьян в период от падения крепостного права до революции, в период революции и в настоящий момент, обратить особое внимание на переход крестьян от индивидуальной экономики

хозяйствования к колхозному ведению своего хозяйства». Материал, добытый путем исследовательской работы, должен быть переработан, систематизирован и оформлен в форму экспозиций [7, оп. 1, ед. хр. 8, д. 4, л. 11]. Таким образом, музей выполнял важнейшую задачу научно-исследовательской деятельности – накопление документальных свидетельств, их обработку и введение в научный оборот, а также не просто знакомил население с историей и культурой края, а реализовывал целевые установки, общие для всех. А именно, раскрывал посетителю всеобщие законы диалектики, иллюстрировал своим материалом формы классовой борьбы, разъяснял генеральную линию партии, а также мобилизовал посетителей на максимально активное выполнение директив партии. В построении каждого раздела требовалось отмечать достижения советской власти в сравнении с дореволюционным временем и перспективы дальнейшего строительства. Можно сказать, что речь шла о политико-просветительной работе. В декабре 1930 г. в Москве прошел I Всероссийский музейный съезд, который в своих документах окончательно закрепил представление о музее как о политико-просветительном учреждении. В докладах, выступлениях, резолюциях говорилось о необходимости коренной перестройки существующих экспозиций на марксистской основе, причем так, чтобы они не только показывали, но и подводили к оценке явлений. Экспозиция каждого музея должна была стимулировать участие народа в строительстве социализма, быть партийной, доступной и понятной самым широким слоям населения. Главной опасностью делегаты съезда признали «вещизм» – безыдейный показ музейных предметов [5, с. 283]. С переездом Тамбовского краеведческого музея в новое помещение (бывший кафедральный Покровский собор) в 1931 г. [8, с. 350] в нем была проведена реорганизация отделов и реэкспозиция. В музее было создано пять секторов. Их тематика отражала рекомендации I Всероссийского съезда музейных работников. Одним из них был историко-революционный сектор, экспозиции которого были сформированы на основе фондовых коллекций музея. Он включал в себя мебель, предметы домашнего обихода помещика и крепостного крестьянина: оружие, нагайки,

кандалы, цепи, а также рисунки, картины, диаграммы, фотографии революционных событий [13, с. 85].

Таким образом, можно утверждать, что в 1920-х гг. деятельность отдела музея, посвященного революционному прошлому края, носила не просто просветительский характер, а решала одну из основных задач, стоявших в то время перед музеем – задачу утверждения новой идеологии. Музеи превратились в инструмент государства, с помощью которого оно формировало политическое мировоззрение людей. Пропаганда партийной идеологии в музеях в итоге привела к политизации всей деятельности по сохранению и использованию историко-культурного наследия.

Список литературы

1. Крупская Н.К. Педагогические сочинения: в 10 т. М., 1959. Т. 5.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М., 1967–1981. Т. 40.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 16 т. М., 1983. Т. 2 (1917–1922).
4. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Р-1404.
5. Юренева Т.Ю. Музееведение. М., 2004.
6. Декреты советской власти: в 10 т. М., 1980. Т. 10 (август–сентябрь 1920 г.).
7. ГАТО. Р-1478.
8. Алленова В.А., Мизис Ю.А. История Тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е гг. XX в.). Тамбов, 2002.
9. Лобанова О.Б., Шалабанова А.А., Плеханова Е.М. Организация просветительской работы в период становления советского государства (на примере музейной работы) // Международный журнал экспериментального образования. М., 2014. № 11.
10. Филимонов С.Б. Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.). М., 1989.
11. Лопатина Е.Г. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в 1917 – середине 1930-х гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2011. № 4.
12. Климкова М.А. Соборная площадь города Тамбова. К 375-летию Тамбова и 200-летию Отечественной войны 1812 года. Тамбов, 2011.
13. Махрачев С.Ф. История музейного дела в Тамбовской области. Тамбов, 2005.

References

1. Krupskaya N.K. *Pedagogicheskie sochineniya*: v 10 t. Moscow, 1959, vol. 5.
2. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy*: v 55 t. Moscow, 1967–1981, vol. 40.
3. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s#ezdov, konferentsiy i plenumov TsK: v 16 t. Moscow, 1983, vol. 2 (1917–1922).
4. GATO (Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti). R-1404.
5. Yureneva T.Yu. *Muzevedenie*. Moscow, 2004.
6. Dekrety sovetskoy vlasti: v 10 t. Moscow, 1980, vol. 10 (avgust–sentyabr' 1920 g.).
7. GATO. R-1478.
8. Allenova V.A., Mizis Yu.A. *Istoriya Tambovskogo kraevedeniya (XIX v. – 30-e gg. XX v.)*. Tambov, 2002.
9. Lobanova O.B., Shalabanova A.A., Plekhanova E.M. Organizatsiya prosvetitel'skoy raboty v period stanovleniya sovetskogo gosudarstva (na primere muzeynoy raboty). *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. Moscow, 2014, no. 11.
10. Filimonov S.B. *Kraevedenie i dokumental'nye pamyatniki (1917–1929 gg.)*. Moscow, 1989.
11. Lopatina E.G. Gosudarstvennaya politika v oblasti okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury v 1917 – seredine 1930-kh gg. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. Pyatigorsk, 2011, no. 4.
12. Klimkova M.A. *Sobornaya ploshchad' goroda Tambova. K 375-letiyu Tambova i 200-letiyu Otechestvennoy voyny 1812 goda*. Tambov, 2011.
13. Makhraчев S.F. *Istoriya muzeynogo dela v Tambovskoy oblasti*. Tambov, 2005.

Поступила в редакцию 11.11.2015 г.
Received 11 November 2015

UDC 94 (470.326) «1917/1991»:069.1

REFLECTION OF REVOLUTIONARY EVENTS BY MUSEUM MEANS AS ONE OF ASPECTS OF MUSEUM'S ACTIVITY POLITICIZATION IN 1920–1930-s

Yuliya Valeryevna SCHERBININA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, General and Russian History Department, e-mail: sherbinina8972@gmail.com

Museum as social-cultural institute, acting as socially significant in the region is reviewed. The direct connection of museum's activity with political environment in a definite period of time of country's history, when the formation of new state's social-cultural sphere was happening is shown. Museum in this period was one of organization centers of cultural-enlightening work among the population. The direction of this work defined communist party, which led to establishment of political-enlightening work as basic type of Soviet museums' activity in 1920–1930-s. The aims of creative life organization of country in this period were placed on agitational-propaganda departments of Central Committee of Russian Communist Party(b) and local party committees which had authorities on coordination of all activity in the sphere of culture. Agitation and propaganda department had to become fighting centers of struggle for Marx ideology and ideal influence of the party in mass under the supervision of comrades, having significant Marx preparation. One of main aims of the museum in this period of time was keeping the materials on history of revolutionary movement and October revolution. New authorities made everything to convince the society in relevancy of the revolution and legitimacy of bolsheviks' power. It was necessary to keep the evidence of property exfoliation of Russian society, irreconcilable class struggle of proletariat with bourgeoisie and peasantry with noble – landlords, leading role of Russian Communist Party(b) in the preparation and accomplishing October revolution in 1917. Museums of Tambov province basing on materials of revolutionary departments introduced wide groups with the history of revolutionary movement in Tambov region. The propaganda of party ideology in museums lead to politicization of all activity aimed at keeping and use of historical-cultural heritage.

Key words: Tambov province; political-enlightening institution; museum department devoted to revolutionary past of the region.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-68-74

СВЯЗЬ ВРЕМЕН: ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

УДК 272

РОССИЙСКИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ XIX СТОЛЕТИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ

© Анна Григорьевна ШЕСТАКОВА

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация, аспирант,
кафедра всеобщей истории, e-mail: ashestakova@mail.ru

Проблема взаимоотношений Римско-католической церкви, общества и власти в хронологических рамках XIX столетия привлекала внимание многих специалистов. Конечно, такой интерес к институтам католицизма не был случайным. Бурный, перенасыщенный событиями век революций, развития колониальных империй и становления индустриальной цивилизации в Европе оказал колоссальное влияние на все христианские церкви. Свой вклад в развитие научной дискуссии о современном для них состоянии РКЦ внесли также российские дореволюционные ученые – теологи, правоведы, философы, историки. Причем эта проблема имела для России особенное звучание. Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления взаимоотношений между Россией и Ватиканом, которые на протяжении веков складывались непросто и были тесно связаны с политическими событиями, поскольку Ватикан воспринимался российской общественностью прежде всего как идейный вдохновитель западноевропейских государств. Проанализирован дискурс российских исследований, а также их контекст. Своеобразное отношение российских исследователей к Римско-католической церкви обусловлено спецификой исторического развития России и Западной Европы, расположенных на разных полюсах цивилизационной парадигмы.

Ключевые слова: Римско-католическая церковь; западники; славянофилы; русско-польские отношения; августирианство.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-75-79

Дискуссия относительно места Римско-католической церкви (РКЦ) в судьбе цивилизации развивалась в контексте эпохальных дебатов между западниками и славянофилами, в которых вопрос веры был краеугольным. Не случайно П.Я. Чаадаев (1794–1856), чьи «Философические письма», собственно, и открыли эпоху этого идейного противостояния, определял себя как «христианский философ» и прославился симпатиями к католицизму. Он акцентировал внимание на «чисто исторической стороне» христианства и считал, что именно католицизм является наиболее активным вдохновителем социального (и связанного с ним технологического) прогресса, способствующего «воспитанию человеческого рода», что само собой означало истинность и боговдохновенность католичества [1, с. 49]. О православии же русский

мыслитель был невысокого мнения. «Повинуясь нашей злой судьбе, – рассуждал он, – мы обратились к жалкой, глубоко презираемой этими [западными] народами Византии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания. Волею одного честолюбца¹ эта семья народов только что была отторгнута от всемирного братства, и мы восприняли, следовательно, идею, искаженную человеческою стра-

¹ Имеется в виду патриарх Фотий (около 820–896) и события, известные как «Фотиева схизма» (863–867). Под «Фотиевой схизмой» подразумевается 4-летний раскол единой тогда христианской церкви, вызванный конфликтом между ведущими церковными иерархами – константинопольским патриархом Фотием и Римским Папой Николаем I. Причиной раскола стали притязания Папы на балканские епископии. «Фотиева схизма» считается шагом к окончательному расколу христианства в 1054 г.

стью» [1, с. 48]. В то же время славянофилы (А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, братья К.С. и И.С. Аксаковы), оппонировав П.Я. Чаадаеву и другим западникам (К.Д. Кавелин, Н.В. Станкевич, П.В. Анненков), ставили в заслугу православию именно то устремление, за которое его нередко критиковали, а именно: нестяжательство, обусловленное специфической обращенностью во внутренний мир человека. Этим самым, по мысли славянофилов, и доказывалась боговдохновенность и истинность православия, поскольку нестяжательство заповедано Евангелием: «Царство мое не от мира сего» [2].

Следует оговориться: полемику западников и славянофилов нельзя рассматривать в отрыве от исторического контекста, иначе акценты будут расставлены неверно. Отражение восприятия специфической исторической парадигмы России можно увидеть на страницах одного из крупнейших и популярнейших в XIX в. российского альманаха «Вестник Европы»: «Русский народ, с первых дней своего исторического существования, защищал свою народную и государственную самостоятельность и вселенскую церковь от двух врагов: с одной стороны, от азиатского варварства... с другой – от латинского запада. В этой последней борьбе начинщиком и руководителем был постоянно – Рим» [3, с. 24]. Римско-католическая церковь для российских правителей означала не просто одно из течений христианства, а квинтэссенцию западного мышления. Поскольку Рим справедливо считался идейным вдохновителем западных государств, с которыми у России всегда были непростые отношения, даже обсуждение вопроса о диалоге двух ветвей христианства рассматривалось как посягательство на государственный суверенитет православной страны.

В связи с этим к объединительной, экуменической идее, захватившей все ветви христианства в последней четверти XIX столетия, в России относились с большим подозрением. Эта тенденция для многих подданных Российской империи лишь подтверждала стародавние претензии Ватикана, никогда не оставлявшего попыток распространить свою власть на территорию Восточной Европы. Для православных наиболее ярким свидетельством его агрессивности была

практика униатства¹, распространяемая на западославянских территориях (Польша, Белоруссия, Украина) [4–7]. Одной из конфессиональных уний является Брестская (1596), которая и сегодня не признана православными верующими в качестве легитимной. Со своей стороны, Русская православная церковь (РПЦ) последовательно блокировала «наступательные» попытки Ватикана, действуя не только по догматическим соображениям, но и в связи с тем, что после церковных реформ Петра I она фактически являлась составной частью государственного аппарата Российской империи. Вполне естественно, что правящая элита России не нуждалась в духовном пастыре, находящемся в Риме, к тому же заявляющем о своем верховенстве не только в духовных, но и в светских делах.

Дополнительную остроту полемике придавало то обстоятельство, что Россия на протяжении Нового времени считала себя оплотом православия и гарантом его прав в мире. Синонимом православия в русском сознании было понятие «истинное христианство», эта уверенность отразилась даже в этимологии самого термина «православие» – «правильное учение». Римская же курия воспринималась русским христианским сознанием как «великая блудница», получившая заслуженную кару небесную (в качестве которой можно было рассматривать Великую французскую революцию), в то время как Москва – «Третий Рим» – преуспевала. Показательно, что даже Н.В. Гоголь, влюбленный в Италию и проживший в ней с перерывами почти 10 лет, искренно восхищавшийся Римом, в отношении веры был непреклонен: «...что же касается католичества, – писал он С.П. Шевыреву из Неаполя, – то скажу тебе, что я пришел ко Христу скорее протестантским, чем католическим путем» [8]. Зачем

¹ Церковная уния подразумевала признание главенства Папы и формулы Filioque в обмен на разрешение браков белого духовенства и проведения богослужения на родных языках, при этом восточная обрядность сохранялась. Filioque (лат. «и от Сына») – добавление к латинскому переводу Никео-Цареградского символа веры, принятое Западной христианской церковью в XI в. Суть этого добавления состояла в признании, что Святой Дух исходит не только от Бога Отца, но и от Бога Сына, что категорически отвергается восточными церквями, в т. ч. Русской православной церковью. Принятие Filioque стало формальной причиной разделения единой христианской церкви на западную (Римскую) и восточную (Византийскую) ветви в 1054 г.

же, в таком случае, процветающему «Третьему Риму» было что-то брать от «Рима павшего», не сумевшего использовать свой исторический шанс?

Существенным препятствием в развитии отношений между Россией и Ватиканом в рамках XIX столетия была Польша, значительные территории которой, вместе с католическим населением, в конце XVIII столетия вошли в пределы православной империи. Поначалу, ввиду политической слабости Святого Престола, обусловленной революционными событиями во Франции и политикой Наполеона, римский двор был вынужден следовать в фарватере курса Санкт-Петербурга в «польском вопросе». Далее, на протяжении второй четверти XIX столетия, российский император Николай I являлся гарантом стабильности Венской системы международных отношений, которая выстраивалась на жестком соблюдении принципов реставрации и легитимизма. Поэтому, несмотря на преследования католического духовенства в Польше, в 1832 г. Папа Григорий XVI (1831–1846) осудил участников польского восстания. Такая политическая ситуация сохранялась вплоть до поражения России в Крымской войне (1853–1856). И лишь в 1867 г., после очередного возмущения в Польше (1863) и нового витка русификации, Папа Пий IX (1846–1878) предал анафеме гонения на католическую церковь в Российской империи в энциклике «Levate» (1867).

Со своей стороны, русская общественность считала «польский вопрос» внутренним, «семейным делом» [9, с. 169]. Ее представители и власть обосновывали право распространения православия историческим фактом существования восточного обряда в западных славянских землях задолго до католического. Исходя из этого, присоединение униатских приходов к Русской церкви квалифицировалось как восстановление status quo, нарушенного Брестской унией (1596). В ответ на обвинения в дискриминации католичества из России звучали встречные упреки по поводу двухвековой дискриминации православия в западнославянских землях. То есть, российское общество, хотя и осуждало излишне ретивых светских чиновников, проводивших русификацию Польши, но поддерживало государственную политику в целом, исходя из доктрины «Православие –

Самодержавие – Народность». Российские ученые, писатели, богословы сходились во мнении, что «вековое властолюбие» [10, с. 5] римских первосвященников не оставляет выбора правительству в направлении и средствах сохранения государственного суверенитета и полноты власти на своей территории: «Что же может она [католическая церковь] у нас пропагандировать? Ничего более как папизм, как признание главенства Папы над всею Вселенскою, следовательно, и Русскою церковью, как подчинение русской церкви римскому первосвященнику» [11], «...Папа всю вселенную считает своей областью. <...> По учению Пап и их канонистов... светские государи должны быть только исполнителями его повелений» [3, с. 33, 59]. Одновременно Санкт-Петербург также пытался разыграть «римскую карту» в своих политических играх, стремясь, с одной стороны, использовать ухудшение отношений между Ватиканом и католическими государствами Европы, а с другой – ослабить власть обеих сторон конфликта. Таким образом, проблема исследования РКЦ в России всегда была частью целого клубка сопутствующих политических, экономических и даже социально-психологических дилемм.

Но, несмотря на критические настроения в отношении РКЦ, преобладавшие в России во второй половине XIX столетия, у западной церкви время от времени появлялись защитники. Одним из них был публицист и религиозный философ В.С. Соловьев (1853–1900). Вслед за П.Я. Чаадаевым, он считал римский понтификат «чудотворной иконой вселенского христианства», «евангельской скалой», «могущественным оплотом истины», а самодержавие византийского образца обвинял в «цезарепапизме» и «политическом арианстве» [12, с. 28-29, 32-33, 49]. После публикации его сочинений на страницах российской прессы развернулась бурная дискуссия, в которой оппоненты опровергали высказанные им доводы. В конце концов, самого публициста стали воспринимать как ренегата, предателя национальных интересов и более того – как вероотступника, почти еретика, кощунственно покусившегося на фундамент православной веры.

Особняком в этом споре стоял историк Н.Я. Данилевский (1822–1885), который не разделял славянофильскую идею о русско-

православном мессианстве, но считал при этом западную цивилизацию слишком агрессивной и потому предрасположенной к доминированию. Ученый исходил из положения, что человечество – суть абстракция, в реальности состоящая из многих культурно-исторических общностей, называемых народами [13]. Явный приоритет какого-либо одного историко-культурного типа цивилизации означал бы, по мнению Н.Я. Данилевского, не только существенное обеднение всего исторического процесса в целом, но и предопределял постепенную деградацию этого доминирующего типа, и, как следствие, смерть всей цивилизации в целом.

Необходимо также отметить, что чрезвычайно актуальная во второй половине XIX столетия тема взаимодействия ветвей христианства друг с другом, возможности их совместного сосуществования нередко использовалась некоторыми авторами как повод для написания «политических агиток» – как сторонниками Рима, так и его противниками [14; 15]. Эти произведения также могут быть полезными современным исследователям, однако, только в качестве образцов политической ангажированности.

Резюмируя, российские дореволюционные исследования РКЦ развивались в русле дискуссии о том, стоит ли России развиваться своим собственным путем или примкнуть к западноевропейской цивилизации. Эти споры имели своим истоком особые условия, присущие развитию российской (евразийской) цивилизации. Историческая и политическая конъюнктура поставила Россию и Рим, воспринимавшийся «душой» Западной Европы, друг против друга на разные полюсы цивилизационной парадигмы. С точки зрения геополитики, перманентному состоянию войны между ними – духовной и политической – способствовало географическое положение России, территориально выступавшей «мостом» между Европой и Азией. Но, хотя политика, безусловно, внесла свою лепту, на наш взгляд, политический фактор, равно как и общественная и государственная мифология, являются не причиной, а следствием куда более глубоких противоречий.

Настороженности и даже враждебности по отношению к католицизму способствовала разность менталитетов. Логичный Запад укладывает жизнь социума и отдельных его

представителей в категории иерархичности, права, формальности, в то время как «интуитивный» Восток, с выраженной традицией созерцания и тяготения к мистике, не признает умственного постижения мира и структурирования его на основе одного Разума. На уровне богословия это отражается в борьбе двух теологических учений – теории умопознаваемой Вселенной, принадлежащей Фоме Аквинскому (1225–1274), которая была принята в качестве официальной идеологии Святого Престола в XIX в., и концепции блаженного Аврелия Августина (354–430) о познании Создателя в сотворенной действительности через Откровение. И если Ватикан выбрал неотомизм, то в сочинениях православных деятелей явственно прослеживается тяготение к августицизму. Последнее, в некоторых своих чертах, нашло воплощение в русском старчестве, имевшем значительное влияние в народных массах, даже подчас большее, нежели официальная церковь. Таким образом, «латинская» вера, своим примером показывающая необходимость активности «в мире сем», была настолько далека от русского «народного христианства» с его почитанием старчества, признанием глубокой интимности таинств и истинности лишь «мира высшего», что у нее просто не было шансов «прижиться» в российских условиях. По нашему мнению, в конечном счете, по этой причине экуменические попытки и окончились полным провалом, и именно это обстоятельство необходимо иметь в виду при анализе дореволюционных российских исследований, посвященных РКЦ.

Список литературы

1. *Чаадаев П.Я.* Статьи и письма / сост., вступ. ст. и коммент. Б.Н. Тарасова. М., 1989.
2. Евангелие от Иоанна. 18:36.
3. *Попов А.* Последняя судьба папской политики в России (1845–1867 гг.) // Вестник Европы. 1868. № 1. С. 23–119.
4. *Березин Л.Б.* Краткий очерк истории унии в Далмации // Христианское чтение. 1875. № 4–5. С. 368–417.
5. *Коялович М.О.* Люблинская уния, или последнее соединение Литовского княжества с Польским королевством на Люблинском сейме в 1569 г. СПб., 1863.
6. *Коялович М.О.* Литовская церковная уния. СПб., 1895.

7. Коялович М.О. История воссоединения западнорусских униатов. Мн., 1998. (Репринтное издание)
8. Гоголь Н.В. Письмо С.П. Шевыреву из Неаполя от 11 февраля 1847 г. URL: <http://www.tululu.org/read15497/101/> (дата обращения: 19.10.2015).
9. Пушкин А.С. Письмо П.А. Вяземскому от 1 июня 1831 года // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. / под ред. Л.Л. Домгер, Н.В. Измайлова, Б.Л. Модзалевского, Д.П. Якубовича. Москва; Ленинград, 1941. Т. 14. Переписка, 1828–1831.
10. Спичаков Л. Православие и римское католичество на западной окраине России. М., 1872.
11. Аксаков И. Против национального самоотречения и пантеистических тенденций, высказывавшихся в статьях В.С. Соловьева // Русь. 1884. № 6-7.
12. Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. М., 1911.
13. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
14. Н-ий С. Римский вопрос и итальянское единство. СПб., 1872.
15. Скроховский К.О. Начало конца римского католицизма и папства. СПб., 1900.
5. Koyalovich M.O. *Lyublinskaya uniya, ili poslednee soedinenie Litovskogo knyazhestva s Pol'skim korolevstvom na Lyublinskom seyme v 1569 g.* St. Petersburg, 1863.
6. Koyalovich M.O. *Litovskaya tserkovnaya uniya.* St. Petersburg, 1895.
7. Koyalovich M.O. *Istoriya vossoedineniya zapadnorusskikh uniatov.* Minsk, 1998. (Reprintnoe izdanie)
8. Gogol' N.V. *Pis'mo S.P. Shevyrevu iz Neapolya ot 11 fevralya 1847 g.* Available at: <http://www.tululu.org/read15497/101/> (accessed 19 October 2015).
9. Pushkin A.S. *Pis'mo P.A. Vyazemskomu ot 1 iyunya 1831 goda.* *Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochineniy: v 16 t.* Moscow; Leningrad, 1941, vol. 14, Perepiska, 1828–1831.
10. Spichakov L. *Pravoslavie i rimskoe katolichestvo na zapadnoy okraine Rossii.* Moscow, 1872.
11. Aksakov I. *Protiv natsional'nogo samootrecheniya i panteisticheskikh tendentsiy, vyskazyvavshikhsya v stat'yakh V.S. Solov'eva.* *Rus'*, 1884, no. 6-7.
12. Solov'ev V.S. *Rossiya i Vselenskaya tserkov'.* Moscow, 1911.
13. Danilevskiy N.Ya. *Rossiya i Evropa.* Moscow, 1991.
14. N-iy S. *Rimskiy vopros i ital'yanskoe edinstvo.* St. Petersburg, 1872.
15. Skrokhovskiy K.O. *Nachalo kontsa rimskogo katolitsizma i papstva.* St. Petersburg, 1900.

References

1. Chaadaev P.Ya. *Stat'i i pis'ma.* Moscow, 1989.
2. *Evangelie ot Ioanna.* 18:36.
3. Popov A. *Poslednyaya sud'ba papskoy politiki v Rossii (1845–1867 gg.).* *Vestnik Evropy*, 1868, no. 1, pp. 23-119.
4. Berezin L.B. *Kratkiy ocherk istorii unii v Dalmatsii.* *Khristianskoe chtenie*, 1875, no. 4-5, pp. 368-417.

Поступила в редакцию 19.11.2015 г.
Received 19 November 2015

UDC 272

RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY RESEARCHES OF ROMAN CATHOLIC CHURCH IN THE CONTEXT OF HISTORY AND POLITICS IN XIX CENTURY

Anna Grigoryevna SHESTAKOVA

Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russian Federation, Post-graduate Student, General History Department, e-mail: ashestakova@mail.ru

The problem of relations between the Roman Catholic Church, the society and the authorities in the chronological framework of XIX century attracted the attention of many specialists. Of course, such an interest in the institutions of Catholicism was not accidental. The stormy and oversaturated events century of the revolutions, the colonial empires and the formation of industrial civilization in Europe has had a tremendous influence on all Christian churches. Pre-revolutionary Russian scientists – theologians, philosophers, historians, jurists – contributed to the scientific discussion about the current state of the Roman Catholic Church. Moreover, this problem was Russia's special sound. Relevance of the topic is caused by the necessity of understanding the relationship between Russia and the Vatican, which for centuries were not easy – they were closely linked to political events because Russian public interpreted Vatican primarily as an inspirer of the Western European states. The discourse of Russian studies as well as their context is analyzed. The peculiar attitude of Russian researchers to the Roman Catholic Church linked to the specific historical development of Russia and Western Europe, located at opposite ends of civilizational paradigm.

Key words: Roman Catholic Church; Westernizers; Slavophiles; Russian-Polish relationship; Augustinianism.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-75-79

УДК 94(510+47):325.27

КИТАЙСКИЕ РАБОЧИЕ В РОССИИ КАК ЗНАЧИМАЯ СИЛА В РАСПРОСТРАНЕНИИ МАРКСИЗМА¹

© Цао Байин

Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, Китайская Народная Республика,
доктор исторических наук, профессор,
e-mail: caobaiying6688@126.com

© Нин Яньхун

Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, Китайская Народная Республика,
главный научный сотрудник, начальник отдела пропаганды парткома,
e-mail: hhxynyh@163.com

Актуальной темой исследования сегодня является вопрос о жизни и деятельности китайских мигрантов в России в различные исторические периоды. Это проблемное поле представляется чрезвычайно важным для исследования, т. к. пребывание мигрантов на территории другого государства неизменно обуславливает тесное взаимодействие народов и цивилизаций, что, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на дальнейшее развитие двусторонних отношений на разных уровнях. В первой четверти XX в. в Китае идет быстрое распространение марксистских идей, что происходит, прежде всего, под влиянием революционных процессов в России, а значимой силой в распространении идей марксизма стали китайские рабочие, трудившиеся во многих регионах России. Дальнейшие их судьбы и жизненные пути были различны, но так или иначе практически все они оказались тесно связаны с китайской революцией и трансформационными процессами в китайском обществе середины XX в. Обоснована неизбежность широкой поддержки китайскими мигрантами российских революционных идей, доказана очевидность выбора китайскими рабочими пути активного участия в революционных преобразованиях в России и Китае, проанализирована степень их вовлеченности в распространение марксизма по возвращении на родину.

Ключевые слова: китайские рабочие; марксизм; китайские мигранты в России; Октябрьская революция; межкультурное взаимодействие.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-80-88

История российско-китайских отношений насчитывает уже 400 лет. За эти несколько столетий контакты и связи между Россией и Китаем непрерывно развивались, был накоплен богатый опыт взаимодействия и сотрудничества. Изучение различных направлений и аспектов российско-китайских взаимоотношений представляет собой солидный пласт научных исследований, тем не менее, в этой области остается еще целый ряд вопросов, нуждающихся в рассмотрении.

Одним из таких вопросов является проблема восприятия революционного опыта и идей марксизма китайскими подданными, находившимися в России и затем вернувшимися обратно на родину. Это были, прежде всего, китайские рабочие, с помощью труда которых осуществлялось строительство и разработка промышленных и инфраструк-

турных объектов царской России. Находящийся к началу XX в. в статусе полукOLONиальной страны Китай с энтузиазмом воспринял марксистские идеи, с живостью откликнулся на революционные события в России. «В истории двух государств, России и Китая, прошли революционные волны: революция 1905 г., Синьхайская революция 1911 г., Октябрь 1917 г. – эти важнейшие события повторялись через шестилетние промежутки», – замечает китайский историк Лю Чжицин [1, с. 14].

Одним из значимых акторов в распространении марксизма в Китае стали китайские мигранты. В целом, вопрос участия китайцев в революционном движении на российской территории разрабатывался в советской / российской (И.И. Бабичев, Н.А. Попов, А.Н. Хейфец, Л.И. Жаров, В.М. Устинов, В.Г. Дацышен, О.В. Залеская и др.) и китайской (Ли Сяньжун, Юй Хунцзюнь, Ли Юйчжэнь, Линь Цзюнь, Жэнь Гуйсян, Гао Цзиншань, Хуан Ли, Го Юань и др.) исто-

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского гранта провинции Хэйлунцзян «Начальный период китайской эмиграции и распространение марксизма в Китае» (14B036).

риогрфии, однако назрела необходимость провести обобщения в данном концептуальном поле, сделать выводы, наметить перспективы дальнейшего изучения темы. Авторы данной статьи, построенной в значительной степени на китайских источниках и архивных материалах, ставят перед собой следующие задачи: проанализировать численность китайских рабочих в России до Октябрьской революции, охарактеризовать готовность китайских мигрантов к восприятию революционных идей, рассмотреть степень участия китайских трудящихся в революционных преобразованиях в России и Китае, дополнить уже имеющиеся сведения новыми фактами о передовой деятельности китайцев в распространении марксизма в России и Китае.

Распределение китайских эмигрантов по российским регионам и их количество.

С 1860 г. в России началось интенсивное освоение Дальнего Востока и привлечение туда переселенцев. Это обусловило сосредоточение внимания правительства на Приамурской области и Приморском крае, которые испытывали острую нехватку рабочей силы для строительства различных объектов и сельскохозяйственного освоения. Из-за близости Дальнего Востока к северо-восточной части Китая российские власти и хозяева частных предприятий, чтобы восполнить недостаток рабочей силы, начали масштабные вербовки китайских рабочих. Дальний Восток России стал основным регионом, куда прибывали в поисках работы китайские подданные. В середине 70-х гг. XIX в. российские подрядчики подписали трудовые договора и набрали первую партию рабочих из провинций Чжили и Шаньдун в количестве 150 человек [2, с. 53]. Китайские рабочие выгодно отличались от русских такими качествами, как трудолюбие, бережливость, выносливость, соблюдение местных законов, равнодушие к алкоголю, хорошее знание своего дела. Они могли быть не только столярами, каменщиками, кузнецами, но и овладели навыками плотников, кровельщиков, печников, маляров. Поэтому российские власти приступили к найму китайских рабочих для участия в таких крупных проектах, как строительство Транссибирской магистрали и Владивостокского порта. Видя успешные результаты использования китайского труда государственными предприятиями,

частные предприниматели также стали нанимать китайских рабочих. Таким образом, китайских рабочих стали повсеместно использовать на российском Дальнем Востоке в качестве основной рабочей силы.

В 1891 г. в России началось строительство Транссибирской магистрали. Несмотря на то, что в ходе этого строительства использовался принудительный труд русских ссыльных, в целях скорейшего завершения проекта российские власти приняли решение нанять значительное количество китайских рабочих. Кроме того, Дальнему Востоку требовались сотни тысяч и даже миллионы рабочих рук для осуществления таких трудоемких проектов, как сооружение Николаевского и Владивостокского портов и Уссурийской железной дороги, разработка крупных золотоносных районов, строительство городов и сел, прокладка дорог, создание местной промышленности и базы для сельского хозяйства, строительство инфраструктуры, военных сооружений и лагерей. В связи с этим началось крупномасштабное привлечение китайских рабочих. Только в провинции Шаньдун Россия ежегодно нанимала свыше 10 тыс. китайских подданных. В официальном правительственном органе «Гуаньшу цзюйбао» в 1898 г. отмечалось, что «за последние годы в Восточный Китай прибывает все больше китайского населения из внутренних районов Китая. По результатам паспортного учета, в 1895 г. прибыло около 16,5 тыс. человек, в 1896 г. – свыше 35 тыс. человек, в 1897 г. число возросло до 70 тыс. человек. Причина такого значительного увеличения заключается в возросшей необходимости в рабочих на интенсивных стройках Владивостока» [3, с. 52]. Генерал-губернатор Приамурской области П.Ф. Унтербергер признавал, что большая часть работ на строительстве железных дорог в крае была выполнена китайскими подданными. Китайцы работали практически везде: они не только копали землю, но и строили мосты, станционные сооружения, казармы, охранные посты и т. д.» [4, с. 211].

В начале XX в. правительство России находилось в трудном положении. В Россию пришел мировой финансовый кризис, в различных отраслях услуг наблюдалась нехватка обслуживающего персонала. Возрос промышленный спрос на рабочую силу. С увеличением количества различных проектов

масштаб и сферы занятости для китайских рабочих также расширились. По данным Яньтайской таможни, только за 1907 г. из Яньтая во Владивосток было отправлено от 60 до 70 тыс. китайских рабочих. В 1906 г. русское консульство в Цицикаре выдало 155078 виз китайцам, которые прибыли на территорию российского Дальнего Востока. В это время на Дальнем Востоке уже находилось по меньшей мере 550 тыс. китайских рабочих. В 1910 г. во Владивостоке насчитывалось 150 тыс. китайских мигрантов, которые составляли 12 % от общей численности населения в дальневосточном регионе; этот процент соотношения русского населения и китайских подданных стал, вероятно, самым высоким за всю историю пребывания китайских мигрантов в дальневосточном регионе.

Во время Первой мировой войны большое количество русской рабочей силы было призвано в армию. Это привело к недостатку рабочей силы внутри страны и экономическому спаду. В 1915 г. Россия стала активно вербовать китайских рабочих, и в 1916 г. численность наемных китайских рабочих достигла своего пика. Во время Первой мировой войны русские власти и частные предприниматели несколько раз организовывали крупномасштабные вербовки китайских рабочих, в ходе которых было завербовано от тысячи до десятков тысяч китайских кули. Наиболее масштабными стали две вербовки 1915 г.: представитель «Восточно-Иркутского мукомольного товарищества» Г.Б. и Д.Е. Дризиных в Мукдене нанял более 8 тыс. китайских эмигрантов, а также представитель Чанчуньской компании «Ичэн» Чжоу Мянью подписал договор с русской заготконторой о найме 20 тыс. китайских мигрантов. Кроме того, по поручению главного инженера Алапаевской фабрики Семенова, китаец из города Хайчэн Хэ Гочжун в Мукдене нанял 1203 китайских рабочих; русский агент Зайченко и китаец Си Цзинъань заключили договор найма 1600 китайских рабочих в Мукдене; русские агенты подписали договор с китайскими купцами Чжаном Баожанем и Люй Таем о найме 4000 китайских рабочих в разных городах – Тяньцзине, Яньтае, Гирине, Чанчуне, Ашихэ, Нинъане, Хайлине, Мукдене, Инкоу, Аньдуне, Нунъане, Телине, Сиане и т. д. Русский агент Поносов и китайцы Ван Тунвэнь, Ян Сун заключили договор о наеме

1000 китайских рабочих в Гирине, Шуанчэне и Харбине; русский представитель Котярников и китайский подданный Ван Цзолинь заключили договор о вербовке 2000 китайских рабочих в Тяньцзине [5]. Мы привели только несколько наиболее известных примеров, не учтенными остается большое количество случаев найма китайских рабочих, не зафиксированное в документах.

Очевидно, что точные цифры численности китайских рабочих в России во время Первой мировой войны определить не представляется возможным. По имеющимся китайским данным, в Россию было ввезено всего 150 тыс. китайских рабочих, из них 50 тыс. были направлены на фронт. В 1916–1917 гг. только из провинции Шаньдун в Северо-Восточный Китай для последующей вербовки приехало 160 тыс. человек. По данным российских историков, во время Первой мировой войны Россия наняла 200–300 тыс. рабочих из Китая. Правительство царской России более 30 раз отправляло китайских рабочих на фронт; общая их численность составила около 80 тыс. человек. По данным Союза китайских граждан в России, с лета 1917 г. до декабря того же года Россия набрала более 100 тыс. рабочих из Китая. В Хэлуцзянском «Вестнике по делам мигрантов» обращалось внимание на то, что «за несколько лет на протяжении Первой мировой войны численность китайских рабочих и торговцев уже насчитывает 502621 человек... и это еще за исключением огромного количества неофициальных данных». В Шаньдунском «Вестнике по делам мигрантов» отмечалось, что в России насчитывается всего 500 тыс. китайских рабочих, в т. ч. и 440 тыс. человек из провинции Шаньдун.

Во время Первой мировой войны китайские рабочие работали на стройках, золотых рудниках, угольных шахтах и лесосеках. Они в основном трудились на железных дорогах Мурманска, Уральских рудниках, угольных шахтах Донбасса, на вырубках леса в Белорусии и Карелии, на золотых и угольных рудниках на Дальнем Востоке. Китайцы занимались тяжелым физическим трудом, копали окопы, выполняли полевые работы, трудились на заводах. Повсеместно на фабриках Москвы, Петрограда, Екатеринбурга и других городов можно было увидеть китайских рабочих. Многие были отправлены на линию

фронта. Таким образом, китайские рабочие попали в разные регионы России, в основном они, конечно, находились в Сибири и Дальнем Востоке (при этом большинство из них оставалось в Амурской области и Приморском крае). В Приамурье и Приморье их насчитывалось наибольшее количество человек, остальные работали в Забайкалье, европейской и среднеазиатской частях России. Китайские рабочие трудились в разных городах и поселках и даже на далеком Сахалине и Командорских островах в северной части Тихого океана.

Китайские рабочие как самые первые агитаторы марксистских идей.

С конца XIX в. и до начала Первой мировой войны сотни тысяч китайских рабочих трудились на железных дорогах Мурманска, Уральских рудниках, угольных шахтах Донбасса, на вырубках леса в Белоруси и Карелии, работали на заводах в Петрограде, Екатеринбурге, Одессе, Луганске, Мариуполе и других городах. Их условия жизни были крайне суровы. При отсутствии какой-либо охраны труда и медицинской помощи они работали полный день, зачастую без выходных и праздников, подвергаясь жестокой эксплуатации со стороны надсмотрщиков, переводчиков и иных посредников. Китайским рабочим платили очень мало, так что они с большим трудом сводили концы с концами. Не выдерживая жестокой эксплуатации, они включались в борьбу за свободу, требуя повышения заработной платы и улучшения условий жизни и труда. С 1915 г. вплоть до Октябрьской революции постоянно происходили выступления китайских мигрантов с требованиями изменить их рабское положение и соблюдать права и свободы. Так, только в 1916 г. в России шесть раз возникали крупные волнения китайских рабочих. В ноябре 1915 г. на Уральском руднике Губаха работали 17 тыс. китайских рабочих. Хозяин рудника князь С.С. Абамелек-Лазарев был жестоким эксплуататором. Он заставлял китайских рабочих заниматься тяжелым трудом, плохо кормил их и бесчеловечно истязал. Чтобы освободиться от рабского положения, китайские рабочие, объединив силы, в декабре 1915 г. не вышли на работу и разрушили контору рудника. В мае 1916 г. 2600 китайских рабочих в Алапаевском руднике выступили с протестом, требуя повышения

заработной платы, улучшения условий жизни и труда. После отказа хозяев выполнить их справедливые требования все китайские рабочие провели забастовку. В августе 1916 г. харбинский подрядчик Линь Цзинь нанял 580 китайских рабочих на работу в лесосеках № 72 на железных дорогах Александровска. Терпя голод и лишения, китайские рабочие были вынуждены начинать работу еще в темноте. Вследствие снижения заработной платы более 400 китайских рабочих атаковали контору начальства с топорами в руках.

После Февральской революции положение китайских рабочих не изменилось к лучшему. В России сохранялась исключительно неблагоприятная внутриполитическая ситуация. Заводы один за другим закрывались. Массы китайских рабочих остались без работы и потеряли источник своих заработков, пусть даже очень скромных. Часто происходили убийства китайских мигрантов белогвардейцами. В газете «Правда» от 28 марта 1919 г. имеются сведения о том, что в начале февраля в Мелитополе белогвардейцы совершили убийство более 50 китайцев из провинций Хубэй и Шаньдун, в т. ч. 11 женщин и детей [1, с. 24-26].

Китайские рабочие в России с энтузиазмом восприняли известие о победе Октябрьской революции. В 1916 г. китайцы Лю Фучэнь и Фэн Цзофа из Петроградского судостроительного завода первыми записались в Красную гвардию. Они принимали участие во взятии Зимнего дворца и вступили в большевистскую партию. В ноябре 1917 г. китайцы Цзю Шаньван, Тун Лифан, Лю Баошань и многие другие вступили в Московскую Красную гвардию. После создания Красной гвардии в Минске более 3000 китайских рабочих близлежащих лесосек записались в Красную гвардию, которая впоследствии была переименована в Красную армию. Активно вступали в Красную армию китайские рабочие в Петрограде, Москве, Перми, Владикавказе, Петрозаводске и других городах.

Гражданская война 1918–1920 гг. прочно связала китайских рабочих с народом Советской России. Они восприняли Советскую Россию как свою вторую родину, а советских рабочих – как своих классовых соратников. Тысячи и тысячи китайских трудящихся поднимали оружие на борьбу. В феврале

1918 г. в Петрограде родился первый национальный полк Рабоче-крестьянской Красной армии, состоявшей из китайцев, финнов, немцев, чехов и десятков других интернациональных коммунистических воинов. Третья рота первого батальона состояла полностью из китайцев [6, с. 38-39].

Отряды китайцев-красноармейцев объединили китайских бедняков. Огромное количество китайских рабочих из лесосек и золотых рудников вступили в Красную армию. Например, на рудниках Донбасса свыше 70 % китайских рабочих добровольно вступили в Украинскую армию, а остальные – в Красную гвардию.

В отрядах китайцев были организованы партийные ячейки. Одна рота насчитывала примерно десятки китайских мигрантов-коммунистов. В отрядах широко распространялась газета «Китайский рабочий» и брошюры на китайском языке. Советская Россия уделяла большое внимание просвещению китайских рабочих, создавая школы и клубы, организуя политзанятия на китайском и русском языках. Повышая политическое сознание и военное мастерство, китайские бойцы обучались маршировать и стрелять, а в свободное время занимались русским языком.

В 1919–1920 гг. китайские отряды в основном входили в состав 3-й, 4-й, 5-й армий Восточного фронта Красной армии Советской России; в состав 10-й и 11-й армий Южного фронта; в состав 6-й и 7-й армий Северо-Западного и Северного фронтов. Представляется затруднительным назвать точные цифры китайских рабочих, вступивших в Красную армию после Октябрьской революции, но, по крайней мере, более 200 тыс. китайских рабочих в Советской России подняли оружие в защиту Советской власти.

Рабоче-крестьянская Красная армия Советской России в своем составе насчитывала 3 полка, 5 батальонов и 7 рот китайских мигрантов. Появилось много выдающихся командиров, таких как Бао Цисань, Сунь Цзиу, Жэнь Фучэнь, Сунь Фуюань и т. д. Много бойцов посвятили всю свою жизнь делу революции. Так, чтобы освободить г. Гомель, героически погибли все китайские бойцы целого отряда, они так отчаянно сражались, что трупы нельзя было опознать; горожане Гомеля торжественные похоронили павших. На станции Волосово Ленинградской облас-

ти похоронены 9 китайских павших, которые отдали жизнь за Советскую Россию. В 1919 г. для увековечивания памяти китайских погибших бойцов в Тирасполе местные жители поставили памятник на месте их боев. В июне 1919 г. на Морозовском вокзале была жестокая битва, и в память о погибших китайских бойцах советское правительство построило памятник в Морозовске. Восемнадцать китайских павших, погибших в бою под Новохоперском, похоронены в д. Алфировка [7, с. 37-38]. Имена многих героически погибших китайских бойцов неизвестны, сохранились только фамилии.

Китайские рабочие в России – значимая сила в распространении марксизма.

В 1917 г. китайцы, учившиеся в России, – Лю Вэнь, Чжан Юнкуй, Чжу Шаоян, Инь Дэшань, И Личунь, Ли Баотан (со своей сестрой Лю Цзюань) – во главе с Лю Цзэжуном основали в Петрограде Союз китайских граждан в России. 18 апреля 1917 г. было организовано первое собрание Союза, где был обсужден и принят «Устав Союза китайских граждан в России», создан исполнительный комитет из 15 человек. Впоследствии этот Союз был переименован в «Союз китайских рабочих в России». Лю Цзэжун был назначен на должность председателя исполкома Союза. Он был уполномочен на ведение дел по защите интересов китайских рабочих в России. Заместителем председателя был назначен Чжан Юйчуань, он стал работать в редакции газеты «Китайский рабочий» и отвечать за пропаганду. 15 декабря в газете «Правда» было опубликовано известие о создании «Союза китайских рабочих в России»: «Все китайские граждане объединились в один единый Союз китайских рабочих, где насчитывается 40–60 тыс. рабочих. Он не принадлежит к числу профессиональных союзов. Цель его создания – в масштабной пропаганде революции...». В газете «Правда» также отмечалось, что Союз китайских рабочих в России обратился к китайскому народу со следующими словами: «Судьба присоединила китайских рабочих в России к авангарду мировой революции». Очевидно, что, в отличие от Союза китайских граждан в России, Союз китайских рабочих в России уже превратился в политическую организацию с целью пропаганды ре-

волюции, — изменилась сама сущность его деятельности.

Союз китайских рабочих в России способствовал развертыванию движения китайских рабочих в России. Вплоть до июня 1920 г. в Союзе уже насчитывалось более 50 тыс. членов, отделения Союза были созданы в Петрограде, Москве, Киеве, Самаре, Екатеринбурге, Вятке, Ташкенте, Челябинске, Омске, Тюмени, Томске, Красноярске, Иркутске, Новониколаевске и других городах. Впоследствии под влиянием Союза стали создаваться местные организации китайских рабочих в Благовещенске, Чите, Мурманске, Перми, Верхнеудинске, Оренбурге, Хабаровске, Владивостоке и т. д. [8, с. 45-47].

Союз китайских рабочих в России встал во главе китайских рабочих и принимал участие в революционной борьбе Советской России, что способствовало скорейшему знакомству китайских рабочих с марксизмом. На фоне увеличения численности китайских рабочих в Красной армии важным средством массовой информации и пропаганды революционных идей (особенно на Восточном фронте) стала газета. Военные власти Советской России были уверены в необходимости издавать периодическое издание на китайском языке для китайских бойцов, поэтому Союз китайских рабочих в России приступил к работе над «Люйэ хуагун датунбао» («Газетой китайских рабочих в России»). 22 апреля 1920 г., в день рождения В.И. Ленина, Лю Цзэжун от имени всех китайских рабочих в России написал и напечатал соответствующее поздравление в «Люйэ хуагун датунбао», выразив мечту китайского народа об Октябрьской революции и глубокую любовь к товарищу В.И. Ленину. В «Люйэ хуагун датунбао» были опубликованы «Декларации Карахана», письма Сун Ятсену от наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, известия об освобождении Иркутска Красной армией. Данная газета уже стала значимой площадкой пропаганды ленинизма Союзом китайских рабочих в России. Союз китайских рабочих в России как организация пролетариата активно и широко пропагандировал революционные идеи. Созданная в Петрограде в октябре 1918 г. еженедельная газета «Китайский рабочий» поставила своей целью распространение идей коммунизма, подчеркивая, в частности: «Мы должны про-

водить пропагандистскую деятельность в России и Китае, сотрудничая с правительством рабочих и крестьян» [9]. По имеющимся данным, «Чжан Юйчуань стоял во главе пропаганды большевизма в России. Китайские рабочие выступали в роли коммунистов с речами в целях распространения коммунистических идей в Китае. Это явление росло и ширилось, превращаясь в неуправляемый процесс» [7, с. 187-193]. С началом издания газеты «Китайский рабочий» газета «Люйэ хуагун датунбао» также начала издаваться по всей России; впоследствии она была переименована в «Датунбао», что означает «великое единение». Цель создания газеты состояла в призыве и вдохновении рабочего класса Китая и всего китайского народа на революционную борьбу против империализма. Ежемесячно выходило 2 номера, тираж каждого номера составлял 2000–3000 экземпляров, которые отправлялись в войсковые соединения Советской России [10, с. 314]; за пределами фронта газета была редким печатным изданием. В 1919 г. в газете «Датунбао» впервые был напечатан перевод «Декларации Карахана», ставшей первым программным документом Советской России, направленным китайскому правительству. Он вызвал настоящий ажиотаж в среде китайских рабочих и породил целую волну по вступлению многих из них в ряды Красной армии. В то же время Союз китайских рабочих и его местные отделения активно печатали различные газеты на китайском языке, такие как «Хуагун шибао» (4 номера ежемесячно) [11], «Чжэньдунбао», «Коммунистическая звезда», «Пробуждение китайских рабочих» (издавалась в Чите, 2 номера ежемесячно), «Социальный набат» и «Рабочий путь» (в Амурской области) и др. В частности, в пятом номере газеты «Пробуждение китайских рабочих» была помещена статья «Трудящиеся, вставайте!», где была вскрыта сущность капиталистической эксплуатации, китайских рабочих агитировали активнее подавать заявления на вступление в партию, объединяться и вместе противостоять угнетению и эксплуатации капиталистов.

Союзом китайских рабочих были переведены на китайский язык произведения В.И. Ленина и другие революционные книги; они были опубликованы в различных газетах и брошюрах и широко распространялись в

кругу китайских рабочих. В то же время в среде китайских рабочих появлялись коммунистические организации, например, Центральное организационное бюро (ЦОБ) китайских коммунистов в России. С одной стороны, ЦОБ взяло на себя связь с центральным комитетом РКП(б), проведение революционной работы среди китайских рабочих в России, а с другой стороны, оно осуществляло контакты с Исполнительным Комитетом Третьего Коминтерна в целях изучения процесса развертывания революционной работы в Китае и последующего создания коммунистической сети по всему Китаю. Позже ЦОБ переехало в г. Чита, близость расположения которого к Северо-Востоку Китая способствовала распространению марксизма на приграничных китайских территориях [8, с. 49].

Еще в период строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) среди китайских и русских рабочих была начата большевистская пропаганда, озвучивалась идея необходимости объединения рабочего класса и формирования у него классового сознания, а также идея о всеобщем равноправии и введении восьмичасового рабочего дня. В 1904 г. для пропаганды марксизма в северо-восточные регионы Китая активно прибывали большевики. Под их руководством китайцы вступали в большевистские организации, в частности, в 1908 г. Жэнь Фучэнь из г. Телин провинции Ляонин стал первым человеком, вступившим в большевистскую организацию. После его знакомства с активистами РСДРП он начал изучать революционную теорию пролетариата и поверил в марксизм, затем вступил в РСДРП, начал работу по агитации за революционные идеи пролетариата. В том же году он тайно вступил в большевистскую партию, которую китайские простые люди называли «партией бедняков», и начал заниматься революционной деятельностью. В конце 1914 г. в Харбине русские компании наняли 2000 китайских рабочих на добычу руды и вырубку лесов на Урале. Тогда Жэнь Фучэнь был начальником Харбинского налогового управления. Он, выполняя государственный приказ, сопровождал 2000 китайских рабочих в Россию в качестве китайского дипломатического чиновника и начальника этой партии рабочих. Жэнь Фучэнь начал тайно созывать собрания среди китайских рабочих и спланировать их,

разъяснял суть ленинских работ и пропагандировал революционные идеи, переводил листовки с русского языка на китайский язык и распространял их среди китайских рабочих. Все это было чрезвычайно значимо для повышения идейного сознания рабочих. По вечерам Жэнь Фучэнь собирал наиболее сознательных китайских солдат, рассказывая им о принципах коммунизма. Новость об Октябрьской революции имела на него сильное влияние; он перевел русскую газету с этим известием на китайский язык и выразил свои надежды в следующих словах: «Советская Россия сегодня – это Китай завтра». В начале 1918 г. под влиянием ленинского призыва «Все для фронта» Жэнь Фучэнь организовал более 1500 китайских горнорабочих и создал китайский полк [7, с. 181-185].

В целом же, немало китайских рабочих созрели в идейном плане именно на русской земле. Это, например, Сунь Фуюань, который родился в бедной семье командиров приграничной охраны на Северо-Востоке Китая. В молодости он уже участвовал в китайском национально-освободительном движении, по прибытии в Россию пополнил ряды сочувствующих большевизму и вступил в большевистскую партию. В начале 1918 г. на заседании Тираспольского военно-революционного комитета он выступил с предложением создать китайский батальон, и это предложение получило поддержку участников заседания. Сунь Фуюань взялся за формирование китайских отрядов. Он анализировал текущую военную обстановку в России и объяснял суть власти Советов массам китайских рабочих. Как представитель прогрессивной молодежи, он призывал соотечественников принять марксизм, чтобы они не превратились в пассивных наблюдателей происходящих событий, а подняли оружие на сопротивление, вступили в борьбу за свободу, равенство и свою судьбу, в защиту побед Советской власти.

Строительство КВЖД заметно повысило стратегическое положение и ценность Северо-Восточного Китая. Туда широким потоком хлынул капитал, но в то же время и обострились общественные противоречия. Одно за другим возникали волнения в среде народных масс. Большевики и прогрессивные деятели, такие как Л.М. Карахан, Б.З. Шумяцкий и другие прибывали в Северо-Вос-

точный Китай и возглавляли рабочее движение. Вдоль линии КВЖД (в Чанчуне, Харбине, Суйфэньхэ, Хайларе, на станции Сянфан) были созданы большевистские организации и профсоюзы, возглавлявшиеся русскими. Под руководством большевиков китайские трудящиеся – продавцы, официанты, портные, часовщики, работники мукомольных и заводов – создавали профсоюзы, а китайские рабочие полосы отчуждения КВЖД начали организовывать забастовки и митинги, выпускать и распространять революционные газеты и листовки, участвовать в выборах, разворачивать революционную деятельность среди прогрессивной молодежи, – иными словами, стали распространять марксизм на практике. Рабочий слой полосы КВЖД состоял из русских рабочих и инженеров, а также значительного количества китайских мигрантов, ранее побывавших в России. Китайские рабочие получали сведения об Октябрьской революции и Февральской революции, черпая информацию в книгах, газетах, радио. Социально-политическая и экономическая обстановка и условия жизни рабочего класса в новой России широко распространялись и обсуждались в полосе КВЖД. Таким образом, КВЖД стала значимой территорией распространения марксизма.

Итак, деятельность китайских рабочих – бывших китайских мигрантов в России – способствовала быстрому распространению марксизма в Северо-Восточном Китае и увеличению количества передовых отрядов рабочих Северо-Восточного Китая. Китайские рабочие в этот период стали основными агитаторами марксизма. Советское руководство, ориентировавшееся на осуществление мировой социалистической революции, предполагало использовать китайских мигрантов, к Октябрю 1917 г. находившихся на советской территории, как участников грядущих классовых битв. В соответствии с принципами советской национальной политики они имели равные с гражданами советского государства права. Для обеспечения их интересов и прав учреждались различные организации, объединявшие китайских подданных в России и защищавшие их чаяния. Китайские мигранты действительно стали полноправными гражданами советского государства; их активное участие в политических процессах в Советской России способствовало углубле-

нию и расширению двустороннего межкультурного взаимодействия, взаимовлиянию культур народов соседних стран. В создании китайских мигрантов формировался образ России, что по возвращении китайских подданных на родину оказывало влияние на дальнейшее восприятие ими происходивших в России социально-политических и экономических процессов [8, с. 311–312]. Таким образом, их возвращение из России в Китай оказало непосредственное влияние на распространение марксизма в Северо-Восточном Китае, способствовало строительству партийных организаций в приграничных регионах и, в целом, формированию нового мышления и нового идейного сознания китайского народа.

Список литературы

1. Лю Чжицин. Размышления после периодов симпатий и антипатий – китайско-советские отношения за 70 лет. Цзинань, 1998. (На кит. яз.)
2. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России: 1850–1920 гг.: пер. на кит. яз. // Вестник Исследовательского Института новой истории при Центральной исследовательской академии Тайваня. 1995. № 24. Ч. 2.
3. Записи о хронологических событиях в Китае и за границей. Свод «О переговорах» (раздел «Численность китайских граждан в России»). Пекин, 1898. (На кит. яз.)
4. Унтербергер П.Ф. Приморская область: 1856–1898 гг. Очерк: пер. на кит. яз. Пекин, 1980.
5. Собрание сведений о статусе китайских рабочих в России за 1916 г. // Айгунский архив, г. Хэйхэ, пров. Хэйлунцзян.
6. Попов Н.А. Они с нами сражались за власть Советов. Китайские добровольцы на фронтах гражданской войны в России (1918–1922): пер. на кит. яз. Л., 1959.
7. Жэнь Гуйсян. Китайские мигранты и китайская демократическая революция. Пекин, 2007. (На кит. яз.)
8. Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009.
9. Сетевой форум СМИ китайской культуры китайских эмигрантов. URL: <http://www.chinaqw.com> (дата обращения: 16.05.2015).
10. Сюэ Сяньтянь. О газете «Датунбао» – официальном органе Союза китайских рабочих в России // Цзиньдай ши яньцзю. 1991. № 3. С. 311–315. (На кит. яз.)

11. «Хуагун шибao» (газета Союза китайских рабочих). 1991. № 5 // Айгунский архив, г. Хэйхэ, пров. Хэйлунцзян.

References

1. Lyu Chzhitsin. *Razmyshleniya posle periodov simpatiy i antipatiy – kitaysko-sovetskie otnosheniya za 70 let*. Jinan, 1998. (Na kit. yaz.)
2. Larin A.G. Kitayskie migranty v Rossii: 1850–1920 gg.: per. na kit. yaz. // *Vestnik Issledovatel'skogo Instituta novoy istorii pri Tsentral'noy issledovatel'skoy akademii Tayvanya*, 1995, no. 24, ch. 2.
3. *Zapisi o khronologicheskikh sobyitiyakh v Kitae i za granitsey. Svod "O peregovorakh" (razdel "Chislennost' kitayskikh grazhdan v Rossii")*. Beijing, 1898. (Na kit. yaz.)
4. Unterberger P.F. *Primorskaya oblast': 1856–1898 gg. Ocherk*: per. na kit. yaz. Pekin, 1980.
5. Sobranie svedeniy o statuse kitayskikh rabochikh v Rossii za 1916 g. *Aygun'skiy arkhiv, g. Kheykhe, prov. Kheyluntszyan*.
6. Popov N.A. *Oni s nami srazhalis' za vlast' Sovetov. Kitayskie dobrovol'tsy na frontakh grazhdanskoy voyny v Rossii (1918–1922)*: per. na kit. yaz. Leningrad, 1959.
7. Zhen' Guysyan. *Kitayskie migranty i kitayskaya demokraticeskaya revolyutsiya*. Beijing, 2007. (Na kit. yaz.)
8. Zaleskaya O.V. *Kitayskie migranty na Dal'nem Vostoke Rossii (1917–1938 gg.)*. Vladivostok, 2009.
9. *Setevoy forum SMI kitayskoy kul'tury kitayskikh emigrantov*. Available at: <http://www.chinaqw.com> (accessed 16.05.2015).
10. Syue Syan'tyan'. O gazete "Datunbao" – ofitsial'nom organe Soyuzu kitayskikh rabochikh v Rossii. *Tsin'day shi yan'tsyzu*, 1991, no. 3, pp. 311–315. (Na kit. yaz.)
11. "Khuagun shibao" (gazeta Soyuzu kitayskikh rabochikh). 1991. № 5. *Aygun'skiy arkhiv, g. Kheykhe, prov. Kheyluntszyan*.

Поступила в редакцию 21.11.2015 г.
Received 21 November 2015

UDC 94(510+47):325.27

CHINESE WORKERS IN RUSSIA AS SIGNIFICANT FORCE IN MARXISM SPREAD

Cao Baiying, Heihe University, Heihe, People's Republic of China, Doctor of History, Professor, e-mail: caobaiying6688@126.com

Ning Yanhong, Heihe University, Heihe, People's Republic of China, Main Research Worker, Head of Propaganda Department of the Party Committee, e-mail: hixynyh@163.com

The urgent research topic of today is the question of life and activities of Chinese migrants in Russia in different historical periods. This problem field is extremely important for research, because migrants staying in the territory of another state always lead to close cooperation of people and civilizations, which has a direct impact on the further development of bilateral relations at various levels. In the first quarter of the XX century there was a rapid spread of Marxist ideas in China that took place primarily under the influence of the revolutionary processes in Russia. The significant force in the spread of the ideas of Marxism began to Chinese workers laboured in many regions of Russia. Their fate and life paths were different, but, in one or another way, almost all of them turned out to be closely linked to the Chinese revolution and the transformation process in the Chinese society of the middle of the XX century. The inevitability of the broad support Russian revolutionary ideas by the Chinese migrants is substantiated, the inevitability of the obvious choice of the Chinese workers the way of active participation in the revolutionary transformations in Russia and China is proved, the extent of their involvement in the spread of Marxism after their returning to China is analyzed.

Key words: Chinese workers; Marxism; Chinese migrants in Russia; October Revolution; civilizations' interaction.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-80-88

УДК 930.1(09)

У ИСТОКОВ ИНДО-СОВЕТСКОГО СБЛИЖЕНИЯ: ДОКУМЕНТЫ ТРЕХ МОСКОВСКИХ ВСТРЕЧ 1950 г.

© Лариса Александровна ЧЕРЕШНЕВА

Липецкий государственный педагогический университет,
г. Липецк, Российская Федерация, доктор исторических наук,
профессор, зав. лабораторией «Проблемы истории стран Востока»,
e-mail: chara.62@mail.ru

Впервые опубликованы документы Национального архива Республики Индии (фонды Министерства иностранных дел РФ и Министерства внутренних дел РФ), обнаруженные в ходе научных командировок в Индию. Документы представляют собой протоколы трех встреч индийского посла в Москве С. Радхакришнана с Председателем Совета Министров СССР И.В. Сталиным и министром иностранных дел СССР А.Я. Вышинским. Публикуемые документальные материалы снабжены научными комментариями. Документы помогают лучше понять природу противоречий в двусторонних отношениях Индии и СССР, высвечивают возможности нахождения взаимоприемлемых компромиссов, раскрывают особенности дипломатического стиля и полемические приемы советских и индийских политиков, отражают позицию И.В. Сталина в отношении индийской национальной элиты. Показано, как сложно налаживались советско-индийские дипломатические связи. Отмечается, что рост коммунистического движения в регионе и в самой Индии заставил первого премьер-министра независимой Индии Дж. Неру склониться к прозападному курсу во внешней политике. Тем же самым во многом объясняется и решение индийского руководства присоединиться к Британскому Содружеству наций. Уделено особое внимание важнейшему для СССР кашмирскому вопросу. О напряженности в советско-индийских отношениях свидетельствуют индийские протоколы трех встреч высшего советского руководства с послом Индии в Москве в 1950 г. В документах при переводе с английского на русский язык сохранены дословное содержание и стиль оригинала.

Ключевые слова: СССР; Индия; И.В. Сталин; С. Радхакришнан; А.Я. Вышинский; ООН; Китай; Корейская война.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-89-95

Индийский вопрос всегда занимал значительное место в программных документах Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) СССР, т. к. национально-освободительные движения в Азии и Африке рассматривались как одна из составляющих мирового революционного процесса. В сентябре 1946 г. в колониальной Индии было сформировано правительство во главе с лидером ведущей политической партии «Индийский национальный конгресс» (ИНК) Дж. Неру, которому метрополия, Великобритания, де-факто позволила вести достаточно самостоятельную политику и даже устанавливать внешние связи. Учитывая своеобразие международной роли Индии и полагая, что установление дипломатических отношений с СССР могло бы оказать положительное влияние на укрепление позиций ее «демократических элементов», Москва пошла на контакт с правительством Дж. Неру. 13 апреля 1947 г. Советский Союз и Индия приняли

решение об обмене дипломатическими представительствами. 25 апреля Совет Министров СССР постановил поручить Министерству внутренних дел (МИД) открыть посольство Советского Союза в Дели. В свою очередь, началась подготовка и к открытию Индийского посольства в Москве. Первым послом Индии в Советском Союзе стала сестра Дж. Неру В.Л. Пандит. 15 августа, после юридической передачи власти от англичан индийцам и раздела Британской Индии на Пакистан и Индийский Союз, государственно-правовой статус страны коренным образом изменился. Индия стала полноправным субъектом международных отношений и обозначила курс «позитивного нейтрализма», или неприсоединения к военно-политическим блокам.

В 1948 г. во многих странах Южной и Юго-Восточной Азии участились коммунистические выступления в насильственных формах. Развернув преследования коммунистов в стране, Дж. Неру находил причиной этого «всплеска» влияние Москвы. Он выра-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 13-01-00184).

зил недовольство работой первого советского посла в Дели К.В. Новикова, который, по его мнению, «не устанавливал серьезных контактов с индийским правительством, а общался, часто секретно, с коммунистами Индии» [1, Л. 3-4, 6]. Индийское правительство также «попросило СССР» отозвать своего торгового представителя в Калькутте, т. к. и он якобы занимался запрещенной деятельностью [1, Л. 3-4, 6]. Рост коммунистического движения в регионе и в самой Индии заставил Дж. Неру склониться к прозападному курсу во внешней политике. Тем же самым во многом объясняется и решение присоединиться к Британскому Содружеству наций [2, р. 65-66; 3, с. 377, 395-398].

И.В. Сталин скептически отнесся к передаче власти в Индии. Присутствие там иностранного капитала, членство в Британском Содружестве наций, по мнению советских лидеров, служило доказательством сохранения вассального статуса Индии. Тем более что генерал-губернатором Индийского Союза и командующим его армии, равно как и губернаторами провинций, многими дипломатическими служащими и гражданскими чиновниками некоторое время оставались англичане. Политика неприсоединения воспринималась в Кремле также через призму классовой идеологии и установок, сформулированных И.В. Сталиным, пропагандируемых В.М. Молотовым и А.Я. Вышинским [4, с. 611-615].

Важнейшей политической проблемой для СССР являлся кашмирский вопрос. Обретение независимости сопровождалось ухудшением отношений между Индией и Пакистаном, в первую очередь из-за территориальных претензий друг к другу [5, с. 334-340]. Так, спор о том, к кому из них должно присоединиться княжество Дхамму и Кашмир, привел к развязыванию военных действий в октябре 1947 г. и фактическому разделу княжества [6, гл. 2]. При этом наиболее важные военно-стратегические районы, расположенные вблизи территории Советского Союза, остались в руках Пакистана. США проникли в это княжество, использовав принадлежавший им решающий голос в соответствующей Комиссии ООН и отправив в регион группу военных наблюдателей. Англичане, добившись присоединения Гилгита, своей основной военной базы на севере Кашмира, к Па-

кистану, попытались закрепиться там. Кроме того, учитывая успех народно-освободительного движения в Китае, Великобритания и США стремились в противовес ему сформировать блок стран Юго-Восточной Азии.

В мае 1949 г. территория княжества была оккупирована индийской армией (Дхамму, Кашмирская долина, Ладакх) и пакистанскими войсками (Гилгит, Мирпур, Балтистан). Фактически же власть в княжестве принадлежала военным властям соответствующих доминионов. Правительство Пакистана было склонно разделить его на 2 части: северную – собственно Кашмир – отдать Пакистану, южную – Дхамму – Индии. Правительство Дж. Неру склонялось разделить Кашмир по передовой линии, занимаемой войсками доминионов после 1 января 1949 г. США, как и бывшая метрополия, Великобритания, в лице их представителей в Комиссии по Индии и Пакистану, созданной в Организации Объединенных Наций в январе 1947 г., тоже были согласны разделить Дхамму и Кашмир, но на 3 части. Занятое пакистанскими войсками – отдать Пакистану, Дхамму – Индии, а Кашмирскую долину, контролировавшуюся индийской армией, выделить в самостоятельную часть и провести там плебисцит. Расчет заключался в том, чтобы в результате плебисцита она отошла Пакистану [7, Л. 128, 135]. Против такого решения выступали оба доминиона. СССР и Украинская ССР в ООН воздержались от голосования по Кашмирскому вопросу в Совете безопасности в 1948 г. СССР мог поддержать Индию в этом вопросе, если бы «Дж. Неру пошел на изменение внешней политики своего государства на просоветскую. Но помогать Индии, следовавшей американскому курсу, СССР не намеревался» [7, Л. 105-106; 8, с. 366-368].

Идеологизированная, и оттого односторонняя, советская оценка пришедших к власти конгрессистов, индийской национальной буржуазии, интеллектуалов как «прислужников британского империализма» долгое время не позволяла наладить действительно взаимовыгодное и широкое партнерство между двумя странами. Достаточно сказать, что за все время работы в Москве В.Л. Пандит И.В. Сталин ни разу не встретился с ней, демонстрируя такой своей холодностью не только личное неприятие, но и, бесспорно, политический подтекст.

Преемник В.Л. Пандит на посту индийского посла в СССР, доктор С. Радхакришнан, ученый с мировым именем, философ, политик, председатель Комиссии университетов Индии, председатель Исполнительного совета ЮНЕСКО, прибыл в Москву в 1949 г., после того как Советское правительство согласилось с решением Индии заменить В.Л. Пандит. Он прибыл в начале сентября 1949 г., встретился с министром иностранных дел Советского Союза А.Я. Вышинским и вручил свои верительные грамоты в Кремле. Затем он уехал на сессии ЮНЕСКО, и, вернувшись 7-го октября, возложил венок к Мавзолею В.И. Ленина на Красной площади. Ведущие советские газеты отметили прибытие нового посла, его встречу с А.Я. Вышинским и вручение верительных грамот, но оставили эти события без комментариев. В тот момент все сложные вопросы двусторонних советско-индийских отношений были далеки от решения. СССР поддерживал деятельность т. н. Национальной конференции Кашмира и ее лидера Шейха Абдуллы, потому что должен был думать об обороне своих южных границ, о западных военных базах вблизи них, а также об опасном влиянии радикальных мусульманских идей на советские республики Средней Азии [9, с. 118-119]. Кроме того, СССР полностью поддерживал Коммунистическую партию Китая и создание Народной Республики в 1949 г. Когда США пригласили Дж. Неру посетить Вашингтон с официальным визитом, в 1949 г. И.В. Сталин, возможно, в пику пригласил премьер-министра Пакистана Liaqat Ali Khan в Москву. И этот пропакистанский жест, в частности, был направлен на то, чтобы склонить Дж. Неру посетить и Москву и быть ближе к СССР. Кремль всемерно помогал коммунистам Северной Кореи в войне с южанами, которая началась в 1950 г. Официальный Дели не мог быть удовлетворен такой позицией и предлагал найти ненасильственное решение. И даже отказ Индии вступить в корейский конфликт на стороне США ничего принципиально не изменил в отношении Советского Союза к Индии.

Для иллюстрации проблем в советско-индийских отношениях при «позднем» И.В. Сталине и роли С. Радхакришнана, посланника Дж. Неру, в изменении «тональности» Москвы по отношению к Дели автором

приводятся индийские протоколы трех встреч высшего советского руководства с послом Индии в Москве в 1950 г. В документах при переводе с английского на русский язык сохранены дословное содержание и стиль оригинала.

Встреча со Сталиным. В ходе своей первой встречи с А.Я. Вышинским в начале сентября 1949 г. С. Радхакришнан выразил желание «засвидетельствовать свое почтение генералиссимусу И.В. Сталину». И.В. Сталина тогда не было в Москве, до самой середины декабря, потом советский руководитель оказался занят другими вопросами. На празднование дня рождения И.В. Сталина прибыл лидер только что основанной Китайской Народной Республики Мао Цзэдун. Но когда Мао отправился в поездку в Ленинград в выходные дни с 14 января по 16-е, в 1950 г., встреча со И.В. Сталиным для индийского посла была, наконец, устроена.

Она состоялась в Кремле, в 9 часов вечера. Разговор длился полчаса. А.Я. Вышинский присутствовал для записи разговора и заметок, но сам не сказал ни слова. Посла сопровождал советник, переводчиком был В.Н. Павлов, работавший со И.В. Сталиным на международных конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Атмосфера была неформальной и доброжелательной. И.В. Сталин держал в руках сигарету, часто смеялся, улыбался. Темами обсуждения стали независимая внешняя политика Индии и ее место в мировой системе международных отношений.

Посол говорил о независимой внешней политике Индии, ее стремлении к миру и дружественным отношениям с СССР. Он заверял И.В. Сталина в намерениях искренне работать ради дела мира и, в качестве первого шага по улучшению международной атмосферы, он предложил, чтобы великие державы, в первую очередь СССР и США, прекратили задевать интересы друг друга [7, L. 1]. И.В. Сталин внимательно слушал. Он выразил свое согласие с целями Индии во внешней политике, но в связи с более широким диапазоном вопросов международного мира он поинтересовался насчет отношения Индии к Содружеству наций, усомнился, что ее членство не сковывает «вполне независимую» политику [7, L. 1].

И.В. Сталин спросил, имеет ли Индия свою армию и военно-морской флот и нахо-

дятся ли они полностью под ее контролем, и, казалось, успокоился, когда С. Радхакришнан с уверенностью сообщил ему, что вооруженные силы Индии принадлежат только ей одной.

Касательно внутренних проблем Индии, И.В. Сталин подчеркнул необходимость скорейшего проведения аграрных реформ в целях улучшения «нынешнего плохого состояния крестьянства» [7, L. 1].

С. Радхакришнан в своих бумагах оставил такую запись об этой встрече: «И.В. Сталин был одет в мундир генералиссимуса, казался вполне здоровым. Он был очень остроумен, не делал пауз, прежде чем ответить или задать вопросы. Он производил впечатление человека, который уверен в себе; не было сомнения в его проницательности и прямого подхода ко всем вопросам» [7, L. 1-2].

Встречи А.Я. Вышинского и С. Радхакришнана. В 1950 г. посол Индии имел две встречи с А.Я. Вышинским.

Первая состоялась 7 апреля, и речь сразу же зашла о Кашмире. А.Я. Вышинский говорил о переговорах между Дж. Неру и Лиакатом Али Ханом в Дели. С. Радхакришнан знал об этом и добавил, что они ищут пути к пониманию конфликта, и многое будет зависеть от того, как затем станет осуществляться соглашение. А.Я. Вышинский отметил: «Результат, скорее всего, будет более успешным, если вопрос изъять из сферы полномочий Совета Безопасности» [10, L. 11].

Затем они коснулись теории «двух наций – двух Индий». А.Я. Вышинский хотел понять, что эта теория означает «на самом деле», и С. Радхакришнан объяснил ему саму идею М.А. Джинны: гражданство, национальная принадлежность, по мнению создателя Пакистана, определяются по религиозному признаку, и потому индусы и мусульмане – разные нации, ибо исповедуют разные религии. «Мы (Конгресс) согласились на раздел нашей страны, но не принимаем эту теорию», – сказал он [10, L. 11].

А.Я. Вышинский, казалось, удивился: «В этом случае СССР должен быть расколот на сто государств, ведь у нас в стране есть не только разные религии, такие как иудаизм, ислам, христианство, но и множество сект!» [10, L. 11].

Тема Пакистана оказалась центральной на этой встрече. А.Я. Вышинский начал го-

ворить о Лиакате Али Хане, чей визит в СССР все еще не состоялся, хотя была достигнута предварительная договоренность в середине 1949 г., более того – премьер-министра Пакистана уже пригласил и официальный Вашингтон. Он сказал: «Г-н Лиакат Али собирается в Америку в мае 1950 г. Что он собирается взять оттуда?». Ответ посла Индии был таким: «Мы направляемся туда не для того, чтобы взять и принести что-нибудь, но для демонстрации доброй воли. Азиатских лидеров приглашают в США, т. к. Азия сейчас находится в брожении, только пробуждается» [10, L. 12].

А.Я. Вышинский с готовностью стал развивать эту мысль: «Вы правы. Посмотрите на волнения в государствах, граничащих с Индией, например, в Индокитае, Тибете, Бирме и т. д. Если оставить в покое их народы, то люди там очень быстро решат свои проблемы без постороннего вмешательства. Пример Китая доказывает это».

С. Радхакришнан поддержал А.Я. Вышинского: «Мы глубоко заинтересованы в решении азиатских проблем. Наш премьер-министр неоднократно упоминает пробуждение Азии в качестве важнейшего события для нашего поколения. Его интересы в первую очередь касаются Индии, затем Азии, и, наконец, всего мира» [10, L. 12].

Посол заметил, что СССР с его акционерными предприятиями в Китае, возможно, планирует экономическое проникновение и, в конечном итоге, господство над Китаем. А.Я. Вышинский ответил, что СССР лишь стремится помочь китайцам: «Если бы мы были заинтересованы в экспансии как таковой, то, например, давно уничтожили бы независимость Финляндии и присоединили ее, но мы не хотим делать это. Могли бы взять и Восточную Германию. У нас достаточно забот по эксплуатации наших собственных ресурсов в СССР! Нам не нужно использовать другие страны» [10, L. 14].

С. Радхакришнан продолжал: «Существует мнение, что Вы стремитесь подавить национальный характер народов разных стран и что все обязаны принять коммунистические принципы экономики... Ходит много разговоров о вмешательстве Советской России в дела других стран». «Везде, где люди недовольны своими условиями жизни и протестуют против их правительств,

думают, что это мы вмешиваемся. Это исторический процесс, а не наши интриги. Мы неоднократно говорили, что революция – не товар для экспорта», – был ответ [10, L. 14].

Атмосфера встречи была очень эмоциональной, это была настоящая дуэль мастеров риторики, которые испытывали неподдельное уважение к дискуссионной манере друг друга. С. Радхакришнан не давал министру передышки: «Мы считаем, в России подавляются свободы личности. Люди боятся открыто выражать свои мысли, царит дух подозрительности». А.Я. Вышинский, казалось, ждал этого удара: «Я хочу, чтобы Вы поняли, что моя страна почти не знает покоя от других стран. Все 32 года существования СССР мы ощущаем внешнюю угрозу. У нас была Гражданская война, Отечественная война, мы, – согласитесь, – имеем основания опасаться Германии, и сегодня западные страны вновь говорят о войне против нас. У нас совсем не было мирного времени, чтобы стать благостными, успокоиться. Но мы создадим для того все материальные условия, и индивидуальная свобода личности придет» [10, L. 14-15].

А.Я. Вышинский перехватил инициативу и спросил С. Радхакришнана: «А почему Ваше правительство столь жестоко обращается с коммунистами в Индии?». Посол пояснил, что никакой неоправданной жестокости нет: «Мы не можем по-дружески относиться к террористам, которые хотят насильственным способом свергнуть нынешнее правительство... Но против мирной пропаганды общественных движений у нас нет никаких возражений... Пожалуйста, если у Вас есть влияние на Коммунистическую партию Индии, посоветуйте индийским коммунистам прекратить преступную деятельность» [10, L. 15].

А.Я. Вышинский ответил: «Мы не советуем им, хотя и заинтересованы в них», но С. Радхакришнан повторил свою просьбу.

Следующая встреча с А.Я. Вышинского и С. Радхакришнана была назначена на 9 сентября 1950 г., он взял с собой своего сына. Встреча началась в неформальной обстановке. Посол представил своего сына, который отправлялся в Оксфорд, и заметил А.Я. Вышинскому: «Он хотел встретиться с вами, героем тысячи битв на озере успеха!» [10, L. 20]. А.Я. Вышинский с широкой

улыбкой пожал руку сыну С. Радхакришнана и ответил: «Я не герой. Я только солдат, сражающийся за мир. Оксфорд – хороший университет. Желаю Вам всяческих успехов». На этом этапе встречи сын вышел из комнаты.

В ходе этого совещания политики коснулись темы Кашмира и особенно Корейской войны. С. Радхакришнан сказал А.Я. Вышинскому, что он даст ему интересную информацию об отношении Индии к проблеме Кашмира, и для СССР может быть выгодно, если вопрос о Кашмире будет поднят на заседании Ассамблеи ООН [10, L. 21].

Министр изменил тему, и начали говорить о Корее. Он заметил, что «ООН напрасно беспокоится о внутренних делах Кореи, потому что у корейского народа достаточно здравого смысла». Он был уверен, что корейцы демонстрируют большую военную силу и умения, несмотря на жестокие бомбардировки не только их промышленных и военных объектов, но также домов, школ и больниц. «Они заслужили право построить свой собственный дом и жить в нем, как им захочется», – сказал министр. С. Радхакришнан пытался найти аргументы против этой советской позиции, потому что Индия не поддерживала СССР в этом вопросе, и настаивал на участии ООН в решении корейской проблемы. Он обратил внимание А.Я. Вышинского на резолюции Совета Безопасности и необходимость проведения переговоров по Корее в соответствии с этими резолюциями. Посол пытался воздействовать и на личные амбиции своего коллеги: «Боясь, если мы позволим корейскому народу страдать и умирать, как происходит сейчас, Ваша репутация будет страдать, ведь Вы используете целую нацию для достижения собственных целей. Вы должны чувствовать это. Ваша обязанность – помочь в решении этой проблемы через ООН» [10, L. 21].

А.Я. Вышинский говорил о подходе СССР к ООН как структуре. Он пояснил, что И.В. Сталин «верит в ООН, великий инструмент для мира», и СССР хочет работать в ней, но «один из основных принципов устава был нарушен американцами, когда они вмешались во внутренние дела Кореи <...> Это гражданская война только корейцев». С. Радхакришнан не согласился, потому что «Южная Корея была создана ООН, тогда как СССР

и некоторые другие государства признали Северную Корею». По его мнению, «это уже борьба межгосударственная» [10, L. 21].

Он предложил сформировать своего рода Международную комиссию, например, из представителей Великобритании, США, СССР, Народной Республики Китай, Индонезии и Индии для осуществления административного управления и полицейского надзора в Корею в течение 3 или 6 месяцев, организовывать там свободные выборы, затем сформировать правительство и уйти. Министр весьма резонно заметил, что США никогда не согласятся участвовать в работе комиссии, в которой они не были бы в большинстве, и даже шокировал посла следующей тирадой: «Если Америку разозлить, она может «поэкспериментировать» с атомными бомбами в Корею» [10, L. 23]. С. Радхакришнан исключил такой сценарий в принципе, считая, что мир и народы США просто восстанут против такого «зверства».

В заключение встречи А.Я. Вышинский поблагодарил посла Индии за все его идеи и предложения. Он собирался работать в ООН и подчеркнул С. Радхакришнану: «Как я уже сказал Вашему сыну, буду Солдатом мира! Мои наилучшие пожелания Дж. Неру».

Приведенные свидетельства московских встреч 1950 г. отразили динамику советско-индийских отношений, медленный дрейф в сторону сближения – результат объективных процессов, которые делали взаимопонимание, компромиссы и деловое сотрудничество необходимыми для обеих сторон. Роль таких ярких личностей, как С. Радхакришнан, в происходивших позитивных переменах не вызывает сомнений, он сумел найти правильный тон, аргументы, манеру конструктивного диалога с высшим советским руководством в позднюю сталинскую эпоху. Единственными иностранными послами, которых И.В. Сталин принял в течение последних двух или трех лет его жизни, были представители Британии и США, Великих держав, с 1946 г. от союзнических отношений времен Второй мировой перешедших к «холодной войне» против Советского Союза. И.В. Сталин старался держать «противников» под контролем.

Совершенно иное дело – посол Индии. Общественное мнение в СССР и во всем мире склонялось к тому, что, согласившись на

аудиенцию для С. Радхакришнана, И.В. Сталин не только отдал должное личным достоинствам великого индийца, но и сделал жест доброй воли по отношению к Индии, «индийской доминанте», признал ее растущую значимость в Азии и мировых делах. Встречи посла с А.Я. Вышинским только доказали изменения прежних оценок советского руководства, характеризовавшего национальную элиту Индии как «колониальных и имперских интеллектуалов». И.В. Сталин оценил миротворческие усилия индийских лидеров в ООН, отношение Дж. Неру к Китайской Народной Республике и Корейской войне.

В политическом отношении наиболее важным свидетельством этих перемен станет переписка Дж. Неру и И.В. Сталина по вопросу о Корейской войне. Индийский премьер-министр, вначале стоявший на стороне США, изменит свое мнение и выступит за объединение Кореи. И.В. Сталин воистину «окажет честь» Дж. Неру, разделив его «точку зрения и мирные намерения». Стало очевидно, что в послевоенном мире, несмотря на все их разногласия, СССР и Индия, как и другие независимые и интенсивно развивающиеся азиатские страны, становятся геополитическими и геоэкономическими партнерами. Впереди был плодотворный визит Дж. Неру в 1955 г. в Советский Союз.

Список литературы

1. National Archives of India (NAI). Government of India. Ministry of Home Affairs. 1950. Branch EUR. II. File № 14 (46).
2. *Sumangal P.A.* Study of India's Bilateral Relations with USSR and Its Impact on Indo-US Relations during Nehru's Premiership. Meerut, 2007.
3. *Гопал С.* Джавахарлал Неру. Биография: в 2 т. М., 1989. Т. 1.
4. *Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С.* История Индии. XX в. М., 2010.
5. *Черешнева Л.А.* Радуга над Красным фортom. Раздел колониальной Индии в 1947 г. М., 2012.
6. *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана. XX в. М., 2008.
7. NAI. Ministry of External Affairs. Europe and Pakistan Division. 1950. Branch. EUR. II., RT. File № 88-RT.
8. *Юрлов Ф.Н.* От восхода до заката. Династия Неру–Ганди. Книга первая. Мотилали Джавахарлал Неру. М., 2015.

9. Филимонова А.Л. Идея национальной идентичности: опыт Пакистана. М., 2013.
10. NAI. Ministry of External Affairs. Europe and Pakistan Division. 1950. Branch: Europe II. File № 1/42 EUR. II/50.

References

1. National Archives of India (NAI). Government of India. Ministry of Home Affairs. 1950. Branch EUR. II. File № 14 (46).
2. Sumangal P.A. *Study of India's Bilateral Relations with USSR and Its Impact on Indo-US Relations during Nehru's Premiership*. Meerut, 2007.
3. Gopal S. *Dzhavakharlal Neru. Biografiya: v 2 t.* Moscow, 1989. T. 1.
4. Yurlov F.N., Yurlova E.S. *Istoriya Indii. XX v.* Moscow, 2010.

5. Cheresheva L.A. *Raduga nad Krasnym fortom. Razdel kolonial'noy Indii v 1947 g.* Moscow, 2012.
6. Belokrenitskiy V.Ya., Moskalenko V.N. *Istoriya Pakistana. XX v.* Moscow, 2008.
7. NAI. Ministry of External Affairs. Europe and Pakistan Division. 1950. Branch. EUR. II., RT. File № 88-RT.
8. Yurlov F.N. *Ot voskhoda do zakata. Dinastiya Neru-Gandi. Kniga pervaya. Motilali Dzhavakharlal Neru.* Moscow, 2015.
9. Filimonova A.L. *Ideya natsional'noy identichnosti: opyt Pakistana.* Moscow, 2013.
10. NAI. Ministry of External Affairs. Europe and Pakistan Division. 1950. Branch: Europe II. File № 1/42 EUR. II/50.

Поступила в редакцию 16.11.2015 г.
Received 16 November 2015

UDC 930.1(09)

IN THE ORIGINS OF INDO-SOVIET APPROACH: DOCUMENTS OF THREE MOSCOW MEETINGS IN 1950

Larisa Aleksandrovna CHERESHNEVA, Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russian Federation, Doctor of History, Professor, Head of "Questions of Eastern Countries History" Laboratory, e-mail: chara.62@mail.ru

Documents of National Archives of Republic of India (funds of Ministry of Foreign Affairs and ministry of Internal Affairs) are published for the first time. They were found during field trips to India. The documents are protocols of three meetings of Indian ambassador in Moscow S. Radhakrishnan with the General Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the USSR I.V. Stalin and the Minister of Foreign Affairs of the USSR A.Y. Vyshinsky. The published materials are supplied by scientific comments. The documents help to understand the counteractions in double-sided relations of India and the USSR better. The possibilities of finding compromises are highlighted. The peculiarities of diplomatic style and polemic methods of Soviet and Indian politics are revealed and the position of I.V. Stalin concerning Indian national elite is reviewed. It is shown how difficult were the Soviet-Indian diplomatic relations build up. It is marked, that the growth of communist movement in region and in India made the first Prime Minister of independent India J. Nehru to follow the pro-Western course in foreign policy. The decision of Indian government to join the British Commonwealth of Nations is explained by the same thing. The attention is paid to the most important for the USSR Karshmir question. The tension in Soviet-Indian relations were the evidence of Indian documents of three meetings of higher Soviet government with the ambassador of India in Moscow in 1950. The literal content and style of the original are kept in the documents during translation from Russian into English.

Key words: USSR; India; I.V. Stalin; S. Radhakrishnan; A.Y. Vyshinsky; U. N. O.; China; Korean war.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-89-95

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 93/94

ЛЕВ ГРИГОРЬЕВИЧ ПРОТАСОВ (1938–2015)

© Арутюн Гургенович АЙРАПЕТОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор исторических наук,
профессор факультета истории, мировой политики и социологии,
e-mail: airahist@mail.ru

© Юрий Александрович МИЗИС

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор исторических наук,
профессор факультета истории, мировой политики и социологии,
зав. кафедрой всеобщей и российской истории, e-mail: ymizis49@yandex.ru

В данной публикации представлены материалы, посвященные светлой памяти Л.Г. Протасова, доктора исторических наук, профессора, научного руководителя Института гуманитарного и социокультурного образования Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. Материалы содержат статью А.Г. Айрапетова и Ю.А. Мизиса о жизненном пути и научном наследии Л.Г. Протасова, краткие воспоминания его дочери, кандидата исторических наук, доцента Тамбовского государственного технического университета Ольги Львовны Протасовой, деловую переписку Л.Г. Протасова с его корреспондентами незадолго до его смерти. Они дают представление о круге проблем и забот, о характерных свойствах натуры выдающегося российского историка.

Ключевые слова: Л.Г. Протасов; революции 1917 г.; Всероссийское Учредительное собрание; глубокий анализ; блестящий стиль.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-96-108

Минул уже почти год, как не стало Льва Григорьевича Протасова, Благородного интеллигентного человека, Учителя и Ученого, Гражданина, Товарища и Друга.

Л.Г. Протасов родился 19 декабря 1938 г. в Воронеже. Его отец, участник Великой Отечественной войны Г.А. Протасов, вернувшись с фронта, защитил кандидатскую диссертацию и, переехав с семьей в Тамбов, многие годы заведовал кафедрой истории в Тамбовском государственном педагогическом институте (ТГПИ). Его единственный сын Лев, окончив в 1955 г. среднюю школу № 1 г. Тамбова, поступил на историко-филологический факультет ТГПИ. Учеба в институте совпала с началом хрущевской «оттепели», с появлением в открытой печати новой художественной литературы, общественных дискуссий, возможностью изучения актуальных проблем исторической науки. Открылись также возможности выезда за ру-

беж. Будучи студентом, он в 1958 г. съездил в социалистическую Чехословакию, увидел другой мир, другую страну, другие жизненные реалии. Все это было фоном для становления молодого историка, наложило неизгладимый отпечаток на его характер и будущую научную проблематику, на становление умеренно-либеральных взглядов, не чуждых здорового патриотизма и консерватизма.

Учеба на историко-филологическом факультете дала будущему профессору возможность получить не только историческую подготовку, но и фундаментальные знания в области литературы и русского языка. Этим и объясняется широкий кругозор и знание художественной литературы, что помогало ему в чтении блестящих по глубине научного анализа и яркому стилю лекций. Этим же объясняется практически абсолютная грамотность его текстов, которые крайне редко

подвергались корректорской правке и всегда удивляли его редакторов.

Закончив в 1960 г. историко-филологический факультет ТГПИ, Л.Г. Протасов работал учителем в сельской школе Тамбовского района, затем учился в аспирантуре Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (МГПИ), где защитил кандидатскую диссертацию. Здесь в аспирантуре судьба свела его со многими известными историками Москвы, но особое место среди них занимал легендарный советский академик, активный участник Гражданской войны, долгое время входивший в интеллектуальную сталинскую элиту, посвященный в тайны «верхов» и вовлеченный во многие политические и научные процессы в Советском Союзе, И.И. Минц. Окружение И.И. Минца, с одной стороны, связанное марксистскими догмами и политическими обязательствами, с другой стороны, могло позволить себе и, прежде всего, своим ученикам братья за весьма острые и недостаточно изученные проблемы. Это помогло Л.Г. Протасову сосредоточиться в то время на весьма не простой теме о роли солдатского движения в Революции 1917 г. Ортодоксальным положением советской исторической науки того времени считалась решающая роль пролетариата в союзе с трудовым крестьянством в борьбе за советскую власть,

и для своего времени выход за пределы этих рамок уже мог считаться почти революционным. По данной проблеме он защитил сначала кандидатскую диссертацию, а в 1979 г. докторскую диссертацию «Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов». Это позволило молодому ученому прийти к выводу о значительной роли солдатских гарнизонов в установлении советской власти в русской провинции и огромном влиянии на солдат эсеровской пропаганды.

В 1965 г. Л.Г. Протасов начал преподавать в ТГПИ, а затем в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина, где он проработал без малого 50 лет. В 1981 г. ему было присвоено ученое звание профессора. Более 30 лет он заведовал кафедрой российской истории, заслуженно приняв бразды руководства у своего отца и сделав ее одной из лучших в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина. Именно воспитанники кафедры стали впоследствии ее костяком, создав коллектив исследователей, который у коллег в стране получил негласное название «тамбовская историческая школа».

Л.Г. Протасов подготовил более 20 кандидатов и 3 докторов исторических и политических наук. Под его творческим влиянием стали профессиональными историками покойный сын Станислав и дочь Ольга Протасовы.

Стоит отметить роль научного и интеллектуального лидера тамбовских историков в формировании кадров в Тамбовском государственном техническом университете (ТГТУ), где работают многие его ученики. Образцом для всяческого подражания может служить деятельность Л.Г. Протасова в качестве первого председателя Диссертационного совета по историческим наукам при Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина, куда в разное время входили или входят приглашенные ученые Москвы, Санкт-Петербурга, а также историки Липецкого государственного педагогического университета, ТГТУ и Пензенского государственного университета. Благодаря научному авторитету Л.Г. Протасова в защитах в Тамбовском диссоте в качестве оппонентов участвовали крупные ученые страны, в их числе академик РАН С.П. Карпов, член-корреспондент РАН С.А. Арутюнов. Л.Г. Протасов был членом Экспертного совета ВАК по истории, членом диссертационных советов в Брянске, Курске, Воронеже.

Лев Григорьевич уже в молодые годы научился беречь время, что позволило ему оставить богатое научное наследие. Л.Г. Протасов заслуженно признан российским и зарубежным научными историческими сообществами, он автор около 300 научных и учебно-методических работ, изданных в России и за рубежом, в области политической истории России начала XX в. и истории Тамбовского края. Его капитальные исследования по истории Всероссийского учредительного собрания – знаменитый «триптих» – стали заметным событием в отечественной и мировой историографии [1–3]. Печатные труды, выступления на научных конференциях, лекции Л.Г. Протасова подтверждают правоту патриарха отечественной исторической науки Н.М. Карамзина, писавшего: «Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бедствие; он должен быть прежде всего правдив, но может и даже должен все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью, с энтузиазмом».

Для исторических исследований Л.Г. Протасова характерны глубина анализа, научная логика, эстетически совершенное исполнение. Уважение к традициям подлинного академизма сочетается в них с преодолением устаревших стереотипов и формированием новых парадигм научного знания. О высоком профессионализме автора названных монографий свидетельствует их обширная и разнообразная источниковая база, включающая как архивные, так и опубликованные материалы. Достаточно сказать, что в ходе кропотливого сбора фактических данных им было проработано около тысячи газет периода 1917 – начала 1918 г., на страницах которых нашла широкое освещение предвыборная борьба кандидатов в члены Учредительного собрания.

Все три указанные книги Л.Г. Протасова связаны внутренней логикой, движением исследовательской мысли от изучения предпосылок, условий и характера избирательной кампании 1917 г. по созыву Учредительного собрания через воссоздание коллективного портрета 774 депутатов российской Конституанты к систематизации громадного количества новых сведений в формате Энциклопедии. Каждая следующая книга вырастала из предшествующей, напоминая «эффект матрешки». К примеру, десятистраничный параграф «“Кто был кто” в Учредительном собрании» из первой монографии был значительно расширен и дополнен, представ в виде второй монографии.

В советской историографии, заметно идеологизированной под влиянием ленинских оценок, доминировало представление об Учредительном собрании, проработавшем всего один день, как о потерянном для истории времени. Новаторский подход Л.Г. Протасова к изучению феномена Учредительного собрания 1917–1918 гг. заключается в системном исследовании эволюции российской государственности, гражданского общества, национального менталитета.

Рассматривая в первой монографии предысторию выборов в Учредительное собрание, Л.Г. Протасов обосновывает вывод, что любая интерпретация идеи Учредительного собрания принимала, по условиям России, радикализированный облик по мере соприкосновения с массовым общественным сознанием. За нерешительностью российских

либералов (кадетов, октябристов и других), по мнению историка, скрывались и неуверенность, и неявное желание спасти монархию, пусть даже ценой отречения Николая II. Из всех политических сил лишь эсеры и меньшевики, за которыми шло большинство избирателей, были искренне заинтересованы в созыве Учредительного собрания. Вместе с тем исследователь обнаруживает противоречие между эсерово-меньшевистским толкованием Учредительного собрания как никем не ограниченной власти, выразителя общенародной воли и требованием демократической республики. Это противоречие отражало, на наш взгляд, специфический тренд исторического развития первой трети XX в., интерпретированный М. Вебером как потребность в сочетании парламентской демократии с плебисцитарной.

Гибкая, эластичная, ситуативная тактика большевиков, немало послужившая их популярности, объективно умаляла суверенность избираемого верховного органа страны. При этом, однако, Л.Г. Протасову представляются надуманными попытки приписать большевикам наличие заранее составленного плана действий в отношении российской Конституции.

Историк не оспаривает известного тезиса о слабости «среднего класса» как весомом факторе социальной и политической конфронтации в России. Но он указывает на противоречивый характер позиции городских средних слоев, желавших стабильности, твердой руки и правопорядка, стремившихся одновременно выждать исхода борьбы, что подтвердилось их широким уклонением от участия в выборах.

По наблюдениям исследователя, в сознании большинства рабочих в дооктябрьский период лозунги Учредительного собрания и «Вся власть Советам!» не исключали, а дополняли друг друга, будучи наполнены демократическим содержанием. На выборах в Учредительное собрание в городах никто не голосовал так активно, как рабочие. Здесь невольно напрашивается сравнение с предвыборной ситуацией в революционной Германии конца 1918 – начала 1919 г. Большинство немецких рабочих решило дилемму «Учредительное собрание или Советы» в пользу первой альтернативы. Не в последнюю очередь это объяснялось тем, что гер-

манская социал-демократия накопила к тому времени значительный опыт парламентской деятельности, воспринимавшейся массовым сознанием (в отличие от России) как неотъемлемый элемент политической традиции и культуры. В России же политическая культура пребывала еще в младенческом возрасте. В условиях войны и революции доминировали силовые методы разрешения конфликтов.

В трех основных главах первой монографии представлена масштабная картина подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание. Статистико-социологический анализ переплетается в них с «живыми» зарисовками политического поведения российского избирателя. Успешно реализован авторский замысел дать ответы на вопросы, как, за кого и за что голосовали жители столиц и провинции, горожане и сельчане, жители национальных районов страны, солдаты и офицеры, мужчины и женщины, молодежь и люди старших возрастов.

Заключают первую книгу триптиха размышления автора об исторической драме Учредительного собрания. Его «ликвидация... в эмбрионе содержала, – пишет Л.Г. Протасов, – и свертывание тех демократических преобразований, ради которых революция совершалась – прямое народовластие, производственная демократия, передача всей земли крестьянам, национальное самоопределение» – и которые базировались на политическом и экономическом плюрализме» [1, с. 323-324].

В 2008 г. увидела свет вторая книга триптиха. Историческая биография родилась еще в античности: вспомним хотя бы «Сравнительные жизнеописания» Плутарха. Но ее научное содержание и форма со временем менялись.

В XX в. получила распространение и сохраняет свой эвристический потенциал коллективная биография, или просопография. В монографии Л.Г. Протасова собраны сведения о жизни, карьере, социальных связях, мироощущении и поведении членов Учредительного собрания, а также их коллег, товарищей, по тем или иным причинам не прошедших в депутаты. Автор рассматривает и стремится понять своих героев в контексте времени, в котором они жили. Персонализированная история, рисуя уникальность человеческой личности, передает таким образом

неповторимость ее времени. Важнейшая особенность исследовательского подхода Л.Г. Протасова заключается в сочетании психологического проникновения во внутренний мир вовлеченных в политическую жизнь людей с социальным анализом окружающей их действительности.

Ключевые проблемы российских революций начала XX в., варианты развития российской государственности осмысливаются через призму позиционирования общественно-политической элиты страны, являвшейся носителем одной с массами политической культуры. Исходный посыл, предопределивший структуру и содержание монографии, состоит в утверждении, что «политическая деятельность в максимальной степени отражает личные качества и свойства втянутых в нее людей, носит отпечаток морали и нравов своей эпохи...» [2, с. 4].

Монография состоит из двух частей: первая представляет собой «аналитику», вторая содержит биографические справки членов Учредительного собрания, в большинстве своем снабженные фотографиями. Из этой «малой» энциклопедии Всероссийского Учредительного собрания выросла большая, завершающая, книга трилогии Л.Г. Протасова. Созданию информационной базы данных предшествовала многотрудная работа по идентификации депутатов. Она сопровождалась исправлением множества неточностей, устранением ошибок и заблуждений, часто встречающихся в исторической литературе.

Подробно представлены расширительно трактуемые автором демографические характеристики депутатского корпуса, охватывающие не только возрастные параметры, место проживания, но и социальное происхождение и социально-профессиональное положение членов Учредительного собрания. Выборы, проводившиеся по партийным спискам в полиэтнической стране, сделали необходимым изучение партийно-политических ориентаций депутатов и их этнонационального состава. Очерки, посвященные этим сюжетам, содержат глубокие наблюдения, подкрепленные статистическими подсчетами, и обоснованные выводы, проиллюстрированные фактами из биографий известных и малознакомых читателю учредителей. Драма истории не заканчивается на пиковом событии в жизни людей, на их «звездном часе».

Во второй книге рассказывается, как сложилась судьба депутатов после разгона Учредительного собрания.

Наибольший интерес вызывают, на наш взгляд, два сюжета: в одном из них исследуется мотивация политической деятельности будущих депутатов, в другом Л.Г. Протасов предлагает свое видение «вечной» проблемы соотношения политики и морали, рационального и иррационального в сознании и поведении политиков.

Анализ факторов вовлечения в политику, или политической социализации личности – необходимое условие, позволяющее понять генезис публичной карьеры депутатов. В российской многодетной семье (сельской и городской), в преимущественно авторитарном характере семейного воспитания и ответном подсознательном протесте детей автор видит истоки революционаризма и радикально-эгалитарных настроений значительного большинства учредителей. Авторитарное воспитание, разумеется, нельзя считать исключительно российским феноменом. История немецкой семьи также свидетельствует о доминировании авторитарной традиции. При этом, однако, в германской революции 1918 г. и на выборах в Учредительное национальное собрание 1919 г. радикальная компонента не была ведущей. Конечно, следует учитывать особенности социально-демографической структуры российского и германского общества начала XX в., специфику партийно-политического ландшафта, но в качестве глубинных факторов нам видятся различия в культуре законопослушания и влияние православной и протестантской этики на толерантное, готовое идти на компромиссы поведение россиян и немцев. Универсальная политико-психологическая закономерность, подтверждаемая и на российском материале, заключается в том, что, как показано в книге, одно остро пережитое молодым человеком событие может повернуть последующую жизнь в новое русло.

Автор монографии выделяет существенные черты механизма социализирующего воздействия школьного и вузовского образования на будущего учредителя. Лишь немногие депутаты благодарно отзывались о дореволюционной школе, из стен которой они вышли. Судя по воспоминаниям, различным анкетам и автобиографиям членов

Учредительного собрания, педантизм и бездушные педагогов гасили в учащихся интерес к учебе [3, с. 82]. Правда, изъяны и пороки школьной системы не помешали ряду будущих политиков окончить гимназию с медалями. И все же негативный опыт гимназии, равно как низшее, незаконченное среднее или незавершенное высшее образование большинства учредителей продуцировали «недоученность». Последнее, по справедливому замечанию Л.Г. Протасова, чревато не только пробелами в знаниях, но и тем, что порождает самонадеянное желание быстро и легко решить все вопросы путем максимального напряжения сил [3, с. 87]. Это чувство усиливалось под воздействием социальной неустроенности огромной массы разночинцев, из рядов которых вышли многие члены Учредительного собрания.

Сложным представляется вопрос о социализирующем влиянии революционно-демократической литературы на молодых людей. Да, это была питательная духовно-интеллектуальная среда нигилизма. Однако студенческая молодежь внимательно читала и западных позитивистов, отличавшихся неприятием революционного пути общественных преобразований. Фундаментальные причины «заражения» нигилизмом следует искать, с одной стороны, в характере российской политической системы, этой, по меткому определению философа и правоведа Б.А. Кистяковского, «полицейской самодержавности», с другой – в юношеском максимализме членов нелегальных кружков, участников жарких дискуссий. Но почему революционаризм удерживался в их сознании в более зрелом возрасте, в 30–40 лет? В российском «случае» особую роль в «укоренении» нигилизма объективно играло православие. В этом контексте автор монографии разделяет мнение Н.А. Бердяева о религиозной подоснове нигилизма.

В монографии обоснован взгляд на историю революции, исходя из морально-психологического состояния ведущих политиков. Существенная черта нравственно-психологического облика революционеров – двоемыслие, которое оборачивается моральным релятивизмом. Он лежит, по мнению автора, в основе идеологии и практики революционного террора. Тема террора остается дискуссионной, заметим попутно, и в историографии

Французской революции XVIII в. Российские социалисты, сторонники марксистской теории экономического детерминизма, несомненно, испытали влияние просветительского панлогизма (культу разума). Однако на рубеже XIX–XX вв. линейная концепция прогресса стала подвергаться критике и переосмыслению. Книга В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» может служить зеркалом мировоззренческой коллизии. Механистическая модель мира сменялась неклассической индетерминистской методологией. Она необычайно расширяла пространство свободного научного творчества и нетривиальных социально-практических преобразований. Мировоззренческий кризис, сопряженный с научной революцией того времени, казалось, «играл в пользу» релятивизма. Но неокантианская теория социально-гуманитарного знания содержала концепт непреходящих идеальных ценностей, эволюционирующих в процессе исторических перемен и вместе с тем сохраняющих преемственную связь с прошлым. Революция 1917 г. в России смела одну из таких общечеловеческих базовых ценностей – парламентаризм, разогнав Учредительное собрание.

Издание двух монографий показало, что в ходе изучения подготовки, проведения выборов в Учредительное собрание и его однодневной деятельности накоплено громадное количество новых сведений о демократическом процессе в революционной и воюющей России. Это, в свою очередь, диктовало необходимость систематизации введенного в научный оборот материала в формате Энциклопедии. На развилке истории идея и практика созыва Учредительного собрания стали эпицентром всей политической жизни российского общества. Они привлекли к себе внимание и вызвали необычайную активность громадного числа организаций и людей. Кого и что они собой представляли – на эти вопросы дается ответ в почти 1900 статьях Энциклопедии, из которых 80 % (444 страницы текста) написаны самим Л.Г. Протасовым.

Авторская концепция Энциклопедии сформулирована лаконично, но емко: это – «научно-справочное издание по истории подлинно легитимного общенационального представительного органа как кульминации российского революционного процесса

1917–1918 гг. и важнейшего рубежа в истории отечественной государственности. В Энциклопедии представлено больше 900 биографических статей, материалы о важнейших институтах (областники, юридическое совещание, Всероссийское демократическое совещание, Временное правительство и др.) и основных правовых актах, касающихся выборов и созыва Учредительного собрания, данные обо всех кандидатских списках, избирательных округах, электоральная статистика, охватывающая почти 50 млн избирателей, сведения о партиях и партийных блоках, партийно-политические документы (предвыборные программы и лозунги), сведения о национальных и социальных группах (казацество, мусавитисты и др.), понятия и термины (аннулированные выборы, голоса недействительные, голосование шарами и т. п.). В книге освещено протестное движение против разгона демократически избранного органа народоправства (Союз защиты Учредительного собрания, КОМУЧ и другие статьи). Многие фотографии и прочие иллюстрации публикуются впервые. Энциклопедия «Всероссийское Учредительное собрание», безусловно, займет достойное место в ряду многочисленных энциклопедий и словарей по российской истории XIX – начала XX в.

Важным направлением научной деятельности Л.Г. Протасова стало историческое краеведение. Он был автором ряда глав в одном из первых учебников по истории Тамбовского края для школьников, вышедших на рубеже 1960–1970-х гг., руководителем авторского коллектива и ответственным редактором юбилейного издания «Страницы истории Тамбовского края» (1986), которое почти 20 лет было базовым учебным пособием в школах Тамбовской области. Лев Григорьевич стал одним из организаторов двух выпусков документальной публикации «Антоновщина», посвященной истории Крестьянской войны 1919–1921 гг. на Тамбовщине (1994, 2007). Заметным событием в жизни Тамбовской области стал выход в 2004 г. Тамбовской энциклопедии, главным редактором и автором десятков статей которой был профессор Л.Г. Протасов. Каждая статья этого фундаментального труда прошла через его редакторские руки. Он принял активное участие в издании последнего по времени учебника для школ «Историческое краеведе-

ние: история Тамбовского края» (2007), который и сегодня служит основным пособием для школьников Тамбовской области и базирующейся на научных знаниях книгой для молодежи и всех интересующихся историей своей малой родины.

Монографии и статьи Л.Г. Протасова нельзя пролистать и положить на полку. Читатель, предпочитающий глубокие научные исследования по истории, будет внимательно читать и перечитывать его книги. Л.Г. Протасов смотрел на свое профессорское дело не только как на формирование научных исторических знаний, но и как на школу воспитания у студентов, слушателей и читателей чувства долга и ответственности перед обществом. Мягкий пафос, глубокая аналитичность в сочетании с художественным стилем изложения помогали профессору Л.Г. Протасову успешно выполнять возложенную им самим на себя благородную миссию. В силу своего характера и гражданской позиции Лев Григорьевич не мог и не стал ученым-отшельником. Он был деятельным участником демократических движений в России новейшего времени, кандидатом в народные депутаты СССР, членом общественных комиссий г. Тамбова по топонимике, по присвоению почетного гражданства и др. Убежденный интернационалист Л.Г. Протасов был кавалером ордена Дружбы народов.

Трудно переоценить вклад Л.Г. Протасова в совершенствование высшего исторического образования в Тамбовском крае. Подавляющее большинство докторов и кандидатов исторических наук, учителей истории, сотрудников музеев и архивов, многие государственные служащие, работающие в Тамбове и области, в большей или меньшей степени – ученики Л.Г. Протасова. Благодаря ему завязаны прочные духовные узы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина с тамбовским и – шире – российским обществом. Лев Григорьевич Протасов был и останется гордостью отечественного образования и науки.

ВОСПОМИНАНИЯ О.Л. ПРОТАСОВОЙ

Я, пожалуй, не знаю более организованного и – в самом лучшем смысле этого слова – педантичного человека, чем был мой отец, Л.Г. Протасов. Организованным он был во

всех сферах жизни, а второе качество относилось исключительно к работе: он был очень требователен как к другим, так и (в первую очередь) к себе. Его трудолюбие поражало, и мы не могли понять, где заканчивается удовольствие от работы и начинается «самоистязание». Впрочем, в самое последнее время жизни Л.Г. Протасов, когда работа над энциклопедией «Всероссийское Учредительное собрание» шла форсированными темпами, а в вузах начались реформы, переключавшие с творчества на формализм и документацию, второго все-таки стало больше...

До последних лет, т. е. до этих пресловутых реформ, отец часто говорил моей маме, что не мог бы, не хотел бы работать в научно-исследовательском учреждении, где нет живого общения со студентами, аспирантами, где нет возможности учить, передавать свои знания и получать при этом отдачу. С отменой конкурсного отбора при поступлении, по его мнению, «качество» студентов ухудшилось, а переход на систему бакалавриата с усечением учебных часов и вовсе стал сводить его к минимуму. Поэтому с большим удовольствием он занимался аспирантами и делами ученого совета, основателем и вдохновителем которого был, и вел эту сложную политику с большим искусством.

Он был всегда очень внимателен к своим ученикам, требуя от них добросовестной работы, но при этом оказывая неоценимую помощь. Некачественные результаты никогда не удовлетворяли его, и, если в чем-то он не мог добиться от «учеников» (юных либо взрослых – всякие были) того, что считал приемлемым, он сам правил их тексты, показывая, как нужно делать, направляя их мысль. Л.Г. Протасов заканчивал историко-филологический факультет, и взаимоотношения с русским языком у него были особенные. Его научные труды, на взгляд многих, своего рода – стилистическое совершенство и, хотя в этом смысле он был не чужд искусству, сам наслаждался формой изложения, однако содержание никогда не приносилось форме в жертву. То же касалось и чужих трудов, как научных, так и художественных.

Он очень ценил дружбу, умел дружить, и во многих случаях, на наш взгляд, гораздо больше давал сам, чем получал взамен. Довольно жесткий и требовательный в профес-

сиональной области, здесь он был очень снисходителен и прощал друзьям то, что, в общем-то, простить трудно. Благодаря мягкости, обаянию, терпимости у него было много знакомых, приятелей, несколько близких друзей (настоящих друзей в полном смысле этого слова вряд ли может быть много у взрослого серьезного человека), благодаря уму, знаниям и вышеназванным качествам – много связей в ученом мире, но для себя он использовал эти связи минимально; сам охотно помогал, но просил помощи для себя или семьи лишь в самых крайних случаях.

В быту Л.Г. Протасов был не то чтобы совсем непритязателен, но и не слишком взыскателен. Ему создавались такие условия, чтобы он как можно меньше отвлекался на «быт» и занимался тем, что ему нужно, полезно и приятно. Он любил элегантную одежду и умел ее носить. Его страстью был спорт (особенно футбол, хоккей, а последние несколько лет, когда трансляции стали зрелищными – к ним прибавился биатлон), и я с детства горячо приветствовала эти увлечения. В футбол Л.Г. Протасов играл и сам, причем, несмотря на противодействие мамы, ходил на проводимые в спортзале вуза матчи, в которых участвовал наравне со студентами, чуть ли не до 60 лет – пока однажды не сломал руку. Это положило конец его активной футбольной жизни, но никак не любви к футболу. Обожал он и шахматы – играл с кем только возможно (разумеется, если соперник был достойный), а когда появились компьютерные шахматные программы, переключился на них. В минуты отдыха (и, как он говорил, «для тренировки ума») постоянно раскладывал пасьянс. Он был азартен и не просто играл, а всегда старался во что бы то ни стало выиграть, и в минуты азарта проявлялась страстность натуры, обычно скрытая под воспитанием и врожденной деликатностью. Когда шли матчи с участием его любимого «Спартака», болельщиком которого он был с детства, или сборной России, он так переживал и нервничал, что чуть не заболел.

Л.Г. Протасов стремился к саморазвитию в разных сферах. Когда я в детстве захотела изучать итальянский язык, он с воодушевлением поддержал эту идею и поступил на трехгодичные заочные курсы (я не могла этого сделать, т. к. туда принимали только людей с высшим образованием). Все три го-

да он стоически выносил «школярские» тяготы – заказывал учебную литературу, аккуратнейшим образом выполнял и отсылал письменные задания, и таки завершил это дело, получив соответствующий документ.

Круг его интересов вообще был чрезвычайно широк; он не просто получал информацию, но всегда ее анализировал и мог применить к месту, в частности, в научной сфере. Лишь в последние годы, после 70 лет, он стал как бы «отсекать» от себя постороннее, практически полностью переключившись на энциклопедию «Всероссийское Учредительное собрание», которая должна была увенчать (да так и произошло) его многолетний научный труд. «Планов много, а времени мало», – говорил он маме, которая сетовала на его прямо-таки нечеловеческие усилия: в последнее время, стремясь успеть завершить книгу к 2015 г., он буквально дневал и ночевал за компьютером, не желая отрываться даже на еду. Он шутил насчет энциклопедии: «Памятник себе создаю». Возможно, он чувствовал, как такой труд подтачивает его здоровье, а может быть, и нет – во всяком случае, жалоб мы почти никогда не слышали. Он всегда говорил, что здоров.

В «либеральные» 1990-е гг. он всерьез увлекся политикой, многие знают его активную деятельность в обществе «Мемориал». Постепенно связи с «Мемориалом» трансформировались в чисто научные. В последние же годы, особенно после начала событий на Украине, Л.Г. Протасов стал говорить, что, хотя всегда считал себя либералом, теперь стал патриотом. В отношении религии он был, по его собственным словам, агностиком, но уважал любые мнения, где не было мракобесия; он всегда считал свободу совести одним из лучших неперенных атрибутов современного общества. Правда, эта либеральность не касалась последних веяний европейской «гендерной» толерантности – ее он не понимал и терпеть не мог.

Еще один предмет нежной любви Л.Г. Протасова – животные. Он любил всех животных, всегда рассказывал о них, если видел на улице или у кого-то из знакомых представителя фауны. У меня дома всегда жили кошки, и папа под предлогом прогулки ради здоровья в любой удобный момент приходил к ним на «свидание». Если в общении с людьми он никогда не проявлял сенти-

ментальности, то животные вызывали у него невероятную нежность, и он абсолютно этого не стеснялся.

Л.Г. Протасов любил путешествия; в молодости он где только не был, и уже после 70 лет дважды побывал в круизах – по Центральной Европе и Скандинавии. Путешественник он был очень мобильный и неутомимый. Последняя наша заграничная поездка – на конференцию в Чехию в 2012 г. – запомнится мне на всю жизнь. Летом 2015 г. он собирался на конференцию в Люксембург, оформил загранпаспорт, но 6 февраля его не стало... Уход его был столь стремительным, что до сих пор (хотя прошел почти год) не всегда это осознается.

Его жизненным принципом можно назвать: «Живи как хочешь, никому не мешай». Благородный и деликатный в жизни, таким он оказался и в смерти – никого не утруждал, не мучил, вздохнул и будто уснул – под иконами.

ПЕРЕПИСКА

Sun, 6 Jul 2014 17:11:44-0700

от natalia tikhomirova¹

Дорогой Лев Григорьевич! Давно и с надеждой жду письма от Вас. Продолжаю надеяться, что Вы в отпуске, в отъезде... Неужели дружбе конец? НТ

Лев Григорьевич Протасов

Кому: natalia tikhomirova

7 июля 2014, 20:56

Бог с Вами, дорогая Наталья Александровна! Неужто политика стоит того, чтобы портить из-за нее отношения. Уж какие у нас в Тамбове были стычки с местными властями «красного пояса», но со всеми знакомыми функционерами у меня сохранились уважительные отношения. Иное дело, что у нас здесь кровь, что льется в Украине, воспринимается сильнее: с этого начинается и этим все заканчивается в СМИ. Профессия меня обязывает не воспринимать все на веру, но

¹ Тихомирова Наталья Александровна (Вашингтон, США), американская исследовательница. Вот как характеризовал ее Л.Г. Протасов в связи с выходом его статьи «Отец и сын Леонтьевы» в журнале «Вопросы истории» (2013, № 6, с. 35): «Моя глубокая признательность – д-ру Наталье Александровне Тихомировой. Ее бескорыстная помощь советами, информацией, тонкие психологические наблюдения делают ее полноправным соавтором статьи».

воевать со своим народом вместо того, чтобы договориться, пусть и ценой уступок? Вот это и есть отсутствие политической культуры. Ленинское понимание компромисса: уступка во второстепенном ради сохранения главного, в данном случае – власти. Впрочем, чего требовать от тех, кто сам захватил власть вооруженным путем. Только не верьте тому, что все дело в России. Если бы было так, украинской армии уже не было бы вовсе. А пока что все время кадры с беженцами из Украины, которых в России уже до полумиллиона. Я на днях оформлял загранпаспорт и видел приезжих из Луганска в службе миграции. Ну, да ладно. У меня сегодня приятная новость: полтора года мытарств и ожиданий, но сегодня ВАК опубликовал приказ об открытии нашего диссовета, где я председатель. Кроме того, мы получили большой грант, так что еще три года буду совмещать с должностью научного сотрудника, что существенно при нашей инфляции. Я уже в отпуске (первый день), но практически это ничего не меняет, поскольку и в учебном году я был почти без нагрузки (0,3 ставки) и в отпуске никуда не поеду. Не знаю, писал ли я Вам, что приобрел дачу (9 соток) и даже был там однажды. Зато дочь (приобретение для нее, недвижимость на будущее) с мужем едут туда при первой возможности. Посылаю также старые фото младшего члена нашей семьи, сейчас ей уже 10 месяцев, и она необыкновенно красива: природа как следует постаралась над ее раскраской. Скоро пришлю более современные фото. Давно собирался написать, но сейчас, если заметили, идет мировой футбол, а я болельщик с 1951 г. Пока все, обнимаю, Лев.

Лев Григорьевич Протасов

Кому: natalia tikhomirova

28 августа 2014, 23:01

Добрый вечер, дорогая Наталья Александровна! Прошу униженно не сильно корить меня за молчание. Есть хотя бы повод сослаться на занятость с энциклопедией, но настоящая занятость начнется конечно в сентябре, с началом лекций. Но времени и вправду не хватает. Кажется, только что начался отпуск, и вот его уже нет. Вдобавок наш факультет переезжает в противоположную («дворянскую», как ее называли в советские времена), мне это ближе и удобней.

Сейчас занимаюсь подбором иллюстраций (портретов) для издания, в основном в Интернете. То же делают и в издательстве, но, к сожалению, многое из найденного не удастся воспроизвести технически из-за недостаточной насыщенности. Сорвалась и моя поездка в Белград на конференцию по Первой мировой войне. В.И. Якунин, министр железных дорог, в свой чартер, вероятно, предпочел взять не историков, а своих близких и знакомых, поэтому из списка вычеркнули не только меня, но и нескольких крупных московских авторов (А.П. Ненароков, В.В. Шелохаев). Впрочем, мои женщины рады – меньше риска. Если Вы не передумаете и это не слишком обременительно в отношении пересылки книги, то мой адрес таков: 392036, Тамбов, ул. Интернациональная, д. 36, кв. 154. Но все это не к спеху, под настроение. Поражаюсь, откуда у Вас столько писем. Наверное, другая культура отношений. А мы, когда издавали «Письма Великой Отечественной», имели только одно письмо моего дяди моей матери из Омска, где он в 1942-м обучался в пехотном училище и вскоре погиб под Сталинградом. У меня, как у Евгения Винокурова в стихотворении «Москвичи»: Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой. Один дядя (по матери) – Сергей, другой (по отцу) – Виктор. Что-то я сегодня расписался, пора переключиться на предпочное чтение. Всего доброго, Лев.

Лев Григорьевич Протасов

Кому: natalia tikhomirova

31 октября 2014, 22:33

Добрый вечер, дорогая Наталья Александровна! Не напрасно говорят, что женщины меньше знают, чем наш пол, но больше понимают. Со второй частью этой сентенции соглашался всегда, а сегодня тем более. Вновь я попал в ситуацию, когда надо спасать лицо, т. е. отвечать немедленно на Ваше письмо. Разумеется, я шучу и в действительности лишь ругаю себя за то, что вовремя Вам не отписал с просьбой, если будете высылать книгу Э. Маркс, разыскать заодно и книгу О. Рэдки о выборах в Учредительное собрание. Но теперь эта просьба отпадает, тем более что у меня есть ее ксерокс – в свое время для меня ее сделал и привез Л. Хаймсон, ныне уже покойный. Спасибо искреннее за Ваши благодеяния, которых я, наверное,

все же не заслуживаю по своей корреспондентской необязательности. Извинение у меня одно, может, оно Вас успокоит: я всегда испытываю укоры совести в подобных случаях (увы, рефлексия мне сильно досаждала, хотя она и считается привилегией интеллигентов, но я от нее страдаю больше других). Так что лягу спать с успокоившейся душой. Вчера, впрочем, тоже укладывался с подобным ощущением, но уже по другому поводу. Впервые за несколько месяцев почувствовал себя свободным от долгов по энциклопедии, особенно в последние недели, когда в день получал по несколько писем из редакции РОССПЭНа с пометками «Ответить в первую очередь». Речь в них шла об исправлениях в редактируемых текстах, и приходилось отодвигать все и заниматься уточнениями, поисками вариантов и прочей мороки. Вчера отправил уже приложения в виде таблиц к энциклопедии и все... Сегодня уже ни одного письма оттуда. На прошлой неделе был в Москве, подписал финансовый отчет, подписал верстку, посмотрел на будущую обложку книги. Она не монохронная, а похожа на обложку моей же книги о Людях Учредительного собрания, т. е. будет веселой. В этом месяце уже должна выйти – «Закончен труд, завещанный от Бога мне, грешному...». Переключился уже на переделку диссертации моего, видимо, последнего уже аспиранта о «Политической культуре провинции в 1917 г.» и чтение книги воспоминаний нашего бывшего проректора, прежде работника ОК КПСС. Ваш Лев.

Thu, 30 Oct 2014 15:30:27-0700

от natalia tikhomirova

Дорогой Лев Григорьевич, книгу невестки Леонтьева Вам послала несколько дней назад. Когда получите, напишите, пожалуйста, а то волнуюсь – дойдет ли, вспоминая Ваш неудачный опыт. С любовью. Н. Тихомирова.

Sat, 24 Jan 2015, 19:16 UTC

от natalia tikhomirova

Дорогой Лев Григорьевич! Давно о Вас ничего не получала. Надеюсь, что это просто означает, что Вы очень заняты. Надеюсь, что здоровы. Настроение у меня такое «поганое», что даже писать не хочется. Работаю плохо и медленно, просто стараюсь чем-то себя за-

нять. Но о Вас всегда думаю с любовью. Н. Тихомирова.

Лев Григорьевич Протасов

Кому: natalia tikhomirova

26 января, 22:46

Добрый вечер, дорогая Наталья Александровна! Рад Вашему письму. Как-то думалось, что это не моя очередь, к тому же я честно предупреждал и раньше, что эпистолярный жанр – не мое. Не буду лукавить: не так уж и занят, хотя работу себе всегда нахожу. Но ничего срочного. Завтра еду в Москву в издательство, чтобы получить свои экземпляры энциклопедии, а то мне уже звонят москвичи, поздравляют, а я ее вживую и не видел...

Да, у меня и просьба есть. Нет ли в американской (и в англоязычной) литературе каких-либо публикаций о Николае Владиславовиче Вольском (Валентинове)? Это наш философ, экономист, родом из Моршанска, автор лучших мемуаров о Ленине, недолгим другом которого состоял, пока вождь не заподозрил его (и справедливо) в махизме и не порвал с ним как с обскурантом и сикофантом (помните ли такую элоквенцию конца 1940-х – начала 1950-х). Настоятельно советую прочесть его «Недорисованный портрет» или что-то другое из мемуаристики. Обещаю: получите большое удовольствие. Странно, что я ничего о нем не нашел в Интернете, а личность выдающаяся. Может, Вы что-нибудь разглядите, как несколько лет назад о Леонтьевых. Вольский тоже невозвращенец и умер в США уже в 1964 г. Надеюсь, отвлек Вас от дурных мыслей и поганого настроения. Я тоже думаю о Вас с любовью. Ваш Лев.

Лев Григорьевич Протасов

Кому: Morozovs¹

28 сентября 2014, 10:48

Доброе утро, Константин Николаевич!.. В среду в РОССПЭНе на встрече с редакторами и директором все было расписано до конца. Книга выйдет в ноябре, а окончательно отредактированный текст должен быть

¹ Морозов Константин Николаевич, доктор исторических наук, заместитель Председателя международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал», один из авторов-составителей Энциклопедии.

сдан в верстку к 1 октября, но из-за невозможности этого – отсрочено на неделю. В принципе это меня устроит, поскольку остались только несколько букв, мною неотредактированных до конца и не сданных редакторам (речь идет уже о повторном редактировании). Я высылаю несколькими партиями указанные Вами персоналии... По обсуждению рукописи в издательстве решили отказаться от подписей под статьями – мое предложение: иначе будет свыше полутора тысяч «Протасовых», это будет шокировать.

С уважением, Протасов.

Sun, 11 Jan 2015, 12:01+03:00

от Олег Сафронов¹

Уважаемый Лев Григорьевич!

Поздравляю Вас с Новогодними и рождественскими праздниками!

Желаю крепкого здоровья, счастья и хорошего настроения!

P.S. Прочитали ли Вы мою диссертацию?

С уважением,

Олег Семенович Сафронов

Лев Григорьевич Протасов

Кому: Олег Сафронов

12 января 2015, 21:07

Добрый вечер, уважаемый Олег Семенович! Поздравляю и я Вас с праздниками, включая Старый Новый год! Конечно, я давно прочитал Вашу работу. Более того, еще 29 декабря я звонил В.Н. Фурсову, изложив свое понимание ситуации, с чем он согласился и обещал Вам позвонить уже после Нового года, но, видно, забыл. Впрочем, это уже не важно. Суть в том, что диссертация в гораздо большей степени похожа на специальность 07.00.09 (историография), чем на нашу 07.00.02. 5 глав из 7 в ней посвящены историческим взглядам М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина на разные исторические периоды и проблемы, что видно уже из их названий. (К сожалению, при нашей встрече я не заглянул внутрь текста). На всякий случай я давал рукопись и другим нашим членам диссовета, а А.Г. Айрапетов внимательно

но с ней ознакомился. Мнения наши совпадают: в таком виде мы не можем ее квалифицировать по специальности «отечественная история». Вероятно, переделывать ее под историографическую специальность Вы не станете, там будут другие критерии. Значит, диссертацию требуется перестроить. Может, оставить пару глав под «историографическими» заголовками, а другие переформатировать, взяв за основу не исторические темы, а, скажем, общие, философские (религия, культура, политика, мораль и т. п.), что Вам, конечно, виднее. Я-то полагал, что после звонка Владимира Николаевича Вы созвонитесь с нами, и мы найдем какой-либо вариант выхода. Но в данном варианте принять диссертацию очень рискованно и для Вас, и для диссовета. Решать Вам. С уважением, Протасов.

Thu, 15 Jan 2015 13:23:33+0300

от Олег Сафронов

Здравствуйте, уважаемый Лев Григорьевич.

Планирую посетить Тамбов. Сообщите, пожалуйста, в какие дни недели и в какое время я могу с Вами встретиться.

P.S. Надеюсь, что А.Г. Айрапетов не забыл отдать Вам 2-й экземпляр диссертации.

Лев Григорьевич Протасов

Кому: Олег Сафронов

19 января, 2015, 19:12

Добрый вечер, Олег Семенович! Как и обещал, сообщаю оптимальные дни, когда А.Г. Айрапетов и я будем свободны – это четверг и пятница текущей и будущей недели. Время будет зависеть от Вас, поскольку это связано с временем приезда. С уважением, Протасов.

Список литературы

1. *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997.
2. *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.
3. Всероссийское Учредительное собрание: энциклопедия / отв. ред. Л.Г. Протасов. М., 2014.

References

1. Protasov L.G. *Vserossiyskoe Uchreditel'noe sobranie: istoriya rozhdeniya i gibeli*. Moscow, 1997.

¹ Сафронов Олег Семенович, кандидат исторических наук, доцент, 19 декабря 2015 г. защитил докторскую диссертацию в Диссертационном совете в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина.

2. Protasov L.G. *Lyudi Uchreditel'nogo sobraniya: portret v inter'ere epokhi*. Moscow, 2008.
3. *Vserossiyskoe Uchreditel'noe sobranie: entsiklopediya* / otv. red. L.G. Protasov. Moscow, 2014.

Поступила в редакцию 19.11.2015 г.
Received 19 November 2015

UDC 93/94

LEV GRIGORYEVICH PROTASOV (1938–2015)

Arutyun Gurgenevich AYRAPETOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of History, Professor of History, World Policy and Sociology Faculty, e-mail: airahist@mail.ru

Yuri Aleksandrovich MIZIS, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of History, Professor of History, World Policy and Sociology Faculty, Head of General and Russian History Department, e-mail: roshist@tsu.tmb.ru

The materials, devoted to blessed memory of L.G. Protasov, doctor of history, professor, scientific adviser of Institute of Humanitarian and Socio-Cultural Education of Tambov State University named after G.R. Derzhavin are presented in this publication. The materials contain the article of A.G. Ayrapetov and Y.A. Mizis about the life and scientific heritage of L.G. Protasov, short memories of his daughter, candidate of history, associate professor of Tambov State University named after G.R. Derzhavin Olga Lvovna Protasova, business correspondence of L.G. Protasov with his correspondents before his death. They give an idea of the circle of problems and worries, of characteristic features of outstanding Russian historian's character.

Key words: L.G. Protasov; revolution in 1917; All Russian Constituent Assembly; deep analysis; bright style.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-1(153)-96-108